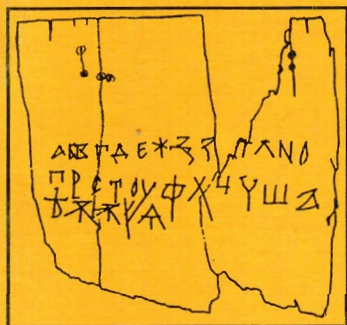

Библиотека Института славяноведения

Российская академия наук
Институт славяноведения
Отдел славянского языкознания

Т. И. Вендина **Русская
языковая картина мира
сквозь призму
словообразования
(макрокосм)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1998

Ответственный редактор

А. Ф. Журавлев

Рецензенты:

чл.-корр. РАН *Н. Д. Арутюнова*

доктор филологических наук *И. А. Попов*

ISBN 5-85759-081-7

© Т. И. Вендина, 1998

© Институт славяноведения
РАН, 1998

Оглавление

Введение	5
<i>Глава первая</i>	
Небо и небесные тела.....	24
<i>Глава вторая</i>	
Земля	41
<i>Глава третья</i>	
Растительный мир	74
Лес	74
Деревья	81
Травы и цветы.....	90
Ягоды	102
Грибы.....	105
Сад.....	111
Огород	117
Поле.....	124
<i>Глава четвертая</i>	
Животный мир	140
Животные	140
Птицы	161

Насекомые	179
Пресмыкающиеся	184
Земноводные	186
Рыбы.....	188
Заключение.....	202
Цитируемая литература.....	229

*Посвящается светлой памяти моих родителей
Вендиной Софьи Савельевны
и Вендина Ивана Федоровича*

Введение

Настоящая монография находится в русле исследований, разрабатывающих проблемы, связанные с формированием языковой картины мира и реконструкцией системы ценностей.

Интерес к изучению языковой картины мира имеет достаточно давнюю историю. Актуализация в последнее десятилетие идей В. фон Гумбольдта «о языке как деятельности народного духа», о различиях языков с точки зрения их «мировидения» (Гумбольдт, 1984, с. 80, 319) способствовала переходу от лингвистики «имманентной» (ориентированной на изучение языка «в самом себе и для себя») к лингвистике антропологической, имеющей своей целью изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью. К сожалению, «на протяжении долгого времени лингвистика изучала не язык как таковой, в единстве его телесного и духовного аспектов, а лишь грамматический, синтаксический и семантический скелет языка. Именно по этой причине не удавалось перекинуть мостик от языка к мышлению, нащупать их связующее начало. Между тем не скелет; а душа языка, т. е. опредмеченное в нем мировоззрение, идеология, система ценностей, напрямую связывает его с душой говорящего субъекта, его внутренним миром, мышлением» (Борухов, 1991, с. 116).

Среди многочисленных проблем антропологической программы языкознания выделяются такие, как язык и духовная деятельность человека, язык и познание, язык и культура и др., в которых картина мира рассматривается как форма представления и интерпретации сфер культуры и жизнедеятельности человека. В настоящее время в рамках антропологической лингвистики замет-

но возрос интерес к изучению типологии языковых картин мира (Вяч. Вс. Иванов, С. М. Толстая, А. Ф. Журавлев, С. Е. Никитина), языковой картины мира и ее отражения средствами разных языковых уровней (Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, А. Д. Шмелев, Е. С. Яковлева), языковой картины мира в зеркале метафоры (Н. Д. Арутюнова, Г. Н. Скляревская, В. Н. Телия) и аксиологии (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, польская школа аксиологии во главе с Я. Пузыниной) и т. д. Такое разнообразие направлений свидетельствует о том, что область манифестаций картины мира чрезвычайно широка. Для ее моделирования привлекаются языковые средства разных уровней. Нельзя не согласиться с Ю. Д. Апресяном в том, что «реконструкция наивной модели мира на основе полного описания лексических и грамматических значений рассматривается как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе» (Апресян, 1986, с. 6).

Известно, что в семантической структуре слова содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, начиная с витальных и кончая общественно-социальными и культурологическими. Как справедливо отмечает Т. В. Топорова, «именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым (и, добавим, ценностным) параметрам модели мира» (Топорова, 1994, с. 3). Она раскрывает особенности видения и «прочтения» мира тем или иным народом и является своеобразным ориентиром в его освоении. Лексическая система языка, по сути дела, репрезентирует организованную классификацию человеческого опыта (Кацнельсон, 1972, Маковский, 1980, Серебренников, 1983, Скляревская, 1993 и др.). Непреложной истиной является тот факт, что в слове аккумулируются особенности восприятия мира, хранится и передается из поколения в поколение исторический опыт народа, его генетическая память. Эта информация о жизненных ценностях (личностных, социальных, моральных, эстетических, биологических и др.) нередко выражена имплицитно, поскольку «этимологическая память слова» часто оказывается затемненной, поддающейся восстановлению лишь путем реконструкции, этимологизации слова (см., например, работы В. Н. Топорова (1993), О. Н. Трубачева (1988), А. Ф. Журавлева (1997), посвященные реконструкции системы ценностей на праславянском лексическом уровне). Однако чаще всего она

все-таки эксплицирована в слове, хотя и прочитывается только при системном подходе к материалу.

Несмотря на интерес к изучению ценностных параметров картины мира, следует признать, что аксиологические идеи и методы исследования получили пока наиболее широкое распространение в этнологии и социологии, в рамках которых ведется изучение культур сквозь призму символов и ценностей разных этносов (см., например, вышедшие за последние несколько лет сборники теоретических исследований Института этнологии и антропологии РАН, среди которых «Духовная культура и этническое самосознание», М., 1990–1991, вып. 1–2; «Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества», М., 1994 и др.). В лингвистике аксиологические установки, свойственные данному человеческому сообществу в связи с реконструкцией его этнической культуры через языковые средства, затрагиваются довольно редко. «Культурные факты и понятия, материальные и духовные (моральные, эстетические) ценности, которые неотлучно находятся в поле зрения лингвистов-историков и входят в число составляющих этнических и культурных традиций, рассматриваются, как правило, вне связи с их специальным языковым выражением» (Журавлев, 1997). Исследования ведутся в основном в направлении изучения логики оценок и видов их репрезентации в языке. Отсюда внимание преимущественно к проблеме оценочных значений, оценочных высказываний, к их функциональным особенностям и способам выражения в языке и тексте [см., например, работы Н. Д. Арутюновой (1983, 1984, 1988), Е. М. Вольф (1985), Г. Е. Крейдлина (1993) и др., а также многочисленные работы польской школы аксиологии во главе с Я. Пузыниной (Puzynina, 1982, 1992), *Nazwy wartości* (1993), *Wartościowanie w języku* (1992) и др.]. В центре внимания находится, как правило, предложение (высказывание) в его связи с мышлением человека, жизненными коллизиями и ситуациями в речи. Между тем ценностные отношения находят свое выражение не только в синтаксических конструкциях, но и в словообразовательных.

Если попытаться сопоставить словообразовательный акт с механизмом выражения мнения о ценности в полипредикативных предложениях простой, сложной или осложненной структуры,

то следует признать, что в словообразовательном акте (и шире — в процессе номинации) так же, как и в оценочном суждении, совершается тот же процесс мыслительной операции и устанавливаются те же причинно-следственные связи между явлениями действительности, как и в любом оценочном высказывании: здесь происходит то же сопоставление и так же дается логическая квалификация и оценка явлений, подлежащих словообразовательному детерминированию, как и в предикативных конструкциях. Более того, если принять во внимание общеизвестный факт, что в словотворческом акте присутствуют предикативные отношения (о чем писал еще П. А. Флоренский, уподоблявший слово «свившемуся в комок предложению, а предложение — свободно распустившемуся слову» (Флоренский, 1989, с. 126–127), а позднее Е. Курилович, Е. С. Кубрякова и другие исследователи), то в производном имени можно выявить ту же предикацию, которая является ядром оценочного суждения, поскольку здесь происходит соединение называющего (или оценивающего) субъекта и предиката, передается отношение говорящего к предмету, в результате чего ему приписывается тот или иной признак. Думается, что верное в своей основе замечание Т. В. Маркеловой о том, что «структура производного слова подобна структуре оценочного высказывания, в котором аффикс выполняет функцию оценочного предиката, единственного обязательного вербализуемого компонента оценочного семантического комплекса» (Маркелова, 1996, с. 204), относится не только к модификатам, но и к транспозитам, а также к дериватам с мутационным словообразовательным значением.

Как известно, в любом языке предметы и явления внешнего мира могут быть интерпретированы либо изнутри (через внутреннюю форму слова, в которой как бы просвечивает семантическая мотивированность), либо извне (через определение, синтаксическую сочетаемость, дефиниции и ассоциации). При этом «сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности» (Петренко, 1988, с. 12), т. е. объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности. Словообразование же открывает возможности для кон-

цептуальной интерпретации действительности. Оно позволяет понять, *какие* элементы внеязыковой действительности и *как* словообразовательно маркируются, *почему* они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка. Цветовые, звуковые, вкусовые, функциональные качества и свойства предметов и явлений внешнего мира актуализируются лишь в тех объектах, которые вовлекаются в сферу познавательной и практической деятельности человека и которые представляют для него жизненную или социальную ценность. Нельзя не согласиться с Т. М. Николаевой, которая, говоря о роли качественных прилагательных в формировании картины мира, замечает: «Приписывая предметам и явлениям окружающего мира те или иные объективно присущие им свойства, человек демонстрирует свое небезразличие к этим свойствам» (Николаева, 1983, с. 235–236). Сам процесс их «означивания» с помощью словообразовательных средств предполагает измерение их *значимости* для носителя языка. Поэтому в словообразовании ярче всего реализуется идея связи сознания со структурой языка.

На эту аксиологическую ориентированность русского словообразования давно уже обратили внимание философы. «У русских, как и у всех славян, — писал в свое время Н. О. Лосский, — высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в обилии уменьшительных, увеличительных и уничижительных имен» (Лосский, 1957, с. 7). Признавая справедливость этих слов, хотелось бы уточнить, однако, что не только эмоционально-экспрессивная лексика является выразителем ценностных отношений, но и стилистически нейтральная.

Системно-функциональный подход к фактам словообразования позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности и эксплицировать своеобразие в лексико-семантическом освоении мира — от названий отдельных растений или атмосферных явлений до социальных структур разного уровня. Взаимодействие человека с окружающим миром, в процессе которого происходит познание и оценка мира, приводит к формированию ценностного видения мира.

Словообразование же дает возможность понять, какие ценности удерживает сознание. Оно эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а главное — их значимость для носителей языка. Именно словообразование позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности, рассмотреть ее сквозь призму шкалы соответствий системе ценностей, определить, какие ее элементы словообразовательно маркируются и почему, и тем самым выяснить *что* в языковом сознании того или иного народа является жизненно и социально важным.

Уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательного детерминирования свидетельствует о его значимости для носителей языка. Эта селективность словообразования позволяет проиллюстрировать своеобразие перцепции и оценки человеком окружающего его мира. Оценивание действительности с точки зрения потребностей, интересов и установок познающего субъекта формирует глубинную основу системы ценностей народа.

И в этом смысле словообразование дает возможность подойти к описанию традиционных представлений русского народа о своей земле и открывает широкие перспективы в изучении этнической психологии¹.

Изучение фактов словообразования в этом аспекте позволяет проникнуть в глубинную основу системы ценностей того или иного народа и выявить (как на синхронном, так и диахронном уровне) его отношение к окружающей природе и общественно-социальным явлениям, поскольку в любом языке с помощью словообразовательных средств объективируются свойства и качества денотатов, являющихся социально или биологически значимыми для носителей языка. В использовании словообразовательных средств отчетливо прослеживается избирательность:

¹ Попутно отметим, что представления эти очень устойчивы. Как показали исследования социальных географов, которые одни из первых обратили внимание на связь психологии восприятия среды с культурной принадлежностью этноса, «поверхность земли видится каждой личностью исключительно через призму своей культуры» (Lowenthal, 1961, p. 260), т. е. существует тесная эмоционально-когнитивная связь этноса с природной средой обитания (Лебедева, 1990, с. 115).

маркируется, как правило, то, что имеет ценность (позитивную или негативную) в сознании народа, что является для него жизненно или социально важным. Прекрасной иллюстрацией этого положения может служить статья А. Ф. Журавлева «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики» (1997). Анализируя, на первый взгляд, бессистемные образования с префиксом *bez- в праславянском языке, автор приходит к выводу, что с помощью негативирующей префиксации маркировались не любые величины, а лишь те, которые относились к фундаментальным ценностям славян.

Эта аксиологическая направленность словообразования позволяет интерпретировать предметы и явления внешнего мира через внутреннюю форму производного слова, которая в разных языках и диалектах (несмотря на универсальный характер объективной реальности) нередко оказывается разной. Более того, именно словообразование дает возможность выявить способы оценки внеязыковой действительности, рассмотреть ее сквозь призму шкалы соответствий системе ценностей того или иного этноса и эксплицировать различия в лексико-семантическом освоении явлений внешнего мира.

О важной роли словообразования в моделировании языковой картины мира и его аксиологической ориентированности свидетельствует и тот факт, что одни семантические участки лексической системы языка оказываются открытыми для актов словообразования, а другие, наоборот, закрытыми (ср., например, ситуацию в славянских языках в семантической сфере «Вселенная», в которой номинативный участок «Небо и небесные тела» оказывается практически закрытым для словообразования, тогда как семантическое пространство «Атмосферные и климатические явления» — широко открытым).

Об аксиологически направленном использовании словообразовательных средств свидетельствует и факт их семантической ориентации (подробнее о семантической ориентации см. Вендина, 1990, с. 17–18), когда за каждым аффиксом закрепляется определенная семантическая функция, эксплицирующая его семантическую «специализацию» (ср., например, существующие во всех славянских языках суффиксы субъективной оценки, в которых аксиологическая маркированность выражена ярче всего).

Поскольку представления того или иного народа об окружающем его мире реализуются и проявляются в «поведении» языковых единиц, то изучение производных имен позволяет не только определить сферу действия словообразовательных процессов (т. е. установить область словообразовательной детерминации), но и выявить *что* в этом мире означает, *что* привлекает внимание носителей языка (и соответственно исследовать принципы номинации основных понятий русской языковой картины мира и «погрузиться» в ее глубины).

В лингвистической литературе уже неоднократно указывалось на то, что мир осваивается человеком «от себя» (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов и др.)². Процесс познания мира человеком можно представить как процесс моделирования окружающей действительности. При этом окружающий мир не просто дублируется с помощью знаковых средств, а оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: явления и предметы внешнего мира оцениваются, принимаются или отвергаются человеком (Дмитровская, 1988, с. 8). Но чтобы оценить мир, «человек должен пропустить его через себя» (Арутюнова, 1988, с. 58). А это значит, что языковая модель мира включает в себя не только когнитивный, но и аксиологический компонент. Познавательное и ценностное как бы сливаются в акте номинации.

В этом смысле представляется чрезвычайно интересным и перспективным с точки зрения антропологической лингвистики и лингвистической гносеологии изучение психологии восприятия среды. Оно позволяет проникнуть «в тайны народного ду-

² Сошлюсь в связи с этим на интересный пример Р. И. Розиной, приводимый ею в статье «Человек и личность в языке» (1991). Говоря о том, что концепт «человек» является ключевым концептом любой культуры, автор замечает, что «место любой реалии в системе культурных ценностей определяется лишь через ту роль, которую играет по отношению к этой реалии человек», и иллюстрирует это положение толкованием слов *парк, роща, лес*: «*Роща, лес* — это совокупность деревьев, не организованных человеком в пространстве, *парк* — совокупность деревьев, размещенных человеком в пространстве. Кроме того, *парк* противопоставляется *роще* и *лесу* как создание человека. *Роща и лес* противопоставляются друг другу с точки зрения способности человека охватить их взглядом, обойти и ориентироваться в них» (Розина, 1991, с. 52).

ха» и воссоздать на лексико-словообразовательном уровне инвариантную модель языковой картины мира. Поскольку «восприятие и осознание человеком мира оказываются производными от культурно-исторического бытия человека» (Петренко, 1988, с. 14), то описание и анализ языковой модели, репрезентирующей это восприятие, дают возможность «погрузиться» в мир ценностей русского народа.

Следует, однако, признать, что несмотря на универсальный характер человеческих ценностей, ни в социальной антропологии, ни в социологии, ни в лингвистической аксиологии типология их еще не разработана (хотя любопытных наблюдений и классификаций предложено немало), более того, нет однозначных определений самих понятий ценности и оценки, как нет и надежных, общепринятых стратегий их описания и квалификации. Отсюда такое разнообразие подходов и классификаций (особенно в зарубежной аксиологии, см., например, работы М. Шелера, Р. Ингардена, В. Зиллига, М. Рокича, Я. Пузыниной и др. исследователей). Попытаемся определить эти понятия и посмотреть, «работают» они или нет в сфере словообразования?

Наименее противоречивым является понятие ценности, которое большинство исследователей трактует как значимость (ср. «Ценности понимаются в самом широком смысле — как значимость предметов и явлений реальной действительности, главным образом, в функции социально-нормативных регуляторов поведения людей, как коллективные представления, имеющие личностный смысл» (Ценности, 1994, с. 10). Хотя следует признать, что существует мнение, согласно которому ценность и значимость — это не синонимичные понятия, так как «значимое отношение более универсальное, существующее вообще в живой природе» (ср., например, значимость элементов естественной среды для ориентации животных), а «ценностное отношение — это особая группа отношений значимости, их превращенная форма, реализующаяся только в человеческом обществе и лишь благодаря этому существующая как социальный феномен» (Ценности познания, 1992, с. 80), т. е. ценность при таком подходе *уже* по объему, чем значимость. При определении понятия «ценность» мы будем исходить из значимости, причем значимости не только *положительной*, но также *отрицатель-*

ной и нулевой³, что позволит в дальнейшем обратиться к изучению модальности ценностей.

Поскольку понятие ценности выполняет самые различные функции в механизмах жизни человека (например, координирующую между человеком и миром природы, стимулирующую или направляющую, дидактическую, регулирующую и др. — подробнее см.: Арутюнова, 1988), то в аксиологии существует множество классификаций ценностей, среди которых выделяются ценности абсолютные или вечные, конкретно-исторические, общественные или социальные, личностные, ценности биологического выживания и др. В философии и социологии в рамках системного подхода разрабатывается теория ценностей и их типология. В социальной антропологии, например, выделяются личностные ценности (в том числе ценности биологического выживания), культурные и социальные (см.: Ценности и символы, 1994, с. 61). В психологической и социологической литературе — ценности относительные (ценности — цели, к достижению которых стремится человек) и ценности инструментальные (или прагматические), так называемые поведенческие ценности, свойства и качества личности, которые служат достижению относительных ценностей (Rokeach, 1973). В лингвистической литературе также существует несколько классификаций, из которых, на наш взгляд, наиболее удачной и приемлемой является классификация, предложенная Н. Д. Арутюновой (Арутюнова, 1984, 1988), в которой, в частности, выделяются *сенсорные* ценности (куда входят *гедонистические* и *психологические* ценности), *сублимированные* (включающие *эстетические* и *этические* оценки) и *рационалистические* (объединяющие *утилитарные*, *нормативные* и *телеологические* оценки). Дальнейшее развитие этой классификации содержится в работах Я. Пузыниной (Puzynina, 1982, 1993),

³ Удачную, на наш взгляд, аргументацию этой классификации ценностей привел А. А. Ивин, который, выделяя нулевые ценности, замечает, что «слово *действие* является общим именем не только для собственно действия, но и для воздержания. Поэтому ценностное отношение имеет место как в том случае, когда предмет оказывается объектом положительного или отрицательного интереса субъекта, так и в том случае, когда предмет исключается субъектом из сферы своих интересов, когда ему приписывается нулевая ценность» (Ивин, 1971, с. 13).

которая предлагает различать ценности *прагматические* и ценности *относительные* (в последние включаются *трансцендентные* или *метафизические, познавательные, эстетические, моральные, нравственные, витальные*, а также *ценности восприятия*), причем обе группы ценностей могут быть как позитивными, так и негативными.

Обращает на себя внимание тот факт, что при всем разнообразии подходов к определению ценностных ориентаций человека общим в их изучении является стремление представить модальность (выявить позитивные и негативные ценности), семантику, определить когнитивные и аффективные компоненты оценки биологической и социальной среды (в том числе эстетические и моральные), акциональность, выделить тип предпочтительного поведения, отношения человека к окружающей его среде и людям (т. е. выявить регулятивные ценности).

Эмпирические наблюдения над словообразовательным материалом с позиций лингвистической аксиологии позволили обнаружить интересные факты, коррелирующие с этой классификацией и свидетельствующие об аксиологической ориентированности словообразования, ибо в каждой семантической сфере языка (открытой для актов словообразования) использование средств деривации подчиняется логике своей системы ценностей.

Как же происходит оценивание предметов и явлений внешнего мира, по каким основаниям? Возведение их в ранг признаваемых ценностей происходит через оценку.

При определении оценки будем исходить из того, что «оценка является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего нас мира для нашей жизни и деятельности» (Фабело, 1984, с. 27), т. е. оценка — это умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта.

В логике принято выделять следующие компоненты оценки: субъект, объект, основание и характер оценки (Ивин, 1971, с. 21).

Субъект оценки — лицо (или социум), определяющее ценность того или иного предмета путем выражения оценки.

Объект оценки — это предмет или явление, которым приписывается ценность или антиценность (ср. обозначение плохой погоды

в русских диалектах: *беспогодица* Барнаул., СРНГ, 2, с. 272; *наносица* Пск., Твер., СРНГ, 20, с. 21; *неведрие* Арх., СРНГ, 20, с. 329; *негода* Курск., Брян., Волгогр., Дон., Кубан., Приамур., СРНГ, 20, с. 327; *непора* Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 119) и т. д.

Основание оценки — это ее мотивация или оценочный признак, т. е. «то, с точки зрения чего производится оценивание» (Ивин, 1971, с. 27). Именно основание оценки является базой многочисленных классификаций оценок, ср. название одуванчика в русских диалектах, в которых основанием оценки может являться вкус (*горькуха* Пск., СРНГ, 7, с. 82), цвет (*желтушка* Киров., СРНГ, 9, с. 115), — аффективная оценка или акциональный признак (*обдуванчик* Калуж., СРНГ, 22, с. 24), признак подобия (*огонек*, *фонарик* ЛАРНГ), — рационалистическая оценка.

В зависимости от того, какие признаки актуализируются в оценочном акте, основания оценки принято дифференцировать на внутренние и внешние. «Внутренние выражают эмоциональную сферу говорящего, его чувства, ощущения, положительные и отрицательные эмоции, связанные с психической сферой симпатий и антипатий. Внешние ориентированы на когнитивную сферу говорящего, они отражают знания субъекта, формируемые отношением ментальной и социальной природы окружающей человека действительности» (Маркелова, 1996, с. 68).

Характер оценки — это признание ценности (положительной, отрицательной или нулевой) объекта оценки (ср. обозначение в русских говорах человека небольшого роста *коротай* Арх., СРНГ, 14, с. 367; *корявчик* Калуж., СРНГ, 15, с. 41; *малозём* Перм., СРНГ, 17, с. 333; *позёмьш* ЛАРНГ; *поползень* Яросл., Смол., СРНГ, 29, с. 330). Во всех этих названиях отчетливо проглядывает отрицательная коннотация. В оценках-когнитивах, наоборот, чаще представлена нулевая ценность.

Следует сразу отметить, что в производном слове не всегда выражаются все четыре компонента оценки, поскольку характер оценки и ее основание могут часто совпадать, реализуясь в одной семе (*красиво-некрасиво*, *приятно-неприятно*, *морально-аморально*). Субъект оценки может быть также часто выражен имплицитно, поскольку эксплицируется он в основном в субъективно- или эмоционально-окрашенных образованиях, хо-

тя в каждом производном слове представлен результат его предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности.

Мыслительная и познавательная деятельность людей не ограничивается отражением реальности, так как человек не только познает, но и оценивает мир, оценивает его свойства и качества с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей. Поэтому любая оценка содержит два относительно самостоятельных аспекта: гносеологический и ценностный. Оценивание предметов и явлений внешнего мира представляет сложную познавательную процедуру, «поскольку это оперирование двумя типами знаний — о внешнем предмете и о потребностях субъекта» (Руденко, 1990, с. 167), т. е. оценка является специфической формой проявления познания (Коршунов, 1977, с. 57). Не случайно Т. А. ван Дейк называет ее «когнитивным феноменом», тесно связанным с практической деятельностью человека (Дейк, 1989, с. 12).

Оценочный подход к предмету или явлению внешнего мира предполагает прежде всего восприятие его органами чувств (на этом этапе формируются первичные эмоции, которые лежат в основании оценочных суждений). Следующий этап — это оценочно-умственный акт, в котором аффективное отношение человека к внешнему миру предстает в преобразованном виде, в результате чего формируются производные эмоции и рациональное суждение о ценности предмета. На этом этапе «оценочное познание, являясь постижением сущности ценности объекта, находит свое завершение в выражении отношения субъекта к оцениваемому предмету» (Кислов, 1986, с. 11), которое проявляется в оценке «важно», «значимо», приписываемой оцениваемому объекту. Иллюстрацией этого положения может служить прекрасная схема В. Г. Гака (Гак, 1993, с. 22), выявляющая специфику взаимоотношений эмоций, мышления и оценки:

<i>субстрат</i>	<i>мышление</i>	<i>следствие</i>
ощущение	чувства	говoreние
восприятие	оценки	действие
представление		(+ воля)

Выделение этих этапов формирования оценки определяется нейробиологическими предпосылками, которые заключаются в двой-

ственности связи психики и сознания человека с внешним миром: через чувственные рецепторы и через систему потребностей.

Исходя из вышеизложенного, учитывая также классификацию оценочных значений, предложенную Н. Д. Арутюновой (Арутюнова, 1984, с. 12), считаем целесообразным различать следующие виды оценок:

I. Оценки-аффективы, отражающие первый (чувственный) этап восприятия предметов и явлений внешнего мира:

зрение (ср. *белушка* 'сиг' Вят., СРНГ, 2, с. 229; *голубица* 'голубика' Новг., Ленингр., СРНГ, 6, с. 24; *желтушка* 'одуванчик' Киров., СРНГ, 9, с. 115; *зеленяк* 'лягушка' Пск., СРНГ, 11, с. 251; *рыженя* 'рыжик' Даль без указ. места, IV, с. 117);

слух (ср. *вакушка* 'лягушка' Арх., СРНГ, 4, с. 19; *журжалка* 'муха' Ворон., СРНГ, 9, с. 230; *кукарей* 'петух' Тамб., СРНГ, 16, с. 32; *крякаш* 'утка-кряква' Том., СРНГ, 15, с. 366);

обоняние (ср. *вонючка* 'мелкий летний гриб' Тамб., СРНГ, 5, с. 94; *пахучка* 'душистый вереск' СРНГ без указ. места, 25, с. 298; *вонючка* 'хорь' ЛАРНГ);

осязание (ср. *гладыш* 'ландыш' Калуж., СРНГ, 6, с. 181; *масляй* 'масленок' Новг., Олон., СРНГ, 18, с. 14; *мякота* 'чернозем' ЛАРНГ);

вкус (ср. *горчан* 'несъедобный горький гриб, похожий на груздь' Брян., СРНГ, 7, с. 73; *кисляница* 'клюква' Костром., Вят., СРНГ, 13, с. 236);

температурные ощущения (ср. *тепляк* 'теплый южный ветер' Пск., Даль, IV, с. 399; *холодель* 'холодная погода' Даль без указ. места, IV, с. 558);

гравитация (ср. *тяжелко* 'грубый, будничный кафтан' Север., Вост., Даль, IV, с. 455).

II. Оценки-когнитивы, отражающие второй этап восприятия предметов и явлений внешнего мира:

1) рационалистические оценки — это широкий спектр оценок, «связанных с практической деятельностью человека, его практическими интересами и повседневным опытом; их основные критерии: физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции, соответствие определенному стандарту» (Арутюнова, 1984, с. 14). Это самая обширная группа оценок, поскольку «с по-

мощью словообразовательных средств маркируется, как правило, все то, что имеет ценность в духовно-практической деятельности человека, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем мире» (Вендина, 1996, с. 40), ср., например, пространственные оценки, в которых актуализируется сема 'место' или 'направление' (*береговик* 'курик-перевозчик' СРНГ без указ. места, 2, с. 245; *дуплянка* 'белка, живущая в дупле' Перм., СРНГ, 8, с. 262; *придорожник* 'спорыш *Polygonum aviculare*' Даль, III, с. 411; *поземелица* 'низовая метель' Пенз., СРНГ, 28, с. 332), или функциональные, указывающие на назначение: леса (*дровяник* 'лес, идущий на дрова' Пск., Твер., Моск., Калуж., Арх., Перм., Свердл., СРНГ, 8, с. 194; *избняк* 'лес, идущий на строительство домов' ЛАРНГ), травы (*чистотел* 'молочай' Даль без указ. места, IV, с. 608), грибов (*солонуха* 'гриб, идущий на засолку' Твер., Даль, IV, с. 268), домашнего животного (*водовозница* 'лошадь, на которой возят воду' Арх., СРНГ, 4, с. 341; *волкорез* 'волкодав' Пск., СРНГ, 5, с. 42) или птицы (*паруха* 'курица, которая высиживает цыплят' Вят., Волог., Новг., Петерб., Пск., Твер., Моск., Перм., Урал., Новосибир., Амур., СРНГ, 25, с. 246) и т. д.;

2) психологические — с помощью этих оценок передается чаще всего субъективно-ориентированная характеристика человека, особенностей его поведения, привычек или интеллектуального уровня, в связи с чем здесь выделяются:

а) эмоциональные (ср. *веселяй* Пск., СРНГ, 4, с. 182; *грохотуша* Влад., СРНГ, 7, с. 155; *зубочес* Моск., СРНГ, 11, с. 363 в значении 'веселый человек');

б) интеллектуальные оценки (ср. *безумник* СРНГ без указ. места, 2, с. 201; *легкоум* Том., СРНГ, 16, с. 313; *мозготряс* СРНГ без указ. места, 18, с. 204; *неум* Краснояр., СРНГ, 21, с. 193 в значении 'глупый, бестолковый человек').

III. Оценки-сублиматы или абсолютные оценки — «они вышшаются над сенсорными (и, добавим, когнитивными) оценками, гуманизируя их» (Арутюнова, 1984, с. 14), удовлетворяя чувство прекрасного и нравственные чувства субъекта. Они включают:

1) эстетические (ср. *невзора* Горьк., СРНГ, 20, с. 341; *некраса* СРНГ без указ. места, 21, с. 64; *изродок* Пск., Твер., СРНГ,

12, с. 168; *отеребок* Яросл., СРНГ, 24, с. 176; *ошлепок* Перм., СРНГ, 25, с. 91 в названиях некрасивого, уродливого человека);

2) этические (ср. *врагун* Тамб., СРНГ, 5, с. 183; *злыдарь* Вят., Пенз., Ряз., Тамб., Тул., Твер., СРНГ, 11, с. 293; *ненавидчик* Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 91; *озлобок* Влад., СРНГ, 23, с. 95 в названиях злого, недоброжелательного человека).

Следует сразу сказать, что эта классификация является открытой, поскольку изучение словообразования в аксиологическом аспекте позволит в дальнейшем ее дополнить или продолжить.

Рассматривая язык как фактор культуры⁴, соприкасающийся с различными сферами сознательной человеческой деятельности, в частности со сферой восприятия и познания человеком окружающей действительности⁵, опираясь на мысль А. А. Потебни о языке как способе дискретизации действительности, мы попытались взглянуть на русскую языковую картину мира сквозь призму словообразования и выяснить (хотя бы в самом общем виде), как с помощью словообразовательных средств отражаются в языке элементы познавательной и классифицирующей деятельности человека, т. е., иными словами, выяснить, какие семантические сферы языка открыты для словообразования, а какие закрыты, как происходит членение лексических участков языка с помощью словообразовательных средств, какие семантические признаки предметов и явлений внешнего мира актуализируются в словообразовательном акте и какие словообразовательные средства используются при этом, какова

⁴ Ср. в связи с этим замечание К. Леви-Стросса: «Язык представляется мне фактором культуры по преимуществу, и это во многих аспектах: прежде всего потому, что язык — составная часть культуры, одна из тех способностей или привычек, которые мы получаем от внешней традиции; затем потому, что язык основной инструмент, самый эффективный способ, посредством которого мы усваиваем культуру; наконец, и в особенности потому, что язык — наиболее современное из всех явлений культурного порядка, которые образуют системы, и если мы хотим понять, что такое искусство, религия, право, может быть, даже кухня и правила вежливости, мы должны рассматривать их как коды, формулируемые сочетанием знаков по образцу языковой коммуникации» (Charbonnier G. *Entretiens avec Lévi-Strauss*. P., 1961, p. 184. Цит. по: *Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира*. М., 1990, с. 24).

⁵ Подробнее о многоаспектности понятия культура и ее связи с различными сферами человеческой деятельности см.: Маркарян, 1969.

степень расчлененности разных семантических участков, как происходит структуризация словарного состава языка с помощью словообразовательных средств и какова их роль в «интерпретативной» и «регулятивной» функциях картины мира⁶. Думается, что такой подход к фактам словообразования позволит эмпирическим наблюдениям приобрести новое, полифоническое звучание, поскольку он даст возможность выявить не только основание оценки, но, что, пожалуй, более ценно, — различия в мироощущении, мирочувствовании, миросозерцании и мирооценке русского народа. Эти различия в своей совокупности и формируют целостную картину его мировидения.

Понятие картины мира (концептуальной и языковой) относится, как известно, к числу фундаментальных проблем философии и теории языка. Оставляя в стороне некоторые спорные и нерешенные вопросы, связанные с пониманием этих терминов, как не имеющие прямого отношения к сформулированным целям и задачам нашего исследования, отметим, что введение термина языковая картина мира продиктовано необходимостью обозначения репрезентируемых в языке представлений о мире. «Членение мира не может в точности соответствовать системе понятий... Концепты дискретны, мир континуален. Это позволяет говорить о языковой (концептуальной) интерпретации действительности, зависящей от многих факторов» (Арутюнова, 1990, с. 7); ср. также бодуэновское определение языковой картины мира как «языкового знания», существующего наряду со «знанием интуитивным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 79). Языковая картина мира является отражением картины мира (как комплекса знаний о мире или как глобального образа мира) на различных языковых уровнях, в том числе на лексико-словообразовательном. Складывающаяся веками, она синтезирует материальный и духовный опыт народа и включает не только когнитивные, но и аксиологические компоненты. Изучение и каталогизация реальных, возводимых в ранг ценностей (и являющихся объектом словообразовательной детерминации), а также оснований их

⁶ Подробнее об этих функциях см. в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира». М., 1988, с. 25.

оценки, базирующейся на их конкретных дескриптивных свойствах, позволит приблизиться к пониманию языковой картины мира русского народа и «погрузиться» в мир его ценностных отношений. Являя собой компрессию общественного опыта и обладая двойной относительностью (субъективное и национальное видение мира), языковая картина мира позволяет установить, какие фрагменты действительности, какие свойства предметов и их отношений находят отражение в языке, т. е. тем самым выявить своеобразие мировидения, национально-культурную специфику языка, его связь с материальной и духовной жизнью народа, поскольку «язык — это вид второй кожи, через которую мы устанавливаем контакт с миром» (Alexander, 1969, p. 127).

Объектом исследования явилась русская словообразовательная система (как литературного языка, так и диалектов), рассмотренная сквозь призму синоптической схемы Р. Халлига и В. Вартбурга (Hallig, Wartburg, 1963). Для анализа языкового воплощения русской картины (или модели) мира привлекались имена, сохранившие свою «внутреннюю форму» и словообразовательную мотивированность, что позволяло, с одной стороны, выявить «предмет обозначения», т. е. объект словообразовательной детерминации (что само по себе уже свидетельствует о его значимости для носителей языка, поскольку именно эта значимость является побуждающей способностью к словотворческим усилиям человека), и установить необходимость его словообразовательного маркирования, а с другой — определить, «что мы в нем обозначаем», т. е. выяснить принципы его номинации и оценки с точки зрения потребностей и установок познающего субъекта. Обращение к имени продиктовано тем, что «именно имя является-словесным центром, перекрестием рядов словесной деятельности» (Флоренский, 1990, с. 293). Будучи базисной единицей любого лексикона, оно обладает способностью к наиболее четкому членению континуума действительности.

В качестве источников использовались материалы диалектных словарей, и прежде всего «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), «Толкового словаря» В. Даля, а также Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). Диалектный материал с его эмпирической свежестью позволил раскрыть но-

вые стороны языковой картины мира русского народа, поскольку в диалектах (в отличие от литературного языка) наблюдается большая степень детализированности и расчлененности одного и того же семантического пространства с помощью словообразовательных средств, что связано с особенностями концептуализации и членения языковым сознанием диалектоносителей окружающего их мира, с потребностями его дифференциации в целях лучшей ориентации и освоения.

Глава первая

Небо и небесные тела

В семантической сфере «Небо и небесные тела» наиболее открытым для актов словообразования является такой ее номинативный участок, как «Атмосферные и климатические явления». В основе большинства имен, принадлежащих к этой группе, лежит аффективная (сенсорная) оценка, связанная с чувственным (в том числе и физическим) способом познания мира. Небезынтересно в связи с этим отметить, что маркируются, как правило, ценности отрицательного порядка (так называемые негативные ценности), репрезентирующие аномальные явления природы.

Словообразовательные средства подключаются прежде всего для выражения говорящим оценки погоды — *хорошая* или *плохая*, *теплая* или *холодная*. Причем если в литературном языке для этого используются описательные конструкции, то в диалектах — однословные номинации (ср. *ведренья*, *ведрие* Арх., Беломор., СРНГ, 4, с. 93; *година* Курск., Орл., Тул., Калуж., Брян., Краснодар., СРНГ, 6, с. 268; *запогодь* Ворон., СРНГ, 10, с. 334 'хорошая погода' или *беспогодица* Барнаул., СРНГ, 2, с. 272; *негода*, *негодица* Курск., Брян., Волгогр., Дон., Кубан., Приамур., СРНГ, 20, с. 372; *неведрие*, *неведро* Арх., *неведря* Тамб., СРНГ, 20, с. 329; *наносица* Пск., Твер., СРНГ, 20, с. 51; *невзгода*, *невзгодье* Ряз., Орл., Твер., Пск., Костром., Симб., Влад., СРНГ, 20, с. 339–340; *непора* Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 119 'плохая погода'; *загрева* Арх., Сев.-Двин., СРНГ, 10, с. 30; *тепёлок* Пск., Даль, IV, с. 399; *теплота* Орл., СМЛОГ, с. 23 'теп-

лая погода'; *зябло* Пск., Север., Олон., Твер., Смол., СРНГ, 12, с. 47; *ледина* Арх., Беломор., СРНГ, 16, с. 321; *холодень*, *холодуха* Даль без указ. места, IV, с. 558 'холодная погода'; *жарина* Саратов., СРНГ, 9, с. 78; *жаруха* СРНГ без указ. места, 9, с. 85 'жаркая погода').

При этом если семантическое пространство 'хорошая погода' практически не членится языковым сознанием русского народа, то семантическое пространство 'плохая погода' имеет высокую степень расчлененности. За счет привлечения словообразовательных средств происходит конкретизация этого понятия. Плохая погода — это прежде всего:

— дождливая, сырая погода (ср. *дрябня* Влад., СРНГ, 8, с. 225; *дряпуха* 'слякоть' Ряз., СРНГ, 8, с. 231; *замочь* Арх., СРНГ, 10, с. 259; *капель* Ряз., СРНГ, 13, с. 51; *мозглятина* СРНГ без указ. места, 18, с. 202; *мокорь* Влад.; *мокреда* Ряз.; *мокрень* Брян., Тул.; *мокресть* Арх.; *мокрись* Арх.; *мокрет* Tobол.; *мокреца* Амур.; *мокрогодица* Твер.; *мокрота* Горно-Алт., *мокроть* Арх.; *мокрохвостика* Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 207–213);

— холодная, ненастная погода (ср. *зябель* Пск., Север., Олон., Твер., Смол., СРНГ, 12, с. 44; *заверняй* Пск., Твер., СРНГ, 9, с. 303; *исхолодь* Твер., СРНГ, 12, с. 269; *холодель* Даль без указ. места, IV, с. 558).

Объективироваться может даже приуроченность непогоды к определенному времени года, хотя темпоральная тема часто и не актуализируется (ср. *засиверка* 'ненастная холодная погода летом' Арх., Сев.-Двин., Моск., СРНГ, 11, с. 30; *ледовица* 'ненастная зимняя погода с мокрым снегом и гололедицей' Пск., Твер., СРНГ, 16, с. 322; *ледоколица* 'ненастная осенняя погода перед началом зимы с мокрым снегом, дождем и гололедом' Яросл., СРНГ, 16, с. 323; *мокроступица* 'осеннее ненастье' Перм., СРНГ, 18, с. 211; *осенница* 'дождливая, похожая на осеннюю погода' Пск., Твер., СРНГ, 23, с. 367).

Причем если при образовании названий, дающих общую характеристику погоды, актуализируется реляционный признак, позволяющий с помощью негативующей префиксации выразить оценочную оппозицию положи-

тельный ~ отрицательный или хороший ~ плохой (ср. *запогодь* ~ *беспогодица*, *ведрие* ~ *неведрие*), то в видовых названиях плохой погоды конкретизируется, как правило, либо акциональный признак (ср. *капель* 'мокрая, дождливая погода' Ряз., СРНГ, 13, с. 51), либо качественно-характеризующий (ср. *мокряница* 'сырая погода' Калуж., СРНГ, 18, с. 213).

С семантическим блоком 'погода' (особенно плохая погода) тесно связана группа имен, обозначающих осадки и прежде всего дождь. Несмотря на то, что общее название дождя и в литературном языке, и в его говорах представлено, как правило, неизменными (с синхронной точки зрения) наименованиями (ср. единичные *мокрень*, *негод* Орл., СМЛОГ, с. 79–80), не позволяющими без привлечения этимологического инструментария проникнуть в их семантическую структуру (и в этом смысле они являются аксиологически нейтральными номинациями), в диалектах имеется большая группа имен, детализирующих это понятие. Привлечение словообразовательных средств продиктовано необходимостью указать:

— на силу дождя, причем обращение к словообразовательным средствам происходит тогда, когда нужно обозначить не просто дождь, а **сильный дождь** (ср. *водопад* Орл., СМЛОГ, с. 69; *дожжака* Ворон., СРНГ, 8, с. 92; Орл., СМЛОГ, с. 71; *заливень* Пск., Твер., Арх., СРНГ, 10, с. 206; *литва* Влад., СРНГ, 17, с. 71) или, наоборот, мелкий **морсящий дождь** (ср. *бусенец* Волог., Перм., Вят., СРНГ, 3, с. 303; *моросейка* Твер., СРНГ, 18, с. 274; *мучник* Влад.-Поволж., Кондратенко, 1994; *ситник* СМЛОГ, с. 85);

— на его **длительность**, причем, как правило, когда требуется обозначить длительный **затяжной дождь** (ср. *дожжовье* Арх., СРНГ, 8, с. 92; *обкладень* Орл., СМЛОГ, с. 81; *обложник* Арх., СРНГ, 22, с. 106; *окладник* Арх., СРНГ, 23, с. 121; *полива* Яросл., СРНГ, 29, с. 68) и значительно реже **кратковременный** (ср. *перевалка* Свердл., Курган., СРНГ, 26, с. 41; *перелетка* Пск., Кондратенко, 1994), для этой цели чаще используются описательные конструкции (ср. *набегной дождь*, *проносной дождь*, Кондратенко, 1994);

— направление (ср. *косохлест* 'сильный дождь, идущий наклонно' Орл., СМЛОГ, с. 76);

— действие, оказываемое дождем, и в связи с этим его желательность/нежелательность в зависимости от последствий (ср. *парун* 'теплый дождь' Арх., СРНГ, 25, с. 244; *припарок* 'грибной дождь' Орл., СМЛОГ, с. 83; *сеногной* 'мелкий продолжительный дождь во время сенокоса' Влад., Поволж., Ладог.-Тихвин., Кондратенко, 1994; Орл., СМЛОГ, с. 84; *листогной* 'осенний мелкий дождь' Иркут., СРНГ, 17, с. 67);

— его приуроченность к определенному времени года (ср. *весенник* 'весенний дождь' Брян., СРНГ, 4, с. 182);

— его прагматическую ценность, в частности, при образовании названий, обозначающих чаще всего теплый грибной дождь (ср. *грибовник* Костром., СРНГ, 7, с. 141; *обабочник* Арх., СРНГ, 21, с. 341; *огуречник* Орл., СМЛОГ, с. 82);

— сопровождающие дождь осадки или атмосферные явления (ср. *громовик* 'дождь, сопровождаемый громом' Орл., СМЛОГ, с. 70; *снежница* 'дождь со снегом' Пск., Кондратенко, 1994) и т. д.

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— квантитативно-оценочный с объективацией семы 'мера' (ср. *дожжака* Ворон., СРНГ, 8, с. 92; *дожжевина* Орл., СМЛОГ, с. 71 'сильный дождь'; *дожжовье* 'затяжной дождь' Арх., СРНГ, 8, с. 92; *дождёк* Курск., Ворон., Калуж., Терск., Куйбыш.; *дождец* Пск., Смол.; *дождюк* Дон., СРНГ, 8, с. 91–92 'небольшой, слабый дождь'; *бусенок* Ср. Урал.; *бусик* Арх.; *бусовец* Свердл.; *бусовик* Перм., Свердл., СРНГ, 3, с. 303–308 'мелкий, морозящий дождь');

— акциональный, указывающий на степень, силу проявления действия, особенно в названиях сильного дождя (ср. *залив* Смол., СРНГ, 10, с. 204; *заливина* Костром., СРНГ, 19, с. 207; *ливник* Пск., Твер.; *ливун* Колым., СРНГ, 17, с. 42; *поливень* Ярослав., Смол., СРНГ, 29, с. 70; *поплавень* Твер., *поплавня* Пск., СРНГ, 29, с. 318; *пльвень* Пск., Твер., Даль, III, с. 118) и значительно реже —

слабого (ср. *моросуха* Олон., СРНГ, 18, с. 275; *оморось* Калин., СРНГ, 23, с. 204; *подсевок* Твер., Пск., СРНГ, 28, с. 176; *семень* Твер., Даль, IV, с. 378), а также при обозначении действия, оказываемого дождем (ср. *пугач* 'кратковременный дождь' Орл., СМЛОГ, с. 84; *припарок* 'грибной дождь' Орл., СМЛОГ, с. 83; *погной* 'мелкий продолжительный дождь во время сенокоса' Арх., СРНГ, 27, с. 295; *сечка* 'мелкий дождь, сопровождаемый сильным, резким ветром' Орл., СМЛОГ, с. 85); -

— качественно или предметно-характеризующий при образовании названий, обозначающих чаще всего теплый, грибной дождь (ср. *грибник* Костром., Пск., Твер.; *грибовик* Смол., СРНГ, 7, с. 141–142; *обабочник* Арх., СРНГ, 21, с. 341; *огуречник* Орл., СМЛОГ, с. 82).

Интересно, что отсутствие дождя (и как следствие этого засуха), феномен не менее значимый для русского языкового сознания, словообразовательно маркируется значительно реже, о чем свидетельствует не только нерасчлененность этого семантического участка, но и довольно ограниченный круг образований (ср. *недождь* Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 20; *бездожь*, *бездожье*, *бездождица* Арх., СРНГ, 2, с. 187–188 'отсутствие дождя'; *вялка* 'засуха' Иркут., СРНГ, 6, с. 78; *жарынь* 'жара, засуха' Ворон., Тул., СРНГ, 9, с. 85; *парун* 'зной, жара' Арх., Север., Волог., Свердлов., Иркут., Краснояр., СРНГ, 25, с. 244).

Другой, также довольно многочисленной (и еще более расчлененной) группой имен является группа со значением снег. Хотя общее название снега (и в литературном языке, и в его говорах) представлено немотивированным именем, в диалектах имеется немало производных имен, детализирующих это климатическое явление. Так, в частности, словообразовательные средства подключаются тогда, когда необходимо:

— дать общую характеристику снегу (ср., например, названия мягкого, рыхлого, пушистого снега: *мятик* Нижегород., СРНГ, 19, с. 90; *подлег* Симб., Нижегород., Тамб., СРНГ, 28, с. 60; *порошуха* Арх., Даль, III, с. 321; или мокрого, падающего хлопьями снега: *лепень* Пск., СРНГ,

16, с. 360; *лепун* Сев.-Двин., СРНГ, 16, с. 366; *лепуха* Арх., СРНГ, 16, с. 367; *облепи́ха* Ворон., СРНГ, 22, с. 94; *облой*, *облойник* Пск., Твер., СРНГ, 22, с. 107; *шляпошник* Орл., СМЛОГ, с. 88; или мелкого, сухого: *голу́ха* Влад.-Поволж., Кондратенко, 1994; *заспа* Новг., Арх., Волог., СРНГ, 11, с. 51; *зимка* Олон., СРНГ, 11, с. 273; *кашка* Влад.-Поволж., Кондратенко, 1994; *кружак* Перм., СРНГ, 15, с. 307);

— указать на сопровождающие снег атмосферные явления ср., например, названия снега, падающего с ветром (*деру́нья* Костром., СРНГ, 8, с. 27; *дуйка* Смол., Ср. Урал., СРНГ, 8, с. 252; *заметуха* Курск., Орел., Брян., СРНГ, 10, с. 245; *кути́ха* Новг., Ленингр., Пск., Волог., Калинин., Перм., СРНГ, 16, с. 169), или падающего без ветра (*ва-люга*, *вывал* Влад.-Поволж., Кондратенко, 1994; *ляпи́ха* Пск., Кондратенко, 1994), или снега, падающего с дождем (*дря́ння*, *дряпу́ха* Ряз., СРНГ, 8, с. 231; *мокринец* Ряз., СРНГ, 18, с. 209; *снежни́ца* Пск., Кондратенко, 1994);

— указать на время его появления (ср. *вешник* 'весенний снег' Твер., СРНГ, 4, с. 223; *зазимок* Орл., СМЛОГ, с. 73; *пазимки* Курск., Дон., СРНГ, 25, с. 145; *позимье* Моск., СРНГ, 28, с. 333 'первый снег') и т. д.

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— акциональный (ср. *выпа́дь* Перм., СРНГ, 5, с. 323; *па́дара* Енис., Новг., Арх., Ленингр., Калинин., СРНГ, 25, с. 113 'первый снег'; *наве́сь* 'снег на деревьях' Влад.-Поволж., Кондратенко, 1994; *облепи́ха* 'густые хлопья мокрого снега' Ворон., СРНГ, 22, с. 94; *сечка* 'снежная крупа' Орл., СМЛОГ, 1997, с. 85), особенно ярко он проявляется в названиях, указывающих на силу проявления действия, в частности *метели*, *вьюги* и *пурги* (ср. *вертопля́щица* Костром., СРНГ, 4, с. 154; *вья́лица* Новг., Пск., Костром., Калуж., СРНГ, 6, с. 71; *дуйка* Смол., Ср. Урал., СРНГ, 8, с. 252; *заверть* Пск., Твер., СРНГ, 9, с. 306; *зави́ва*, *завиво́ха* Свердл., СРНГ, 9, с. 313–314; *завиту́ха* Орл., Дон., СРНГ, 9, с. 319; *заволо́ка* Калуж., СРНГ, 9, с. 333; *закруте́лица*, *закруте́нь* Пск., Твер., СРНГ, 10, с. 168; *за-меть* Орл., Курск., Твер., Брян., Тамб., Пенз., Ворон.,

СРНГ, 10, с. 245; *заметуха* Курск., Орл., Брян, СРНГ, 10, с. 245; *заметюга* Ворон., СРНГ, 10, с. 245; *кутеха* Ленингр., СРНГ, 16, с. 188; *падера* Волог., Новосиб., Арх., Сев.-Двин., Печор., Олон., Перм., Киров., Тобол., Иркут., Амур., СРНГ, 25, с. 128; *переметь* Южн., Зап., СРНГ, 26, с. 169; *поползуха* Брян., Кондратенко, 1994; *сипуга* Ряз., Тамб., Даль, IV, с. 188; *тащуха* Даль без указ. места, IV, с. 393), в том числе в названиях, дающих фазовую характеристику действия (ср. *заметь* 'начало метели' СРНГ, 10, с. 245) и т. д.¹;

— качественно-характеризующий (ср. *мелкоснежница* 'первый снег' Арх., Амур., СРНГ, 18, с. 100; *мокринец* Ряз., СРНГ, 18, с. 209; *снежница* Пск., Кондратенко, 1994 'снег с дождем');

— темпоральный (ср. *вешник* 'весенний снег' Твер., СРНГ, 4, с. 223; *засимок* Орл., СМЛОГ, с. 73; *озимок* Горьк., Ворон., Новосиб., СРНГ, 23, с. 94 'первый осенний снег');

— локативный, актуализирующий сему 'направление' в названиях низовой метели (ср. *низовка* Дон., Рост., СРНГ, 21, с. 228; *поземь* Калуж., СРНГ, 28, с. 332; *поземелица* Пенз., СРНГ, 28, с. 332; *понизуха* Пенз., СРНГ, 29, с. 260) или бурана (ср. *верховка* Алт., СРНГ, 4, с. 164).

Небезынтересно в связи с этим отметить, что в семантической группе '*лед*', связанной тематически с группой '*снег*', словообразовательные средства практически не работают (ср. единичные производные типа *леденец* 'лед' Твер., Орл., СРНГ, 16, с. 319; *голощок* 'тонкий лед'

¹ Попутно выделим небольшую, но тесно связанную с рассматриваемой группой имен, подгруппу со значением '*сугроб*', в которой словообразовательные средства используются не только для образования общего названия сугроба (где актуализируется, как правило, результивный, акторный признак, ср. *занос*, *заноса* Олон., Волог., СРНГ, 10, с. 283; *заметь* Новг., СРНГ, 10, с. 245; *задым* Олон., СРНГ, 10, с. 73; *надувь* Нижегород., СРНГ, 19, с. 254; *намет* Твер., Свердл., СРНГ, 20, с. 34, реже реляционный с объективацией семы 'подобия', ср. *косица* Ярослав., Ряз., Калуж., СРНГ, 15, с. 53), но и более конкретных названий (ср. 'сугроб у жилья': *забой* Арх., Влад., Север., Сиб., СРНГ, 9, с. 261; *обвей* Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 357 или 'сугроб на опушке леса': *увея* Влад., Даль, IV, с. 463), в которых актуализируется акторный признак.

Южн., СРНГ, 6, с. 330 или *игольник* 'рассыпающийся лед' Пск., СРНГ, 12, с. 64)². Ситуация, однако, меняется, когда эта группа имен попадает в семантическую сферу 'водоемы'. В этом случае с помощью словообразовательных средств актуализируются не только качественный признак, но и акциональный, темпоральный ('время появления льда на реке, озере'), локативный ('место образования льда') и др. (см. ниже).

Для образования имен, обозначающих другие виды осадков, использование словообразовательных средств является довольно вялым и невыразительным (ср., например, единичные производные со значением 'иней': *наморозь* Новг., СРНГ, 20, с. 41; *облив* СРНГ без указ. места, 22, с. 98 или 'град': *голуха* Влад.-Поволж., Кондратенко, 1994; *облой* Твер., Пск., СРНГ, 22, с. 107; *паморока* Пск., СРНГ, 25, с. 185; *памороха* Новг., СРНГ, 25, с. 186), в которых с помощью словообразовательных средств актуализируется либо акциональный признак (ср. *градобоень* 'град' Пск., Кондратенко, 1994; *вишай*, *вишар* 'иней' Курск., СРНГ, 4, с. 310), либо качественно-характеризующий (ср. *густега* 'плотный, густой иней на деревьях' Арх., СРНГ, 7, с. 246; *ледянки* 'град' Пск., Кондратенко, 1994).

Среди имен, обозначающих климатические явления, выделяется также небольшая группа производных, связанная со значением 'мороз'. Интересно, что словообразовательные средства подключаются в основном в тех случаях, когда нужно указать на:

² Лишь когда необходимо обозначить *голледицу* (доставляющую, как известно, множество неудобств путнику), наблюдается активное подключение словообразовательных средств (ср. *голедуха* Арх., СРНГ, 6, с. 289; *голодь* Сиб., Вят., СРНГ, 6, с. 317; *гололедь* Новг., Олон., Перм., Пск., Смол., Тамб., Курск., Орл., Дон., Свердл., СРНГ, 6, с. 318; *гольнь* Арх., СРНГ, 6, с. 346; *леденец* Твер., Моск., СРНГ, 16, с. 319; *леденица* Влад., СРНГ, 16, с. 320; *ледница* Сарат., СРНГ, 16, с. 322; *ледовица* Пск., Твер., СРНГ, 16, с. 322; *ледоколица* Новг., СРНГ, 16, с. 323; *наледица* Пск., Моск., СРНГ, 20, с. 10; *наледь* Зауралье., СРНГ, 20, с. 11; *обледенелица* Калинин.; *обледеница* Нижегород., Вост., Влад., Моск., Костром., Симб., Калинин.; *обледень* Петерб., Яросл.; *обледица* Орл., Влад., Калинин.; *обледье* Вост., СРНГ, 22, с. 91; *обливаха* Зап.-Брян., СРНГ, 22, с. 99; *ожеледица* Южн.; *ожеледь* Курск., Южн., СРНГ, 23, с. 74 и т. д.).

— силу мороза, причем маркируется чаще всего **сильный мороз** (ср. *морозина* Твер., Том., Краснояр.; *морозьяка* Дон., Калуж., СРНГ, 18, с. 270–271; *пекун* Смол., СРНГ, 25 с. 320; *трескун* Тамб., Опыт, 1852, с. 232), реже слабый (ср. *морозец*, *подстыль* Даль без указ. места, III, с. 207 'легкий морозец');

— время его наступления (ср. *зазимок* 'первый мороз' Орл., СМЛОГ, с. 17; *отзимье* 'поздние морозы'; Арх., Перм., Tobол, СРНГ, 24, с. 188; *подзимок* 'ранние осенние заморозки' Пск., Закамье, Влад., СРНГ, 28, с. 17).

С помощью словообразовательных средств актуализируются, как правило:

— **квантитативно-оценочный признак**, объективирующий сему 'мера' (ср. *морозина* Твер., Том., Краснояр.; *морозица* Арх., Тул.; *морозьяка* Дон., Калуж., СРНГ, 18, с. 270–271 'сильный мороз');

— **акциональный**, указывающие на степень, силу проявления действия, особенно в названиях сильного мороза (ср. *заверняй* Пск., Твер., СРНГ, 9, с. 303; *кипун* Смол., СРНГ, 13, с. 217; *пекун* Смол., СРНГ, 25, с. 320; *трескун* Тамб., Опыт, 1852, с. 232);

— **темпоральный** (ср. *отзимок* 'небольшой мороз в начале зимы' Пск., Астрах., СРНГ, 24, с. 188; *позимок* 'поздние морозы' СРНГ без указ. места, 28, с. 333; Орл., СМЛОГ, с. 21).

В семантической сфере имен, обозначающих атмосферные и климатические явления, выделяется еще один номинативный участок, широко открытый для актов словообразования — названия **ветра**. Так же, как и тематическая группа 'дождь', он имеет сильно расчлененное семантическое пространство, поскольку в диалектах словообразовательные средства участвуют в образовании множества частнохарактеризующих имен. Они используются, как правило, в тех случаях, когда необходимо указать на:

— силу ветра, особенно когда требуется обозначить **сильный ветер** (ср. *ветренье* 'очень сильный ветер' Арх., Онеж., Арзуманова, с. 109; *ветрило*, *ветродуй* 'сильный ветер' Орл., СМЛОГ, с. 41);

— направление ветра (ср. *моряник* 'ветер с моря' Арх., Беломор., СРНГ, 18, с. 282; *озерик* 'ветер с озера' Беломор., СРНГ, 23, с. 90; *противник* 'встречный ветер' Орл., СМЛОГ, с. 45; *полуночник* 'северо-восточный ветер' Арх., Печор., Волог., Олон., Беломор., СРНГ, 29, с. 155; Орл., СМЛОГ, с. 45 < *полуночь* 'север' Казан., Костром., СРНГ, 29, с. 158; *северик* Новг., Твер., Опыт, 1852, с. 224; *северка* Орл., СМЛОГ, с. 46 'северный ветер');

— его температуру (признак, который для человека является особенно существенным с точки зрения ценностей биологического выживания, отсюда обилие имен, обозначающих холодный, чаще всего северный ветер, ср. *холодик* Даль без указ. места, IV, с. 559; *зимник* Новг., СРНГ, 11, с. 274; *свежун* Арх., Даль, IV, с. 156);

— время его появления, приуроченность к определенному времени года (в таких названиях имплицитно присутствует термальная характеристика ветра, ср. *зимарь* 'холодный зимний ветер' Новг., СРНГ, 11, с. 272; *летник* 'теплый летний ветер', Орл., СМЛОГ, с. 44; *ночняк* 'северный ветер' Волог., СРНГ, 21, с. 304; *осенник* 'холодный осенний ветер' СМЛОГ, с. 45);

— действие, производимое ветром (ср. *водонос* 'ветер, несущий воду на озере' КАССР, Арзуманова, с. 110; *относ* 'ветер, относящий лед от берега моря' Касп., СРНГ, 24, с. 250).

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— количественно-оценочный, объективирующий сему 'мера' (обращение к словообразовательным средствам происходит, как правило, тогда, когда необходимо обозначить не просто ветер, а сильный ветер (ср. *ветриво* Дон., СРНГ, 4, с. 201; *ветрогон* Краснодар., СРНГ, 4, с. 203; *ветренье* Онеж., КАССР, Арузманова, 1995, с. 109; *вихряк* Свердл., СРНГ, 4, с. 307) и значительно реже легкий ветерок (ср. *ветрик* Смол., СРНГ, 4, с. 202; Орл., СМЛОГ, с. 41; *ветрышек* Олон., СРНГ, 4, с. 204; *наветерь* Пск., Твер., СРНГ, 19, с. 161);

— акциональный, указывающий на степень, силу проявления действия, особенно в названиях сильного ветра (ср.

валун 'сильный ветер с дождем и градом' Орл., СМЛОГ, с. 39; *выворот* Брян., Кондратенко, 1994; *дуван* Перм., Урал., Челябин., СРНГ, 8, с. 243; *забойник* Волхов, Ильмень, СРНГ, 9, с. 262; *заверняй* Пск., Твер., СРНГ, 9, с. 303; *завертень* Пск., Твер., СРНГ, 9, с. 304; *заверть* Пск., Твер., СРНГ, 9, с. 306; *завертюха* Ворон., СРНГ, 9, с. 306 'сильный ветер'; *заморозник* 'северо-восточный ветер' Арх., Беломор., СРНГ, 10, с. 257; *колышень* 'боковой ветер' Сиб., СРНГ, 14, с. 210; *кружень* 'вихрь' Влад., Кондратенко, 1994; *листодег* 'сильный осенний ветер' Арх., СРНГ, 17, с. 68; *стужай* 'холодный, пронизывающий ветер' Влад., Кондратенко, 1994);

— локативный с объективацией семы 'направление ветра' (ср. *астраханец* 'восточный ветер' Орл., СМЛОГ, с. 38; *верховик* 'верховой ветер' Иркут. // 'ветер с верховьев реки' Сиб., СРНГ, 4, с. 163; *западник* 'западный ветер' Арх., Новг., Касп., СРНГ, 10, с. 297; *засиверка* 'северный ветер' Арх., СРНГ, 11, с. 30; *морянина* 'ветер с моря' Астрах., СРНГ, 18, с. 282; *низовик* Краснояр.; *низовец* Коми; *низовка* Иркут., Сиб., Дон., СРНГ, 21, с. 228 'ветер с низовьев реки'; *обочень* 'боковой ветер' Олон., СРНГ, 22, с. 185; *озерник* 'ветер с озера' Новг., СРНГ, 23, с. 91; *побережник* 'ветер с берега' Арх., Даль, III, с. 135; *поветер* 'попутный ветер' Орл., СМЛОГ, с. 45; *противень*, *противник* Пск., Твер.; *противняк* Арх., Даль, III, с. 520 'встречный ветер'; *северяк* Даль без указ. места, IV, с. 378; *сиверик* Олон., Даль, IV, с. 18; *сиверко* Арх., Опыт, 1852, с. 202 'северный ветер'; *сибиряк* 'холодный пронизывающий ветер' Астрах., Даль, IV, с. 180; *стречник* 'встречный ветер' Влад.-Поволж., Кондратенко, 1994);

— темпоральный, 'время появления ветра' (ср. *зарник* 'утренний ветер' Енис., СРНГ, 10, с. 384; *зимняк* 'холодный зимний ветер' Брян., СРНГ, 11, с. 277; *ночняк* 'северный ветер' Волог., СРНГ, 21, с. 304; *обеденник* 'южный ветер' Арх. // 'юго-восточный ветер' Арх., Сиб., СРНГ, 22, с. 26; Орл., СМЛОГ, с. 44; *озимник* 'холодный северный ветер' Пск., Твер., СРНГ, 23, с. 93);

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *боковик* 'боковой ветер' Волж., СРНГ, 3, с. 69; *косыня* 'ве-

тер, дующий параллельно берегу' Влад., Волж., Кондратенко, 1994; *лобовик* 'встречный ветер' Касп., СРНГ, 17, с. 95–96; *мокрик* 'западный ветер' Твер., Пск., Новг., СРНГ, 18, с. 209; *мокрык* 'ветер, приносящий дождевые тучи' Новг., Волхов., Пск., СРНГ, 18, с. 213; *свежун* 'холодный ветер' Арх., Опыт, 1852, с. 200; *сивун* 'северный ветер' Сиб., Даль, IV, с. 181; *суровчак* 'холодный, пронизывающий ветер' Касп., Даль, IV, с. 363; *теплик*, *тепляк* 'теплый ветер' Пск., Даль, IV, с. 399; *холодик* 'холодный ветер' Даль без указ. места, IV, с. 559).

Все остальные лексические участки этой номинативной сферы, связанные с обозначением атмосферных явлений (тумана, грозы, грома, молнии и др.), практически закрыты для словообразования (ср. единичное *парун* 'туман' Арх., СРНГ, 25, с. 244). Подключение словообразовательных средств наблюдается лишь в количественно-оценочных номинациях (ср. *пагроза*, *пагрозка* 'небольшая гроза' Север., СРНГ, 25, с. 115; *громоток* 'сильный гром' Арх., Сиб., СРНГ, 7, с. 152). Некоторое исключение представляют названия молнии и радуги, при образовании которых наблюдается использование словообразовательных средств, актуализирующих качественно-характеризующий (ср. *блискавица* Смол., Ворон.; *блискавка* Смол., Новорос., СРНГ, 3, с. 26; *молодня* Зап., Смол., Калуж., Зап.-Брян., СРНГ, 18, с. 226 'молния'; *веселка* Пск., Смол., Волог.; *веселуха* Смол., Брян., Тул., Арх., СРНГ, 4, с. 180; *градовка* Брян.; *градовница* Курск., Брян., СРНГ, 7, с. 109 'радуга') или акциональный признак (ср. *водопой* 'радуга' Арх., СРНГ, 4, с. 344).

Практически закрытой для словообразования оказывается и семантическая сфера, связанная с обозначением собственно неба и небесных тел (ср. единичные производные: *небесье* 'небо, небесный свод' Арх., СРНГ, 20, с. 317; *зорька* 'звезда' Новг., Зап. Брян., СРНГ, 11, с. 343), что связано, по-видимому, с тем, что в большинстве своем эта группа имен является, по своей сути, скорее идентифицирующей, нежели характеризующей, в связи с чем словообразовательные средства используются здесь довольно вяло.

Ситуация, однако, меняется, когда подключаются оценочные (характеризующие и прагматические) моменты, имеющие значение в жизни человека. Использование словообразовательных средств наблюдается, в частности, тогда, когда нужно обозначить не просто небо, а пасмурное небо (ср. *наволоок* Симб., Ряз., Моск., Урал., Краснояр., Арх., СРНГ, 19, с.180; *затуча* Нижегород., ЛАРНГ), не просто облако, а дождевое облако (ср. *водолей* Помор., СРНГ, 4, с.343; Орл., СМЛОГ, с.60), не просто тучу, а грозовую (ср. *плавина* Волог., СРНГ, 27, с.67) или градовую тучу (ср. *градобойница* Урал., Даль, I, с.389), не просто луну, а ее фазы (ср. *молодок* 'молодой месяц' Влад., СРНГ, 18, с.227; *народенец* Нижегород., ЛАРНГ; *новолунь* 'молодой месяц' Пск., Денисенко, 1994, с.35; *полник* Пск.; *полнота* Пск., Смол., Денисенко, 1994, с.36 'полнолуние'), не просто звезду, а ее определенный вид (ср. *звездожар* 'Большая медведица' Калуж., СРНГ, 11, с.212), время появления на небе (ср. *полуночница* 'звезда, восходящая в полночь' Урал., СРНГ, 29, с.156), а также количество (как правило, нерасчлененное, ср. *звездач* 'множество звезд на небе' Том., СРНГ, 11, с.212) и т.д.

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— экзистенциальный, указывающий на состояние неба (ср. *наволочь* Ворон., Пенз., Саратов., Куйбыш., Оренб., Новосибир., Краснояр., СРНГ, 19, с.182; *поволочь* Пск., Твер., Даль, III, с.146; *паморок* Арх., СРНГ, 25, с.185 'облачность'; *обложник* 'сплошная облачность' Арх., Олон., СРНГ, 22, с.106);

— качественно-характеризующий (ср. *ветошь* Арх., СРНГ, 4, с.199; *ветошок* Новг., Пск., Смол., Денисенко, 1994, с.36 'последняя фаза луны, луна на ущербе'; *градовица* 'туча, несущая град' Влад., Поволж., ЛАРНГ; *жидели* 'осенние низкие пасмурные облака' Пск., Твер., СРНГ, 9, с.168; *зареница* Арх., 'утренняя звезда Венера' Краснояр., СРНГ, 10, с.382; *красница* 'заря' Смол., СРНГ, 15, с.179; *молодник* Яросл., *молодок* Влад.; *молодык* Калуж., СРНГ, 18, с.226–227, 231; *намолодик* СРНГ без

указ. места, 20, с. 40 'молодой месяц'; *новик* Саратов.; *новец* Петерб., Арх., Новг., Пск., Перм., Олон., СРНГ, 21, с. 253 'молодой месяц'; *подновок* 'луна в первой четверти' Пск., Твер., СРНГ, 28, с. 101);

— темпоральный, указывающий на время появления звезды на небе (ср. *вечерница* 'вечерняя звезда Венера' СРНГ без указ. места, 4, с. 215; *полуночница* 'звезда, восходящая в полночь' Урал., СРНГ, 29, с. 156);

— акциональный в названиях туч (ср. *водолей* Орл., СМЛОГ, с. 60; *замолодь* 'дождевые облака' Орл., Курск., Арх., СРНГ, 10, с. 253; ср. *замолаживать* 'заволакиваться облаками, тучами' Влад., Костром., Твер., Моск., Орл., Казан., Саратов., Южн. Сиб., СРНГ, 10, с. 252; *наволочка* 'небольшая дождевая туча' СМЛОГ, с. 62; *перевалка* 'туча' Волог., Перм., Свердл., СРНГ, 26, с. 41), восхода и заката солнца (ср. *выставанье* 'восход солнца' Арх., Олон., СРНГ, 6, с. 28; *покат* 'заход солнца' Арх., СРНГ, 28, с. 370) или звезды (ср. *летун* 'падающая звезда' Саратов., СРНГ, 17, с. 25);

— квантитативный в названиях нерасчлененного множества звезд (ср. *звездач* Том.; *звездун* Том.; *звездье* Пск., СРНГ, 11, с. 213);

— реляционный с объективацией семы 'подобия' в названиях звезд (ср., например, названия созвездия Большой Медведицы: *возница* Курск., СРНГ, 5, с. 27; *колесница* Петерб., Твер., Орл., Смол., СРНГ, 14, с. 128; *корец* Курск., СРНГ, 14, с. 326; *коромыслица* Орл., СРНГ, 14, с. 363; а также *грудки* 'стожары' Симб., Нижегород., Урал., Свердл., СРНГ, 7, с. 161; *лосек* 'созвездие Орион' Пск., СРНГ, 17, с. 149; *медведка* 'созвездия Большая и Малая Медведица' Курск., СРНГ, 18, с. 65; *косари* 'одно из созвездий Млечного пути' Тул., СРНГ, 15, с. 45), луны или месяца (ср. *лобан* Вят., СРНГ, 17, с. 94; *козерог* 'месяц на ущербе' Том., СРНГ, 14, с. 63; *серпок* 'молодой месяц после новолуния' Пск., Денисенко, 1994, с. 35) или облаков (ср. *бычки* 'небольшие облака' Свердл., СРНГ, 3, с. 358; *метелочки* Орл., СМЛОГ, с. 62; *перышко* Арх., СРНГ, 26, с. 298 'перистые облака'; *плешка* 'туча' Костром., СРНГ, 27, с. 137).

В целом, однако, этот семантический блок имен как в количественном, так и в качественном выражении (с точки зрения своей семантической расчлененности) значительно уступает тематической группе «Атмосферные и климатические явления», что косвенно свидетельствует о наличии приоритетов в языковом сознании русского народа, который с помощью словообразовательных средств выделяет наиболее значимые участки языковой картины мира.

Нетрудно заметить, что в семантической сфере «Небо и небесные тела» наиболее яркое словообразовательное выражение получили имена, относящиеся к миру «антиценностей» (плохая погода и сопровождающие ее слякоть, дождь, снег, мороз, ветер и т. д.), что становится понятным, если рассматривать их с точки зрения ценностей биологического выживания: маркируется, как правило, то, что является не только аномальным, но и несет в себе угрозу для жизни (в том числе и сельского хозяйства). Несмотря на то, что названия неблагоприятных атмосферных явлений в большинстве русских диалектов представлены производными (с синхронной точки зрения) образованиями, привлечение словообразовательных средств позволяет детализировать их, что эксплицирует аффективную оценку природной среды, чувственный и физический опыт познания мира. Именно этим, по-видимому, объясняется тот факт, что все иные ценности в этой семантической сфере словообразовательно не детерминируются.

Интересно отметить также, что ведущим мотивационным признаком в этой семантической сфере является акциональный (чего не наблюдается ни в одной другой семантической сфере, связанной с обозначением природы, ср., например, названия проливного дождя: *залив* Смол., СРНГ, 10, с. 204; *заливина* Костром., СРНГ, 19, с. 207; *ливник* Пск., Твер.; *ливун* Колым., СРНГ, 17, с. 42; *поливень* Яросл., Смол., СРНГ, 29, с. 70; или названия мороза: *кипун* Смол., СРНГ, 13, с. 217; *пекун* Смол., СРНГ, 25 с. 320; *трескун* Тамб., Опыт, 1852, с. 232), т. е. предметом объективации становится действие, а не субъект, каузирующий его. При этом производитель действия не

называется, а мыслится как неопределенный. Это особенно хорошо видно, если попытаться представить производное слово в виде предложения, т. е. используя метафору П. А. Флоренского, уподоблявшего слово свившемуся в комок предложению, попытаться «развить» этот клубок. Интересно, что в этом случае мы получим безличную синтаксическую конструкцию (ср. *дождек* и *дождит*, *дуйка* и *дует*, *обложник* и *обложило*, *моросуха* и *моросит*, *парун* и *парит*, *пекун* и *печет*, *порошуха* и *порошит*, *метель* и *метет*, *морозина* и *морозит*, *холодик* и *холодает*, *свежун* и *свежеет* и т. д.). По наблюдениям синтаксистов, «сама система грамматических форм безличных предложений формирует значение производителя действия как высшую стихийную, неопознанную силу, которая приобретает в структуре предложения характер неопределенности, неконкретности» (Монина, 1995, с. 91). Объективация действия этого агенса и представлена в производных именах.

Что касается оценок, то особенностью этой группы имен, выделяющей их среди других семантических сфер языка, является то, что наряду с оценками-когнитивами (ср., например, названия различных звезд: *косари* 'одно из созвездий Млечного пути' Тул., СРНГ, 15, с. 45; или фаз луны: *серпок* 'молодой месяц после новолуния' Пск., Денисенко, 1994, с. 35) здесь широко представлены аффективные оценки, покоящиеся прежде всего на температурных ощущениях человека (ср., например, названия погоды: *теплота* 'теплая погода' Орл., СМЛОГ, с. 23; *холодуха* 'холодная погода' Даль без указ. места, IV, с. 558; или ветра: *свежун* 'холодный ветер' Арх., Даль, IV, с. 156) и значительно реже на зрительных (ср., например, названия молнии: *блискавка* Смол., Новорос., СРНГ, 3, с. 26) или слуховых (ср., например, названия мороза: *трескун* Тамб., Опыт, 1852, с. 232).

Если исходить из того, что любое явление, оцениваемое как хорошее или плохое (полезное или вредное), становится ценностью, то выбор данных природных явлений в качестве объекта словообразовательного маркирования не может не свидетельствовать о том, что внимание русского че-

ловека обращено не столько к небу и небесным телам (этот семантический участок практически закрыт для словообразования), сколько к тем климатическим и атмосферным явлениям, которые определяют среду его обитания и связаны с его биологическим выживанием³.

Если же подойти к этим явлениям с позиции категорий *добра и зла*, то следует признать, что в русском языковом сознании они предстают как источник зла (т. е. угрозы существованию), а в языковой (а точнее словообразовательной) реакции проявляется одна из ценностных ориентаций русского народа, точкой отсчета которого в духовном освоении мира выступали прежде всего ценностные противоположности — добра и зла, небесного и земного. Попутно отметим, что здесь, возможно, отразилась бинарная система мировосприятия русского народа, на которую указывал Н. И. Толстой — христианская и языческая. «Одна из них обращена к небу, божественному началу, другая — к земле, к плодам земным, к их изобилию, зависящему, по древним представлениям, не только от человека и Бога, но и от сил сверхъестественных» (Толстой, 1996, с. 157).

³ Косвенным подтверждением этого положения могут служить и наблюдения над астронимами в русских говорах. Прежде всего обращает на себя внимание довольно ограниченный круг этих имен, а также то, что в большинстве своем они представлены описательными конструкциями, что объясняется, конечно, не равнодушием наших предков к виду ночного неба (можно с уверенностью предположить, что «и в ночном, когда стерегли стреноженных лошадей, и на покосах, когда косари вставали рано, дожидаясь утренней росы, небо оставалось единственной естественной картиной, которую можно было рассматривать бесконечно), а земледельческим характером их деятельности, которая не зависела в такой степени от расположения звезд на небе, в какой это было для путешественников и мореплавателей, которым небо всегда верно служило и надежными часами, и выверенными географическими картами» (Ковалев, 1996, с. 58).

Глава вторая

Земля

В семантической сфере «Земля» прежде всего выделяется семантический участок, связанный с обозначением рельефа. В оценке среды на первый план выходит когнитивный элемент. Словообразовательные средства используются в основном в целях актуализации главного противопоставления *верх ~ низ*. Огромное количество производных, связанных с обозначением низменных, ровных участков поверхности земли (равнин, долин, низменностей, полей, опушек, оврагов), свидетельствует о том, что в языковой картине мира русского народа центральное место в этом противопоставлении занимают имена, в семантической структуре которых имеется компонент 'низкий'. Каждый из членов этого семантического ряда обладает, как правило, расчлененным семантическим пространством, в котором с помощью словообразовательных средств актуализируются разные дифференциальные признаки.

Среди огромного множества имен выделяются прежде всего названия **оврагов**, отличающихся наибольшей лексической дифференцированностью. В русских диалектах имеется немало производных, определяющих не только общее название оврага (ср. *вершина* Калуж., Тул., Курск., Орл., Тамб., Саратов., СРНГ, 4, с. 173; *завал* Моск., СРНГ, 9, с. 291; *овраговина* СРНГ без указ. места, СРНГ, 22, с. 302; *падь* Иркут., Том., Новосибир., Амур., Камч., Бел. и Касп. моря, Урал., Перм., Волог., Пск., Смол., СРНГ, 25, с. 138), но и детализирующих его,

объективирующих такие важные для русского языкового сознания понятия, как:

— глубина оврага (ср. *падина*, *падища* 'глубокий овраг' Перм., Сиб., Кубан., СРНГ, 25, с. 130–131; *распадина* 'неглубокий овраг' Ворон., Дьякова, 1992, с. 51; *ложина* 'овражек' Орл., Васильченко, 1996);

— его строение (ср. *вывершек* 'начало оврага' Орл., Центр.-черноз., СРНГ, 5, с. 253; *отвершек* 'отрог оврага' СРНГ без указ. места, 24, с. 134; *крутик* 'крутой склон оврага' Арх., Урал., Байкал., СРНГ, 15, с. 325; *кручка* 'глубокий овраг с крутыми, обрывистыми склонами' Орл., Бурко, 1995, с. 117; *падина* 'пологий овраг' Ворон., Дьякова, 1992, с. 52);

— происхождение (ср. *промой*, *промывина* 'овраг, образовавшийся потоками воды' Ворон., Дьякова, 1992, с. 51);

— характер дна (ср. *водотек* 'овраг, по дну которого течет ручей' Калуж., СРНГ, 4, с. 346; *суходол* 'сухой овраг' Даль, IV, с. 367);

— местоположение (ср. *завраг* 'овраг, соседствующий с другим оврагом' Ворон., Дьякова, 1992, с. 51) и т. д.

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— акторный или результативный, объективирующий сему 'результат действия' (ср. *завал* 'овраг' Моск., СРНГ, 9, с. 91; *намой* 'овраг' СРНГ без указ. места, 20, с. 39; *обмыв* 'крутой склон оврага' Ворон., СРНГ, 22, с. 137; *обрух* 'овраг' Ряз., СРНГ, 22, с. 214; *падун* 'овраг' Тобол., Новосиб., Перм., Том., Свердл., СРНГ, 25, с. 136; *погибелка* 'овраг' Ворон., Дьякова, 1992, с. 53; *рытвина* 'глубокий овраг с крутыми склонами' Орл., Бурко, 1995, с. 188);

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *кругляк* 'овраг' Ворон., Дьякова, 1992, с. 56; *крутик* 'крутой склон оврага' Арх., Урал., Байкал., СРНГ, 15, с. 325; *луговина* 'небольшой овраг' Орл., Васильченко, 1996; *ровчак* 'глубокий овраг' Орл., Бурко, 1995, с. 118);

— локативный (ср. *завраг* Ворон.; *приярок* Ворон., Дьякова, 1992, с. 52 'овраг, соседствующий с другим оврагом');

— партитивный, с объективацией семы 'часть' (ср. *вершина* Самар., СРНГ, 4, с. 173; *вывершек* Орл., Центр.-черноз., СРНГ, 5, с. 253 'начало оврага'; *отвершек* 'отрог оврага' СРНГ без указ. места, 24, с. 134);

— реляционный, маркирующий сему 'подобие' (ср. *ложек* 'овраг с пологими склонами' Орл., Калуж., СРНГ, 17, с. 108; *люлечка* 'отрог оврага' Орл., Васильченко, 1996; *отрожек* 'ответвление оврага' Саратов., Дон., СРНГ, 24, с. 298; *пасынок* 'отрог оврага' Воронеж., СРНГ, 25, с. 271);

— квантитативный, объективирующий сему 'размер' (ср. *вершок* 'небольшой овражек' Орл., Воронеж., Курск., СРНГ, 4, с. 178; *ложок* 'овражек' Горно-Алт., СРНГ, 17, с. 110; *овражина* 'большой овраг' Пск., Смол., СРНГ, 22, с. 302; *оврачок* 'овражек' Свердлов., СРНГ, 22, с. 302; *падища* 'глубокий овраг' Перм., Сиб., СРНГ, 25, с. 131) и 'нерасчлененное множество' (ср. *буерачник* 'местность, изрезанная оврагами' СРНГ без указ. места, 3, с. 251 < *буерак* 'овраг' Моск., Казан., Ряз., Твер., Тамб., Курск., Орл., Липец., Самар., Тул., Дон., Саратов., Волог., Перм., Ср. Урал., Том., Иркут., Тобол., СРНГ, 3, с. 251; *завальё* 'овражистая местность' Моск., СРНГ, 9, с. 294 < *завал* 'овраг' Моск., СРНГ, 9, с. 291).

К этой семантической группе имен тематически при-
мыкают производные, обозначающие *ямы* и *рытвины*, а также *рвы* и *канавы*, в которых с помощью словообразовательных средств актуализируются чаще всего следующие признаки:

— акторный (ср. *ветробойня* 'яма' Воронеж., Дьякова, 1992, с. 53; *водорой* Свердлов.; *водороина* Воронеж., Перм., Ср. Урал., СРНГ, 4, с. 346 'рытвина, прорытая дождевой водой'; *вымоина* Даль без указ. места, I, с. 302; *измоина* Вят., Сев.-Двин, СРНГ, 12, с. 148 'промоина'; *копанец* Новгород., Пск., Твер., Перм.; *копаник* Пск., Твер., Волог., Новгород.; *копань* Курск., Брян., Рост., Орл., Тул., Ряз., Воронеж., Волхов., Киров., Сиб., СРНГ, 14, с. 282–284 'яма, отводная канава'; *обрух* 'рытвина' Ряз., СРНГ, 22, с. 214; *перекопец* 'прокопанная канава' Пск., СРНГ, 26, с. 129; *провал* 'яма' Даль без указ. места, III, с. 471; *прокопь* 'ров, канава' Вят., Даль, III, с. 488; *про-*

рыть 'прорытая канава' Пск., Даль, III, с. 506; *рытва* 'рытвина, прорытая водой' Зап., Даль, IV, с. 119);

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *глубовина* 'яма' Пск., СРНГ, 6, с. 206; *жабина* Симб.; *жабка* Симб, СРНГ, 9, с. 50 'яма'; *калужина* 'яма с водой на дороге' Нижегород., СРНГ, 12, с. 368 < *калужа* 'стоячая вода, грязь' Южн., СРНГ, 12, с. 367);

реляционный с семей 'подобие' (ср. *копытца* 'яма с водой на дороге' Ворон., Дьякова, 1992, с. 53).

Активное использование словообразовательных средств наблюдается и при образовании названий **низменных** мест, долин и равнин (ср. *гладца* 'равнина' Арх., СРНГ, 6, с. 180; *долица* 'долина' Перм., СРНГ, 8, с. 112; *западина* 'низменность' Новг., Твер., СРНГ, 10, с. 297; *ложина* 'долина' Олон., СРНГ, 17, с. 108; *низмина* Пск., Свердл., Сев. Урал., Краснояр., Новосиб. СРНГ, 21, с. 227; *низца* Ряз., СРНГ, 21, с. 229 'низина'; *плоскоместье* 'равнина' Ворон., СРНГ, 27, с. 146; *подгорье* 'низина' Арх., СРНГ, 27, с. 380; *подолье* 'равнина' Яросл., Смол., Ворон., Ленингр., СРНГ, 28, с. 117; *ровень* 'равнина' Новг., Даль, IV, с. 98).

Включение словообразовательных средств в процесс номинации позволяет детализировать эти общие названия и указать, например, на :

— местоположение низменных мест (ср. *логовина* 'долина между холмами' Арх., Пск., СРНГ, 17, с. 104; *межигорье* Пск., СРНГ, 18, с. 87; *падища* Перм., Сиб., СРНГ, 25, с. 131 'долина в горах'; *понизь* 'речная долина' Пск., Твер., СРНГ, 29, с. 260; *попадина* 'ровное низкое место среди возвышенностей' Ворон., СРНГ, 29, с. 295);

— заливаются или нет низменности в половодье (ср. *залив* Калуж., Тул., СРНГ, 10, с. 205; *замочь* Волог., СРНГ, 10, с. 259; *затоп* Арх., СРНГ, 11, с. 99; *полива* Яросл., СРНГ, 29, с. 68 'долина, заливаемая в половодье') и в связи с этим на наличие или отсутствие в них воды (ср. *озерина* 'низина, где бывает вода' Арх., Волог., СРНГ, 23, с. 90; *сухогар*, *суходол*, *сухоплесье* 'безводная долина' Перм., Даль, IV, с. 367) и т. д.

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *бережина* 'прибрежная низина' Арх., СРНГ, 2, с. 248; *гладун* 'равнина' Арх., СРНГ, 6, с. 180; *мокрина* 'сырое низкое место' Новг., СРНГ, 18, с. 209; *низкодолица* 'низина' Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 227; *сырина* 'низменность вблизи водоема' Даль без указ. места, IV, с. 376);

— акторный (ср. *замочка* 'низменное сырое место' Волог., Свердл., СРНГ, 10, с. 259; *западь* 'низина' Костром., Вят., СРНГ, 10, с. 298; *наволок* 'низменное поемное место на берегу реки' Арх., Волог., Костром., Яросл., Перм., СРНГ, 19, с. 178; *отпадок* 'конец долины' Забайкал., СРНГ, 24, с. 265; *проседина* 'узкая долина в горах' Даль без указ. места, IV, с. 517);

— локативный (ср. *заберег* 'прибрежная низина' Арх., Вост.-Сиб., Иркут., СРНГ, 9, с. 251; *забережье* 'низменная часть морского берега, заливаемая водой во время прилива' Арх., СРНГ, 9, с. 253; *межигорье* 'долина в горах' Пск., СРНГ, 18, с. 87; *низедь* Арх., СРНГ, 21, с. 225; *низовина* Пск., Твер., Арх., СРНГ, 21, с. 227–228 'низина'; *понизь* 'низина у подножия гор' Пск., Твер., Костром., Ворон., СРНГ, 29, с. 260; *подозерица* 'заболоченная приозерная равнина' Верх. Поволж., СРНГ, 28, с. 112);

— квантитативный с объективацией семы 'величина' (ср. *лучка* 'небольшая низина у реки' Пск., СРНГ, 17, с. 212 < *лука* 'поемный луг' Урал., Том., Новосиб., СРНГ, 17, с. 187; *падушка* 'небольшая долина' Сиб., Урал., Иркут., Забайкал., Амур., СРНГ, 25, с. 137 < *падь* 'отлогое место на берегу реки' Енис., СРНГ, 25, с. 138).

К этим названиям примыкает небольшая группа имен, обозначающих различные виды лугов. Утилитарный статус этого класса реалий породил необходимость объективировать с помощью словообразовательных средств такие их характеристики, как:

— местоположение (ср. *одворица* 'небольшой луг около усадьбы' Киров., СРНГ, 23, с. 7; *наберега* 'прибрежный

луг' Перм., Иркут., Якут., СРНГ, 25, с. 107; *понижье* 'низменный луг' Костром., СРНГ, 29, с. 260);

— затопляемость или нет во время половодья (ср., например, названия заливных лугов: *затоп* Смол., Тул., СРНГ, 11, с. 99; *луговище* Нижегород., СРНГ, 17, с. 175; *паволок* Арх., СРНГ, 25, с. 112; *поливо* Яросл., СРНГ, 29, с. 70) и соответственно пригодность ~ непригодность для сенокоса (ср. *лужавина* 'сенокосный луг' Костром. // 'затолоченный луг' Пск., СРНГ, 17, с. 181).

В этих названиях актуализируются, как правило, следующие мотивационные признаки:

— локативный (ср. *пабережье* 'прибрежный луг' Арх., Беломор., СРНГ, 25, с. 107; *подболотица* 'небольшой луг, переходящий в болото' Яросл., Моск., СРНГ, 27, с. 341);

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *бережина* 'прибрежный луг' Арх., СРНГ, 2, с. 248; *луговина* 'заливной луг' Костром., Симб. // 'затолоченный луг' Пск., Калинин., СРНГ, 17, с. 175; *лужавина* 'сенокосный луг' Костром. // 'затолоченный луг' Пск., СРНГ, 17, с. 181);

— акторный (ср. *затоп* 'заливной луг' Смол., Тул., СРНГ, 11, с. 99; *косьба* 'скошенный луг' Яросл., СРНГ, 15, с. 95; *левина* 'заливной луг' Свердл., СРНГ, 16, с. 307; *наволок* 'луг' Костром., Свердл., Волог., Арх., СРНГ, 19, с. 179; *паволок* 'заливной луг' Арх., СРНГ, 25, с. 112);

— квантитативный с семами 'нерасчлененное множество' (ср. *луговья* Арх., Амур., СРНГ, 17, с. 177; *лузья* Енис., СРНГ, 17, с. 185 собир. 'луга') и 'величина' (ср. *луговина* Киров., СРНГ, 17, с. 175; *лужник* Яросл., СРНГ, 17, с. 182; *лучка* Смол., Калуж., СРНГ, 17, с. 212 'небольшой луг').

В отдельную группу выделяются имена, обозначающие поляны и опушки, составляющие неотъемлемую принадлежность русского леса (ср. *береговинка* 'опушка леса' Латв., СРНГ, 2, с. 245; *веретя* 'поляна' Арх., Киров., Тобол., СРНГ, 4, с. 139; *забока* 'опушка леса' Енис., Краснояр., СРНГ, 9, с. 263; *лужанка* 'поляна' Новосиб., СРНГ, 17, с. 181; *полог* 'опушка леса' Урал., СРНГ, 29,

с. 97). Причем в этих названиях на первый план выходят уже иные признаки, а именно:

— реляционный, с актуализацией семы 'подобие' (ср. *плешина* 'поляна в лесу' Ворон., СРНГ, 27, с. 137; *полюшко* 'поляна' Свердл., СРНГ, 29, с. 187);

— качественно-характеризующий (ср. *боровня* 'опушка хвойного леса' Орл., Васильченко, 1996; *гладца* 'поляна' Волог., СРНГ, 6, с. 181; *голутва* 'поляна' Влад., СРНГ, 6, с. 344; *луговина* 'поляна' Арх., Енис., СРНГ, 17, с. 175), при этом нередко актуализируется такой признак, как форма поляны (ср. *круглина* Ряз.; *кругловина* Пск., Твер., Ряз.; *кругляшка* Ср. Урал., СРНГ, 15, с. 298–302 'круглая поляна'; *кружавина* Калуж., Ср. Урал., СРНГ, 15, с. 309; *кружелка* Смол., СРНГ, 15, с. 310 'круглая поляна' или *долгуша* 'вытянутая поляна' Сиб., Азарх, 1993);

— локативный (ср. названия опушки леса: *забока* Краснояр., СРНГ, 9, с. 264; *закраек* Вост.-Сиб., Вят., СРНГ, 10, с. 161; *облесье* Пск., Твер., СРНГ, 22, с. 95; *подлесок* Ворон., Дьякова, 1992, с. 49; *подлесье* Новг., Свердл., СРНГ, 28, с. 63);

квантитативный с семой 'нерасчлененное множество' (ср. *полянье* собир. Олон., СРНГ, 29, с. 192).

Семантическая картина, однако, значительно усложняется, когда необходимо обозначить не просто низменное место, а низкое сырое, болотистое место (ср. *мокредь* Казан., Перм., Киров.; *мокрель* Перм.; *мокретина* Урал., СРНГ, 18, с. 208; *мочарина*, Новг., Пск., СРНГ, 18, с. 317; *низина* Костром., Калинин., Пск., Волог., Киров., Калуж., Брян., СРНГ, 21, с. 225; *низотина* Яросл., СРНГ, 21, с. 229). Отсюда такое разнообразие имен, связанных с обозначением болота. Кроме общего названия болота (ср. *водотопина* Калуж., СРНГ, 4, с. 347; *дрягва* Смол., Брян., Тул., СРНГ, 8, с. 227; *ляжка* Ср. Урал., СРНГ, 17, с. 270; *лывина* Арх., Костром., Краснояр., СРНГ, 17, с. 217; *топель*, *топлина* Даль без указ. места, IV, с. 416), в русских диалектах существует множество производных имен, с помощью которых это семантическое пространство детализируется и конкретизируется. Так, в частности, сло-

вообразовательные средства подключаются тогда, когда необходимо обозначить:

— степень заболоченности места (ср. названия вязкого, топкого болота: *вязель* Пск., Твер., Смол., Ленингр., Новг., Волог., Олон., СРНГ, 6, с. 73; *вязило* Ряз., СРНГ, 6, с. 74; *топелица* Пск., Даль, IV, с. 416), причем преимущественно сильно заболоченного места, трясины (ср. *засос* Твер., СРНГ, 11, с. 50; *зыбняк* Том., СРНГ, 12, с. 32; *качалище* Киров., СРНГ, 13, с. 141; *плавня* Пск., СРНГ, 27, с. 71; ср. также единичные названия с противоположным признаком *воджиллина* 'слабо заболоченное место' Волог., СРНГ, 4, с. 341)

— проходимость или скорее непроходимость болота (ср. *непроходь* СРНГ без указ. места, 21, с. 134; *бездонник*, *бездонница*, *бездонье* Арх., СРНГ, 2, с. 189; *дыбун* Арх., Печор., Кольск., Перм., Зауралье, СРНГ, 8, с. 290 'топкое непроходимое болото');

— наличие особо топких мест на болоте, ям (ср. *глазина* 'очень топкое место на болоте' Арх., СРНГ, 6, с. 187; *окнище* 'провал в болоте' Пск., СРНГ, 23, с. 130) или, наоборот, возвышенных, сухих мест (ср. *боровина* 'бугор среди болота' Ленингр., СРНГ, 3, с. 104; *боровинка* 'возвышенное, покрытое лесом место среди болота' Свердл., СРНГ, 3, с. 105; *веретя* 'возвышенное сухое место среди болота' Вят., Сев.-Двин., Перм., СРНГ, 4, с. 138; *гривина* 'сухое место среди болота' Олон., СРНГ, 7, с. 144) и, в частности, кочек (ср. *кочки* 'болото, покрытое кочками' СРНГ без указ. места, 15, с. 133);

— наличие или отсутствие растительности на болоте: словообразовательные средства используются, как правило, для образования названий, обозначающих болото, покрытое растительностью (ср. *лесоболото* 'болото, поросшее лесом' Костром., Новочихин, 1995, с. 214; *моховик* Киров., Свердл., СРНГ, 18, с. 311; *мошняк* Орл., СРНГ, 18, с. 325 'болото, поросшее мхом'; *ольшатник* Ворон.; *ольшняк* Ворон., Орл., СРНГ, 23, с. 193–194 'болото, поросшее ольхой'; ср. также единичные названия с противоположным значением: *голя* 'болото, лишенное растительности' Том., СРНГ, 6, с. 292).

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— акциональный: в отличие от названий оврагов, этот признак является здесь ведущим, в названиях низин, равнин, долин он вообще не присутствует (ср. *водососина* 'топкое место' Твер., СРНГ, 4, с. 346; *водотопина* 'болото' Калуж., СРНГ, 4, с. 347; *вязун* 'вязкое, болотистое место' Вят., СРНГ, 6, с. 77; *дыхалница* 'трясина' Смол., СРНГ, 8, с. 298; *затяжина* 'небольшое болото, находящееся рядом с крупным' Том., СРНГ, 11, с. 123);

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *бездонье* 'топкое, непроходимое болото' Арх., СРНГ, 2, с. 189; *глазник* 'окно в болоте, не заросшее травой' Север., СРНГ, 6, с. 188; *грязник* 'топкое болото' Олон., СРНГ, 7, с. 189; *жидня* 'болотистое место' Ряз., СРНГ, 9, с. 170; *жировище* 'топкое болотистое место' Твер., СРНГ, 9, с. 185; *озерина* 'маленькое болото' Влад., СРНГ, 23, с. 90; *ржавец* 'ржавое болото' Даль без указ. места, IV, с. 95);

— акторный (ср. *нажимина* 'трясина' Арх., СРНГ, 19, с. 271; *непроходь* 'топкое, непроходимое болото' СРНГ без указ. места, 21, с. 134);

реляционный, маркирующий сему 'пространственная смежность' (ср. *кочажник* 'болото, покрытое кочками' Костром., СРНГ, 15, с. 122; *мошняк* 'болото, поросшее мхом' Орл., СРНГ, 18, с. 312; *олешье* 'болото, заросшее ольхой' Пск., СРНГ, 23, с. 187);

— локативный (ср. *заболотье* 'место за болотом' Смол., СРНГ, 9, с. 265; *заболонье* 'место за болотом' Север., Олон., СРНГ, 9, с. 265);

— количественный, маркирующий сему 'величина', причем преимущественно для обозначения небольшого болота (ср. *болотажка* Калинин., *болотовина* Новг., СРНГ, 3, с. 78).

Семантическая сфера 'верх' представлена именами, обозначающими возвышенности, пригорки, холмы и горы, причем семантическое пространство ни одного из этих имен не обладает такой высокой степенью расчле-

ненности, которая наблюдается в именах, конкретизирующих семантическую сферу 'низ'.

Так, если обратиться к именам, обозначающим возвышенное место, то, кроме общего названия возвышенности (ср. *верховица* СРНГ без указ. места, 4, с. 163; *горбушина* Нижегород., СРНГ, 7, с. 24; *поверхье* Ворон., СРНГ, 27, с. 229), можно привести лишь единичные дериваты, в которых с помощью словообразовательных средств конкретизируется это значение (ср. *верхотина* 'возвышенность между горами' Волог., СРНГ, 4, с. 170; *глядень* 'возвышенное место у становища, удобное для наблюдения' Беломор., Север., Арх., СРНГ, 6, с. 228; *лядина* 'возвышенное место, поросшее лесом', Олон., СРНГ, 17, с. 266; ср. *ляда* 'лесные заросли' Волог., , СРНГ, 17, с. 261).

В этой группе имен с помощью словообразовательных средств актуализируются чаще всего следующие признаки:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *бугрина* 'возвышенность' Самар., Дон., Калинин., Смолен., Перм., СРНГ, 3, с. 238; *высогорье* 'высокое место' Онеж., СРНГ, 6, с. 25; *горбина* 'возвышенность' Ленингр., СРНГ, 7, с. 22; *гривина* 'холм, возвышенность' Брян., Том., СРНГ, 7, с. 144; *кривун* 'косогор' Амур., СРНГ, 15, с. 251; *крутолобина* 'возвышенность' Киров., СРНГ, 15, с. 332);

— квантитативный, маркирующий сему 'величина' (ср. *горбашка* 'небольшая возвышенность, пригорок' Ярослав., СРНГ, 7, с. 22; *горбылек* 'небольшая возвышенность' Тюмен., СРНГ, 7, с. 26; *горица* 'горка, небольшая возвышенность' Самар., Тамб., Курск., СРНГ, 7, с. 37);

— локативный (ср. *верховье* Ряз., СРНГ, 4, с. 167; *поверхье* Ворон.; СРНГ, 27, с. 229 'возвышенное место');

— реляционный с семой 'пространственная смежность' (ср. *липяг* 'возвышенность, покрытая липовым лесом' Ворон., Петерб., СРНГ, 17, с. 60).

Еще меньше расчленено семантическое пространство производных со значением 'холм' или 'пригорок', что связано, по-видимому, с некоторой нечеткостью их семантической дифференциации. Кроме общего названия этих реалий (ср. *взвал* 'холм' Смолен., СРНГ, 4, с. 246; *гор-*

буля 'холм' Волог., СРНГ, 7, с. 23; *горовина* 'пригорок' Мурман., СРНГ, 7, с. 54; *нагорок* 'пригорок' Иркут., СРНГ, 19, с. 210; *огорок* 'пригорок' Пск., Калинин., Моск., СРНГ, 22, с. 350; *сугорок* 'пригорок' Перм., Пск., Даль, 4, с. 353), в русских диалектах встречаются единичные производные, детализирующие эти наименования (ср. *боровина* 'холм, покрытый лесом' Арх., Петерб., СРНГ, 3, с. 104; *взлюбчик* 'пригорок, поднимающийся круто' Сиб., СРНГ, 4, с. 264; *подгорок* 'холм перед горой' Олон., СРНГ, 27, с. 379).

С помощью словообразовательных средств актуализируются, как правило, следующие признаки:

— предметно-характеризующий (ср. *взлюбчик* 'пригорок, поднимающийся круто' Сиб., СРНГ, 4, с. 264; *горбуш* 'невысокий холм' Олон., СРНГ, 7, с. 23; *опупок* 'холм, горка' Волог., Свердл., СРНГ, 23, с. 311; *нагорок* 'холм, пригорок' Север., СРНГ, 25, с. 115);

— акторный (ср. *взвал* Смол.; *взвалье* 'холм' Смол., СРНГ, 4, с. 246);

— локативный (ср. *поверш* 'холм' Ворон., СРНГ, 27, с. 229; *подгорок* 'холм перед горой' Олон., СРНГ, 27, с. 379);

— квантитативный, маркирующий сему 'величина' (ср. *вершочек* Тул., СРНГ, 4, с. 178; *горбовинка* Пск., Смол., СРНГ, 7, с. 22; *горбылек* Пск., Смол., Свердл., СРНГ, 7, с. 25 'холмик, бугорочек');

— реляционный с семой 'подобие' (ср. *каравайчик* 'холм' Новг., СРНГ, 13, с. 67).

И только производные, связанные с обозначением горы, выделяются своей детализированностью в наименовании этой реалии. Первое, что бросается в глаза, это отсутствие в русских диалектах производных с общим значением 'гора' (ср. единичные *взлюб* Ряз., СРНГ, 4, с. 264; *городище* Арх., Коми, СРНГ, 7, с. 59), т. е., как и в литературном языке, это название представлено непродолженным именем. Словообразовательные средства подключаются, как правило, тогда, когда нужно обозначить не просто гору, а **крутую гору** (ср. *крутик* Петерб., Перм., Краснояр., СРНГ, 15, с. 325; *крутица* Яросл.,

СРНГ, 15, с. 328; *лобач* Новг., СРНГ, 17, с. 95) или, наоборот, гору с пологими склонами (ср. *извал* Олон., СРНГ, 12, с. 100; *изволок* Пенз., Симб., Тул., Саратов., Иркут., Вост., Нижегород., СРНГ, 12, с. 110; *окать* Арх., СРНГ, 23, с. 116; *покать* Сиб., Алт., Байкал., Перм., Свердлов., Новг., Арх., Мурман., СРНГ, 28, с. 374).

Однако активнее всего они используются, когда необходимо охарактеризовать строение горы, обозначить ее **вершину** (ср. *горбина* Урал., СРНГ, 7, с. 22; *овершник* СРНГ без указ. места, 22, с. 294), **склоны** (ср. *косогорина* Твер., Олон., СРНГ, 15, с. 63; *откосок* Южн. Урал., Воронеж., СРНГ, 24, с. 209; *подгорь* Мурман., СРНГ, 27, с. 380), причем особенно **крутые склоны** (ср. *головойлом* Перм., Урал., СРНГ, 6, с. 312; *кручель* Пск., Твер., СРНГ, 15, с. 335; *увал* Даль без указ. места, IV, с. 460), **подножие** (ср. *отножинка* Терск., Дон., СРНГ, 24, с. 249; *подгора* Свердлов., Ср. Урал., Воронеж., Том.; *подгорица* Волог., Арх., Киров., Яросл., Свердлов., Ср. Урал., СРНГ, 27, с. 378–379), а также **отроги горы** (ср. *отнога* Сев.-Зап., Киров., Сиб.; *отножина* Дон., СРНГ, 24, с. 249).

С помощью словообразовательных средств актуализируются чаще всего следующие признаки:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *белогорье* 'горы, покрытые снегом' Сиб., СРНГ, 2, с. 219; *косогорка* 'склон горы' Том., СРНГ, 15, с. 63; *крутыня* 'высокая, крутая гора' Перм., СРНГ, 15, с. 333; *лобач* 'крутая гора' Новг., СРНГ, 17, с. 95);

— локативный (ср. *забока* 'склон горы' Краснояр., СРНГ, 9, с. 263; *подгор* 'подножие горы' Арх., СРНГ, 27, с. 378; *прилобок* 'склон горы' Сиб., Даль, III, с. 423);

— акциональный (ср. *отпадыш* 'горный отрог' СРНГ без указ. места, 25, с. 265);

— реляционный с актуализацией семы 'подобие' (ср. *городище* 'гора' Арх., Коми, СРНГ, 7, с. 59; *плешка* 'голая безлесная вершина горы' Арх., СРНГ, 27, с. 137);

— квантитативный, объективирующий сему 'величина', причем преимущественно сему 'маленький' (ср. *горица* Самар., Тамб., Курск., СРНГ, 7, с. 37; *горуша* Вят.; го-

рушка Север., Олон., Волог., Пск., Орл., Курск., Ворон., Тул., СРНГ, 7, с. 72–73), реже — ‘нерасчлененное множество’ (ср. *горьё* собир. Арх., СРНГ, 7, с. 81).

В семантическом поле «Рельеф» словообразовательные средства используются и в тех случаях, когда необходимо образовать названия-локализаторы, указывающие на место вблизи болота, горы или оврага (ср. *заболоть* Пск., Киров.; *заболотьё* Смол., СРНГ, 9, с. 265 ‘место за болотом’; *завражьё* ‘селение, которое располагается за оврагом’ СРНГ, без указ. места, 9, с. 341; *погорица* ‘место под горой’ Свердл., СРНГ, 27, с. 308; *подугор* Иркут.; *подугорица* Киров.; *подугорье* Арх., Свердл., СРНГ, 28, с. 226 ‘полоса у подножия горы’).

Они привлекаются также и при образовании характеризующих названий ландшафта, когда необходимо обозначить преобладающий вид рельефа (ср. названия холмистой местности: *бугровник* Свердл., СРНГ, 3, с. 239; *грядник* СРНГ без указ. места, 7, с. 187; *холмовьё* Арх., Даль, IV, с. 353). Примечательно, что среди этих имен практически не встречаются производные со значением ‘гористая местность’ (ср. единичное *горьё*, но с собирательным значением Арх., СРНГ, 7, с. 81).

Среди географических терминов, обозначающих рельеф местности, традиционно рассматриваются и названия дорог — семантический участок, широко открытый для словообразования. Кроме общего названия дороги (ср. *попадка* Иркут., Том., СРНГ, 29, с. 295; *проходище* Даль без указ. места, III, с. 524; *путище* Даль без указ. места, III, с. 544), словообразовательные средства используются в многочисленных производных, детализирующих и конкретизирующих это название.

Особенно активно они «работают» в аксиологически ориентированных номинациях, когда нужно обозначить не просто дорогу, а дать ей оценку, т. е. указать хорошая она или плохая. Причем здесь так же, как и в названиях погоды, словообразовательные средства привлекаются прежде всего для образования названий плохой дороги (ср. *незапутица* Пск.; *незапутник* Пск., СРНГ, 21, с. 48;

некать Якут., Камч., Свердл., СРНГ, 21, с. 58; *неторник* Арх., СРНГ, 21, с. 177; *судорожица* Пск., Даль, IV, с. 356) или *бездорожья* (ср. *бездорожица* Вят., Олон., Онеж., Яросл., Иван., Перм., Курган., СРНГ, 2, с. 189), ср. также единичные названия хорошей, торной дороги (*катень* Волог., СРНГ, 13, с. 127; *наездок* Пск., Твер., СРНГ, 19, с. 262; *торина* Волог., Арх., Даль, IV, с. 419).

Обращение к словообразовательным средствам происходит и тогда, когда нужно обозначить:

— местопрохождение дороги (ср. *болотница* 'дорога через болото' Арх., СРНГ, 3, с. 79; *боровинка* 'лесная дорога' Олон., СРНГ, 3, с. 105);

— ее временный характер, т. е. когда она функционирует лишь в определенное время года (ср. *зимарь* 'зимняя дорога' Арх., Олон., Сев.-Двин., Сиб., Камч., Волог., Ленингр., Новг., Пск., Моск., Орл., Киров., Урал., Тобол., Перм., СРНГ, 11, с. 274; *летник* 'летняя дорога' Камч., Забайкал., Байкал., Иркут., Сиб., Свердл., Урал., Перм., Киров., Олон., Арх., Новг., Пск., Смол., Твер., Брян., Дон., СРНГ, 17, с. 18; *тележница* 'летняя дорога' Север., Даль, IV, с. 396);

— ее направление, особенно когда нужно обозначить окольную дорогу (ср. *зарыск* Вят., СРНГ, 11, с. 13; *круговеня* Горьк., Костром., СРНГ, 15, с. 308; *объездок* Твер., Южн. Урал., СРНГ, 22, с. 277; *огибень* СРНГ без указ. места, 22, с. 314; *околица* Волог., Калинин., Перм., Беломор., Арх., Олон., Влад., СРНГ, 23, с. 140), *повороты* (ср. *заверт* Олон., *завертина* Моск., СРНГ, 9, с. 304; *огибь* Том., СРНГ, 22, с. 313; *отворот* Том., СРНГ, 24, с. 147; *повернище* Пск., Твер.; *повертка* Влад., Калуж., Пск., Твер., Петерб., Новг., Волог., Костром., Арх., Вят., Том., СРНГ, 27, с. 227–228) и *перекрестки* (ср. *перекресть* Пск., Твер.; *перекрестье* Костром.; *перекрёстка* Краснояр., СРНГ, 26, с. 133; *развилье* Нижн., Даль, IV, с. 18; *раздоржье* Вост., Даль, IV, с. 27).

С помощью словообразовательных средств в этих названиях актуализируются следующие признаки:

— акторный (ср. *выволока* 'разбитая ухабистая дорога' Олон., СРНГ, 5, с. 258; *зажим* 'дорога в лесной чаще'

Сев.-Двин., СРНГ, 10, с. 86; *затоп* 'торная, утоптанная дорога' Краснояр., СРНГ, 11, с. 99; *лежневка* 'дорога, выложенная бревнами' Орл., Васильченко, 1996; *наездок* 'торная дорога' Пск., Твер., СРНГ, 19, с. 262);

— акциональный (ср. *вывод* 'дорога, по которой можно выйти из леса' Свердл., СРНГ, 5, с. 255; *перегибень* 'дорога в объезд' Пск., Твер., СРНГ, 26, с. 65; *повертыш* 'поворот дороги' Пск., Твер., СРНГ, 27, с. 229);

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *глёздавица* 'дорога по льду' Пск., Южн., СРНГ, 6, с. 194; ср. *гледать* 'скользить' Новг., Пск., СРНГ, 6, с. 194; *долгомостье* 'дорога через болото, сделанная из бревен' Волог., Смол., СРНГ, 8, с. 107; *дорожина* 'проселочная дорога' Пск., Смол., СРНГ, 8, с. 135; *каменка* 'дорога, вымощенная камнем' Дон., Тул., Моск., СРНГ, 13, с. 18; *колесня* 'извилистая дорога' Калин., СРНГ, 14, с. 129; *кривень* 'поворот дороги' Енис., СРНГ, 15, с. 252; *неторник* 'плохая, ухабистая дорога' Арх., СРНГ, 21, с. 177; *талик* 'талая, плохая дорога' Арх., Даль, IV, с. 393; *тележница* 'летняя дорога' Север., Даль, IV, с. 396);

— локативный (ср. *задворок* 'дорога за воротами деревни' Олон., СРНГ, 10, с. 47; *запутица* 'проселочная дорога' Пск., Твер., СРНГ, 10, с. 370; *паозерок* 'дорога по льду озера' Пск., Твер., СРНГ, 25, с. 203; *угор* 'дорога в гору' Даль без указ. места, IV, с. 469);

— темпоральный (ср. *вешняк* 'весенняя дорога, прокладываемая во время половодья' Урал., СРНГ, 4, с. 225; *зимняк* 'дорога, по которой ездят только зимой' Перм., Ср. Урал., Заурал., Костром., Яросл., Новг., Твер., Олон., Кемер., Сиб., СРНГ, 11, с. 277; *летник* 'дорога по берегу реки' Тобол., Арх., СРНГ, 17, с. 18);

— функциональный (ср. *верховка* 'дорога для верховой езды' Том., СРНГ, 4, 165; *колесница* 'дорога для проезда телег' Твер., Арх., СРНГ, 14, с. 128; *полозница* 'зимняя санная дорога' Пск., Твер., СРНГ, 29, с. 105).

К названиям дорог примыкает небольшая группа производных имен, обозначающих ухабы, выбоины на дороге (ср. *зарез* Южн. Урал., Сиб., СРНГ, 10, с. 381) или *колею*

(ср. *дорожница* Перм., СРНГ, 10, с. 136). В названиях ухабов актуализируется чаще всего акторный признак (ср. *вывоз* Калуж., СРНГ, 5, с. 258; *выволоок* Олон., СРНГ, 5, с. 258; *сбоёк* Даль без указ. места, IV, с. 140), а в названиях колеи — качественно- или предметно-характеризующий (ср. *колесник* Новг., Тамб.; *колесница* Волог., Арх., Перм., Свердл., Влад., Олон., Волог., Костром., Ворон., Твер., Иркут., Саратов., Вят., Урал., СРНГ, 14, с. 128 'дорожная колея'; *полозновица* Север., Даль, III с. 260 'санная колея'; *тележница* 'колея, след от колес' Север., Даль, IV, с. 396).

Интересно, что названия тропинок дают несколько иную картину. В русских диалектах словообразовательные средства используются прежде всего для образования общего названия тропинки (ср. *вытопка* Арх., Волог., СРНГ, 6, с. 40; *пешеход* Новг., СРНГ, 27, с. 12; *пробега* Пск., Даль, III, с. 470; *путник* Сиб., Даль, III, с. 544) и лишь изредка они встречаются в названиях, указывающих на ее местонахождение (ср. *бережник* 'тропинка вдоль реки' Арх., СРНГ, 2, с. 249; *боровинка* 'лесная тропинка' Олон., СРНГ, 3, с. 105; *межина* 'тропинка между двумя полями' Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 87; *обтынок* 'тропинка около тына' Пск., Твер., СРНГ, 22, с. 246).

С помощью словообразовательных средств актуализируются, как правило, акторный (ср. *затопь* 'тропинка в лесу, проложенная впервые' Арх., СРНГ, 11, с. 101; *протор* 'тропинка' Южн., Даль, III, с. 518; *ступник* 'битая, торная тропа в лесу' Арх., Даль, IV, с. 349) или локативный признаки (ср. *затропок* 'обходная тропинка' Сиб., СРНГ, 11, с. 107; *обтынье* 'тропинка около тына' Пск., Твер., СРНГ, 22, с. 246).

Интересно, что и здесь так же, как и в других названиях рельефа, имеются имена-локализаторы, для образования которых используются словообразовательные средства (ср. *задорога* Пск., Твер., Горьк.; *задорожка* Ярослав., СРНГ, 10, с. 65 'полоса земли вдоль дороги').

Среди гидрологических терминов, богатых производными именами, выделяются прежде всего названия реки. И хотя в диалектах (так же, как и в литературном языке)

общее название реки представлено производным именем, не позволяющим без специального этимологического инструментария проникнуть в его семантическую структуру, однако при образовании характеризующих названий, когда происходит детализация, конкретизация общего названия реки, словообразовательные средства используются довольно активно.

Так, в частности, обращение к словообразовательным средствам происходит тогда, когда необходимо:

— дать общую характеристику реки, причем, как правило, реки *мелководной* (ср. *безрыбье* 'мелководная речка, не имеющая рыбы' Ворон., СРНГ, 2, с. 199; *вязовня* 'мелководная речка, которая то течет, то пропадает' Тул., СРНГ, 6, с. 76; *песчанка* 'небольшая мелеющая от наносного песка речка' Арх., СРНГ, 26, с. 324);

— отметить особенности в ее течении, причем, кроме общего названия течения (ср. *водоходь* 'течение воды в озере или проливе' Олон., СРНГ, 4, с. 347; *течель*, *течун* 'течение реки' Даль без указ. места, IV, с. 404), в диалектах существует множество детализирующих имен, маркирующих *скорость* течения, особенно в названиях рек с быстрым течением (ср. *быстриха* 'о реке с быстрым течением' СРНГ без указ. места, 3, с. 350; *быстринка* 'быстрое течение в реке' Тюмен., СРНГ, 3, с. 350; *быстрядь* 'быстрина' Свердл., СРНГ, 3, с. 350; *покать* 'бурное, стремительное течение реки' Сиб., Якут., СРНГ, 28, с. 374), его *направление* (ср. *верховица* Сев.-Двин.; *верховина*, *верховище* Север., Сев.-Двин, СРНГ, 4, с. 163–164 'верхнее течение реки'; *понизовье* 'нижнее течение реки' ЛАРНГ; *водопор* 'встречное течение' Пск., СРНГ, 4, с. 345), локализирующих какое-либо место в течении реки (ср. названия места с быстрым течением: *быстрень* Пск., *быстредь* Том., Кемер., Tobол., Барнаул., Свердл., СРНГ, 3, с. 349; *водобежка* Пск., СРНГ, 4, с. 340; *стремнина* Даль без указ. места, IV, с. 338; или места с медленным течением: *глушни* Пск., СРНГ, 6, с. 219; *затяжина* Терск., СРНГ, 11, с. 123; *тиховодина* ЛАРНГ);

— указать на истоки (ср. *верховина* СРНГ без указ. места, 4, с. 163; *вершень* Сиб., СРНГ, 4, с. 172 'верховье

реки') или устье реки (ср. *заход* Арх., Ср. Урал., СРНГ, 11, с. 156; *исток* Том., СРНГ, 12, с. 257 'устье реки'), на наличие *притока* (ср. *отвилок* Новосиб., СРНГ, 24, с. 137; *побочень* Урал., СРНГ, 27, с. 202), на место *слияния* двух рек (ср. *подкручье* Арх., СРНГ, 28, с. 49; *разречье* Даль без указ. места, IV, с. 45 — этот признак, по наблюдениям этнографов и этнолингвистов (Д. К. Зеленин, Н. И. Толстой), в народном сознании маркируется как положительный, в отличие от противоположного ему признака — *раздвоения* реки, ср. *забока* СРНГ, 19, с. 264; *изголовь* Свердл., СРНГ, 12, с. 119; *отпадок* Сиб., СРНГ, 24, с. 265, который воспринимается как отрицательный), указать на *заливы* (ср. *глушень* ЛАРНГ; *заводина* Орл., Брян., Пск., Влад., Твер., СРНГ, 9, с. 323; *отнога* Перм., Tobол., Том., Новосиб., СРНГ, 24, с. 249; *пазушье* Дон., СРНГ, 25, с. 151), *излучины* (ср. *завил* Ряз., СРНГ, 9, с. 315; *загибень* Арх., СРНГ, 9, с. 360);

— охарактеризовать *глубину* реки, причем здесь также, кроме общего названия глубины (ср. *глубжина* Яросл., Новг., Твер., СРНГ, 6, с. 205; *глуботина* Волог., Вят., СРНГ, 6, с. 207), существует и множество детализирующих (ср. *глубжина* Яросл., СРНГ, 6, с. 205; *заглуба* Костром., СРНГ, 10, с. 6 'самое глубокое место в водоеме'; *мелководнок* 'мелкое место в реке, озере' Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 99), при этом маркируется прежде всего глубокое место в реке, сулящее опасность для человека, о чем свидетельствует чрезвычайно расчлененное семантическое поле этих имен (ср. *бучало* 'глубокое место в реке, образующееся от падающей сверху воды' Тул., СРНГ, 3, с. 328; *бучило* 'глубокое место реки у обрывистого берега' Ворон., СРНГ, 3, с. 329; *подзавал* 'глубокое место вблизи берега' Арх., СРНГ, 28, с. 12; *разнос* 'глубокое место с перекатами' Даль без указ. места, IV, с. 38), реже мелкое (ср. *мелководница* 'мелкое место, брод' Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 99; *меляк* 'мелкое место в реке, озере' Кубан., Астрах., Волж., Нижегород., СРНГ, 18, с. 106);

— указать на имеющиеся в реке *пороги* (ср. *взводень* Арх., СРНГ, 4, с. 250; *падун* Камч., Енис., Сиб., Арх., Олон.,

Новг., Север., СРНГ, 25, с. 136) или водовороты (ср. *заверть* Арх., СРНГ, 9, с. 304; *завит* Перм., СРНГ, 9, с. 319; *заводь* Вят., Арх., Том., Терск., СРНГ, 9, с. 327; *затягалка* Урал., СРНГ, 11, с. 121; *коловерть* Дон., СРНГ, 14, с. 150; *круговорот* Пск., Смол., СРНГ, 15, с. 305; *кружилка* Влад., СРНГ, 15, с. 310), водопады (ср. *водопадъ* СРНГ без указ. места, 4, с. 344; *падеж* Арх., СРНГ, 25, с. 127);

— дать характеристику воды реки (ср. *мутница* 'мутная вода в реке, обычно во время половодья' Сев.-Двин., Арх., Белозер., СРНГ, 19, с. 28; *солоница* 'река с соленой, горькой водой' Даль без указ. места, IV, с. 268);

— ее дна (ср. *вязель* 'вязкое дно озера' Калинин., СРНГ, 6, с. 73; *камешница* 'речка с каменистым ложем' Киров., СРНГ, 13, с. 25; *слабик* 'топкое, илистое дно реки' Арх., Даль, IV, с. 214);

— русла, особенно когда нужно обозначить старое русло реки (ср. *глушица* СРНГ без указ. места, 6, с. 219; *заводь* Арх., Беломор., СРНГ, 9, с. 327; *паруслина* СРНГ, без указ. места, 26, с. 246; *пескодон* 'высохшее речное русло' Нижегород., СРНГ, 26, с. 303; *речище* Даль без указ. места, IV, с. 122; *руслище*, *русловище* Даль без указ. места, IV, с. 115; *староруслина* Даль без указ. места, IV, с. 318; *староречье* ЛАРНГ; *старуха* Новг., Влад., *старица*, Ряз., Тул., Орл., Даль, IV, с. 317), реке новое (ср. *перебой* Ср. Урал., СРНГ, 26, с. 28; *перерва* Пск., Твер., СРНГ, 26, с. 205; *перемой* Пск., СРНГ, 26, с. 165); сужение или расширение русла (ср. *перебойка* 'самое узкое место в русле реки' Волга, Дон., СРНГ, 26, с. 29; *перемык* 'узкое место в реке между крутыми берегами' СРНГ без указ. места, 26, с. 169; *перемычка* 'узкое место реки, озера' Арх., СРНГ, 26, с. 170) и т. д.

Среди «речных имен» имеется немало различного рода локализаторов, например, 'место у истока реки' (ср. *верховище* Север., Сев.-Двин., СРНГ, 4, с. 164; *головище* Курск., Ворон., Тул., Центр.-черноз., СРНГ, 6, с. 306), 'место разделения реки на рукава' (ср. *разречье* Даль без указ. места, IV, с. 27; *растока* Даль без указ. места, IV, с. 75), 'междуречье' (ср. *переволок*, *переволока* Арх., СРНГ, 26, с. 57),

'место, куда выносит сплавляемый лес' (ср. *затяга* Арх.; *затягало* Яросл., СРНГ, 11, с. 121), 'место за рекой' (ср. *за-река* Олон., Арх., Перм., Урал., Свердл., СРНГ, 10, с. 381; *зареченье* Орл.; *заречище* Смол. СРНГ, 10, с. 382) и т. д.

С помощью словообразовательных средств актуализируются, как правило, следующие признаки:

— акциональный (ср. *втяжня* 'водоворот' Арх., СРНГ, 5, с. 237; *загибень* 'излучина' Арх., СРНГ, 9, с. 360; *заманиха* 'водоворот' Нижегород., СРНГ, 10, с. 232; *затяжина* 'залив' Терск., СРНГ, 11, с. 123; *заход* 'устье реки' Арх., Ср. Урал., СРНГ, 11, с. 156; *зачинок* 'верховье реки' Сиб., СРНГ, 11, с. 178; *крутень* 'водоворот' Волж., СРНГ, 15, с. 324; *отпадок* 'рукав реки' Сиб., СРНГ, 24, с. 265; *падун* 'порог' Камч., Енис., Сиб., Ср. Урал., Арх., Олон., Новг., Забайкал., СРНГ, 25, с. 136; *перебоина* 'новое русло реки' Ср. Урал., СРНГ, 26, с. 28);

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *быстрец* 'место с быстрым течением реки' Костром., СРНГ, 3, с. 349; *быструйка* 'река с быстрым течением' Олон., СРНГ, 3, с. 350; *живец* 'незамерзающая река' Том., Тобол., СРНГ, 9, с. 150; *глубняк* 'глубина' СРНГ без указ. места, 6, с. 206; *каменка* 'речка с каменистым ложем' Пск., Южн., СРНГ, 13, с. 18; *круговина* 'омут' Арх., СРНГ, 15, с. 303; *песчанка* 'небольшая мелеющая от наносного песка речка' Арх., СРНГ, 26, с. 324; среди этих имен имеются даже оценочно-характеризующие (ср. *подляга* 'омут' Арх., СРНГ, 28, с. 72);

— локативный (ср. *забережь* 'прибрежная полоса воды' Пск., СРНГ, 9, с. 253; *забока* 'залив' Алт., Краснояр., СРНГ, 9, с. 263; *закоска* 'глубокое место между мелями' Новосиб., СРНГ, 10, с. 157; *побочень* 'мель у берега реки' Волж., Иркут., СРНГ, 27, с. 202; *подводница* 'мелкое место в реке' Арх., Беломор., Север., СРНГ, 27, с. 360);

— реляционный, маркирующий сему 'подобие' (ср. *головище* 'верховье реки' Курск., Ворон., Тул., Центр.-черноз., СРНГ, 6, с. 306; *домовище* 'омут' Арх., СРНГ, 8, с. 120; *пазуха* 'залив' Зап. Сиб., СРНГ, 25, с. 149; *рожок* 'излучина' Даль без указ. места, IV, с. 99);

— акторный (ср. *намоина* 'мелкое место в реке' Пск., Твер., СРНГ, 20, с. 39; *намой* 'отмель' Арх., СРНГ, 20, с. 39);

— квантитативный, маркирующий чаще всего сему 'величина', причем преимущественно в деминутивах (ср. общерус. *речка, речушка, речонка*).

Интересно, что среди производных имен, обозначающих притоки реки, нет дериватов, указывающих на левый или правый приток (номинативный признак, который довольно часто использовался при образовании гидронимов).

С названиями реки тесно связаны названия берега, наименование которого в большинстве русских диалектов представлено непроизводными с синхронной точки зрения именами (ср. единичные дериваты *забока* ЛАРНГ; *паберега* Перм., СРНГ, 25, с. 107; *подгорица* Моск., Перм., СРНГ, 27, с. 379; *поречье* Даль без указ. места, III, с. 327). Использование словообразовательных средств наблюдается, как правило, тогда, когда нужно конкретизировать это имя, указать, в частности, на:

— высоту берега, особенно активно они используются, когда нужно обозначить **крутой**, возвышенный берег реки (ср. *завал* Беломор., Север., СРНГ, 9, с. 290; *крутец* Моск., Новг., Калин., Яросл., СРНГ, 15, с. 325; *крутоберег* Ряз., СРНГ, 15, с. 330; *лбище* Волж., Астрах., СРНГ, 16, с. 300; *материк* Арх., Беломор., Олон., Тобол., СРНГ, 18, с. 323; *надвес* Арх., СРНГ, 19, с. 224; *подкруть* 'очень крутой берег реки' Ворон., СРНГ, 28, с. 49), реже — **низкий**, пологий берег (ср. *заберега* Вост. Сиб., СРНГ, 9, с. 252; *заплеск* Астрах.; *заплесок* Арх., СРНГ, 10, с. 326; *низкоберег* Том., СРНГ, 21, с. 226; *побочень* Касп., СРНГ, 27, с. 202);

— особенности формы берега (ср. *бечевник* 'ровный, без изгибов берег' Сиб., СРНГ, 2, с. 285; *носок* 'скалистый острый мыс' Арх., Перм., Беломор., СРНГ, 21, с. 292; *острило* 'узкий остроконечный мыс' Арх., Беломор., СРНГ, 24, с. 80);

— место вдоль берега, его край (ср. *береговище* Пск., СРНГ, 2, с. 245; *бережище* Пск., СРНГ, 2, с. 248; *прибе-*

рег Даль без указ. места, III, с. 398; *уводь* Даль без указ. места, IV, с. 462).

Причем актуализируются, как правило, следующие мотивировочные признаки:

— качественно-характеризующий (ср. *береговина* 'место вдоль берега' Пск., Твер., СРНГ, 2, 245; *крутик* Арх., Урал., Вят., Мурман., Беломор., Сиб., Краснояр., СРНГ, 15, с. 325; *крутобережье* Ворон., Пск., Твер., СРНГ, 15, с. 330; *крутяк* Свердл., Урал., СРНГ, 15, с. 334 'крутой берег реки');

— акциональный (ср. *загибень* 'изгибающийся, делающий поворот берег' Арх., СРНГ, 9, с. 360; *зарон* 'крутой берег реки' Новг., Волог., СРНГ, 10, с. 388);

— локативный (ср. *заберег* 'низкий пологий берег' Вост. Сиб., Иркут., Якут., СРНГ, 9, с. 251; *набережье* 'берег' Иркут., СРНГ, 19, с. 112; *подречье* 'место вдоль реки' Влад., Том., СРНГ, 28, с. 158; *уречье* 'полоса земли у реки' Пск., Твер., Даль, IV, с. 510);

— реляционный семой 'подобие' (ср. *головка* 'мыс, утес на реке' СРНГ без указ. места, 6, с. 307).

Возвращаясь к отмеченной выше особенности в названиях берега, связанной со словообразовательным маркированием прежде всего крутого, обрывистого берега (т. е. высокого, а не низкого), заметим, что это кажущееся, на первый взгляд, противоречие с общей номинативной тенденцией имен, входящих в семантическую сферу «Земля», проявляющейся во внимании преимущественно к 'низу', а не 'верху', снимается, как представляется, двумя обстоятельствами: во-первых, охранной функцией берега, тем более высокою, обрывистого (не случайно именно здесь строились сторожевые башни, крепости, а также церкви); во-вторых, общей тенденцией русского словообразования маркировать прежде всего так называемые «отрицательные ценности», поскольку обрывистый берег воспринимается как опасность в пространственной ориентации человека, что является еще одним (хотя и косвенным) подтверждением аксиологической направленности русского словообразования.

К группе «речных имен» примыкают названия отмелей, в том числе различных видов подводных отмелей, кос. Кроме общего названия отмели (ср. *высыпок* Волж., СРНГ, 6, с. 37; *закосок* Перм., Иркут., Волж., Горно-Алт., СРНГ, 10, с. 158; *засыпка* Твер., Пск., СРНГ, 11, с. 79; *мелок* Пск., СРНГ, 18, с. 102; *островина* Новг., СРНГ, 24, с. 83), словообразовательные средства используются для образования множества детализирующих названий, ср. 'отмель, поросшая водорослями, которую можно пройти в брод' (*бредник* Беломор., СРНГ, 3, с. 171), 'подводная отмель при слиянии двух рек' (*намоина* Пск., Твер., СРНГ, 20, с. 39), 'подводная отмель в месте крутого поворота реки' (*побочень* Казан., Астрах., СРНГ, 27, с. 202), 'ближайшая к берегу подводная отмель' (*изголовь* Пск., СРНГ, 12, с. 119), 'небольшая отмель около берега' (*высыпок* Вят., СРНГ, 6, с. 37) и т. д.

С помощью словообразовательных средств актуализируются, как правило, два признака — локативный (ср. *закосок* 'песчаная отмель, коса, протянувшаяся от берега к середине реки' Перм., Волж., СРНГ, 10, с. 158) и акторный (ср. *намой* 'подводная отмель при слиянии двух рек' СРНГ, без указ. места, 20, с. 39; *пересох* 'отмель в малую воду' Пск., Твер., СРНГ, 26, с. 226).

Наконец, сюда же можно отнести небольшую группу имен, обозначающих остров или полуостров, семантический участок практически закрытый для словообразования (ср. единичные производные *наволок* 'полуостров' Арх., Пск., Калин., Олон., Перм., Краснояр., Урал., СРНГ, 19, с. 179; *плавок* 'остров' Пск., СРНГ, 27, с. 71). Кроме общих названий этих реалий, словообразовательные средства используются иногда при образовании имен, указывающих на местоположение острова (ср. *осередыш* 'остров посередине реки' бас. Оби, Гынгазова, 1992, с. 64) или его частей (ср. *взглавь* 'оконечность острова' Арх., Беломор., Сиб., СРНГ, 4, с. 254; *изголовь* 'конец острова' Енис., Иркут., СРНГ, 12, с. 119; *нижник* 'нижний конец острова' Перм., СРНГ, 21, с. 222; *привершь* 'верхняя часть острова' бас. Оби, Гынгазова, 1992, с. 64), особенности его фор-

мы (ср. *круговина* 'остров круглой формы' бас. Оби, Гынгазова, 1992, с. 64), наличие или отсутствие на нем растительности (ср. *голец* 'остров, лишенный растительности' Перм., СРНГ, 6, с. 292; *зеленец* 'остров, покрытый зеленью' Арх., СРНГ, 11, с. 296). С помощью словообразовательных средств актуализируются чаще всего акторный (ср. *высыпок* 'наносной островок на реке' Вят., СРНГ, 6, с. 37), локативный (ср. *привершье* 'верхняя часть острова' бас. Оби, Гынгазова, 1992, с. 64) и качественно-характеризующий (ср. *голец* 'остров, лишенный растительности' Перм., СРНГ, 6, с. 292) признаки.

Из других гидрологических терминов можно выделить лишь названия **ручья**, среди которых немало производных имен (ср. *водотока* Дон., СРНГ, 4, с. 346; *источина* Олон., Арх., СРНГ, 12, с. 262). В диалектах, в отличие от литературного языка, эти названия детализируются за счет использования словообразовательных средств, обращение к которым наблюдается в тех случаях, когда нужно указать на происхождение ручья (ср. *поточина* 'ручей после дождя' Сев.-Двин., Арх., Новг., СРНГ, 30, с. 299; *верхотина* 'ручей — исток реки' Влад., Костром., Волог., СРНГ, 4, с. 170), местонахождение (ср. *кипун* 'горный ручей' Иркут., СРНГ, 13, с. 217) или его размер (особенно когда это небольшой ручей, ср. *бродняк* 'маленький ручей' Петерб., СРНГ, 3, с. 190; *ключик* 'ручеек' Нижегород., Моск., Ряз., Самар., Перм., Сиб., СРНГ, 13, с. 325) и т. д. В качестве мотивировочных используются в основном два признака — акциональный (ср. *водоходь* 'весенний ручей' Олон., СРНГ, 4, с. 347; *зажор* 'ручей, текущий весной во время таяния снега' Перм., СРНГ, 10, с. 88) или акторный (ср. *копанка* 'небольшой ручей' Эст., СРНГ, 14, с. 283).

Все остальные названия водоемов практически закрыты для словообразования, ср. единичные общие названия **озера** (*вешняк* Симб., СРНГ, 4, с. 226; *побочина* Дон., СРНГ, 27, с. 202) или **пруда** (*лужавина* Пск., СРНГ, 17, с. 181; *озерина* Костром., СРНГ, 23, с. 90). Хотя нельзя не отметить, что и в этой группе имен подключение словообразовательных средств подчиняется той же целевой потребности — необхо-

димости конкретизации названия (ср. *взводень* 'пруд с мельницей' Арх., СРНГ, 4, с. 250; *глушень* 'небольшое озеро с топкими берегами' Пск., СРНГ, 6, с. 218; *озерич* 'степное озеро' Астрах., СРНГ, 23, с. 91) либо количественной оценки (ср. *озерина* 'большое озеро' Арх., Ворон., Новосиб., СРНГ, 23, с. 90; *озеринка* 'небольшое озеро' Тул., Арх., Перм., Урал., Якут., СРНГ, 23, с. 91; *озерка* 'маленькое озеро' Влад., СРНГ, 23, с. 91; *запруденка* 'небольшой пруд' СРНГ без указ. места, 10, с. 361). С помощью словообразовательных средств актуализируются чаще всего качественно-характеризующий (ср. *горчиха* 'озеро с горько-соленой водой' Зап. Сиб., СРНГ, 7, с. 75), акторный (ср. *копань* 'искусственный пруд' Новг., Саратов., СРНГ, 14, с. 284), реляционный с семей 'подобие' (ср. *морцо* 'озеро с соленой водой' Астрах., Касп., Саратов., СРНГ, 18, с. 280) и количественно-оценочный (ср. *озерок* 'небольшое озеро' Новг., Пск., Калинин., Арх., Ворон., Ряз., СРНГ, 23, с. 92) признаки.

Словообразовательные средства используются также и при образовании имен-локализаторов, особенно относящихся к озеру (ср. *обозерщина* Пск., Смолен.; *обозерье* Пск., Смолен., Волог., СРНГ, 22, с. 158; *паозерица*, *паозерье* Новг., СРНГ, 25, с. 203 'место вокруг озера', *заозерка* Тобол.; *заозерница* Свердл., СРНГ, 10, с. 291 'место за озером'; ср. также *заостровок*, *заостровье* 'место за островом' Олон., Новг., СРНГ, 10, с. 294).

Некоторым исключением является название *ключа*, родника, обнаруживающее немалое число производных имен (ср. *водорой* Свердл., СРНГ, 4, с. 346; *исток* Ворон., Пенз., СРНГ, 21, с. 257; *источина* Онеж., СРНГ, 12, с. 262; *источница* Новг., СРНГ, 12, с. 263; *патоцина* Киров., Пск., Перм., СРНГ, 25, с. 273; *студенец* Даль без указ. места, IV, с. 347 'ключ'). С помощью словообразовательных средств происходит конкретизация этих имен: употребление их отмечается в том случае, когда нужно указать на местонахождение ключа (ср. *опарина* 'ключ на дне реки' Том., СРНГ, 23, с. 237) или на его состояние (ср. *бурва* Арх., СРНГ, 3, с. 282; *налед* Сиб., СРНГ, 20, с. 10; *талец* Арх., Сиб., Даль, IV, с. 393 'незамерзающий ключ').

С помощью словообразовательных средств актуализируются в основном три признака — локативный (ср. *верховик* 'родник, пробившийся на поверхность земли' Свердлов., СРНГ, 4, с. 162), акциональный (ср. *водобой* 'ключ на дне реки' Южн. Сиб., СРНГ, 4, с. 340; *водоток* 'родник' Дон., СРНГ, 4, с. 346; Пск., Лекарева, 1994, с. 39; *кипун* 'ключ, родник' Вят., Арх., КАССР, Волог., Новг., Пск., Калинин., Перм., Новосибир., Краснояр., СРНГ, 13, с. 217) и качественно-характеризующий (ср. *живец* 'незамерзающий ключ' Тобол., Том., Краснояр., Енис., Сиб., СРНГ, 9, с. 150).

С названиями водоемов тесно связана небольшая группа производных имен, указывающих на характер водной поверхности, причем, что интересно, не гладкой поверхности, а поверхности с различного рода волнениями (ср. 'волнения без ветра': *колышень* Арх., Олон., Беломор., Сиб., СРНГ, 14, с. 210; *паволна* СРНГ без указ. места, 25, с. 112; или 'мелкая рябь от легкого ветерка': *зыбок* Черномор., СРНГ, 12, с. 32; *рябица*, *рябота* Даль без указ. места, IV, с. 124; *толкун*, *толкунец* Байкал., Даль, IV, с. 411; 'сильное волнение во время бури': *взводень* Арх., Новг., Беломор., Олон., СРНГ, 4, с. 250; *падара* Пск., Арх., Ленингр., Калинин., Мурман., СРНГ, 25, с. 118; *разводень* Волж., Даль, IV, с. 19) и соответственно с волнами (ср. общие названия волны: *взвод* Север., Олон., СРНГ, 4, с. 250; *взводень* Арх., СРНГ, 4, с. 250 и частично характеризующие: *белоголовцы* 'волны с белыми гребешками' СРНГ без указ. места, 2, с. 219; *взводнице* 'высокая волна' Арх., СРНГ, 4, с. 250; *навалье* 'волна, идущая по ветру' Пск., СРНГ, 19, с. 148; *россыпень* 'волны с пенистым белым гребнем' Арх., Даль, IV, с. 51). Во всех этих именах актуализируется, как правило, акциональный (ср. *повальня* 'сильное волнение во время бури' Печор., Арх., СРНГ, 27, с. 219) или качественно-характеризующий признаки (ср. *бельки* 'волны с пенистым белым гребнем' Арх., Олон., СРНГ, 2, с. 236).

В семантической сфере «Водоемы» выделяется еще один номинативный участок, открытый для словообразования, который связан с состоянием водоемов в различное время года, а именно с их замерзанием, вскрытием и разливом.

Словообразовательные средства используются прежде всего для образования имен, обозначающих время замерзания водоемов (ср. *залёдки* 'время первого замерзания рек' Сиб., СРНГ, 10, с. 197; *ледостай* Волог., СРНГ, 16, с. 323; *ледостой* Нижне-Камч., СРНГ, 16, с. 322; *реко-стай*, *рекостав* 'время замерзания рек' Сиб., Даль, IV, с. 122), а также самого замерзания (ср. *заморозник* ЛАРНГ). Что касается названий льда, то в диалектах, как и в литературном языке, оно представлено непроизводным именем, однако при образовании характеризирующих имен наблюдается активное подключение словообразовательных средств. Обращение к словообразовательным средствам происходит, в частности, в тех случаях, когда нужно обозначить не просто лед, а первый тонкий лед (ср. *тонколедье*, *тонколедица* Даль без указ. места, IV, с. 415) или *прибрежный* лед (ср. *заберег* Сиб., Иркут.; *забережек* Новг., Волог., Ленингр., Амур.; *забережина* Перм.; *забережник* Сиб., Урал., Вят., Волог., Костром., Арх., СРНГ, 9, с. 252; *забережье* Пск., Твер., СРНГ, 9, с. 253; *закрай* Пск., Твер., СРНГ, 10, с. 161; *закрайница* Нижегород., Урал., СРНГ, 10, с. 162; *залёдки* Сиб., СРНГ, 10, с. 197; *набережник* Ср. Урал., СРНГ, 19, с. 113; *окраинка* Ряз.; *окрайник*, *окрайница* Ворон., СРНГ, 23, с. 161; *подкраина* Твер., Пск., СРНГ, 28, с. 48), а также незамерзающее место в водоеме, *польню* (ср. *прогалина* Даль без указ. места, III, с. 475; *продуха* Даль без указ. места, III, с. 481; *промоина* Даль без указ. места III, с. 497; *пропарина* Даль без указ. места, III, с. 502; *просочня* Сиб., Даль, III, с. 507; *разводье* Даль без указ. места, IV, с. 19).

Используются они и для образования названий, обозначающих вскрытие, освобождение ото льда реки или озера (ср. *ледокол* Южн. Урал., СРНГ, 16, с. 322; *ледоплав* Арх., Беломор., Север., СРНГ, 16, с. 323; *реколом* Север., Сиб., Даль, IV, с. 22), а также времени, когда начинается ледоход (ср. *залом* 'время вскрытия рек' Пск., СРНГ, 10, с. 218; *ледополье* 'время, когда начинается ледоход' Пск., Твер., СРНГ, 16, с. 323). Здесь появляются уже и названия *льдины* (ср. *глыбина* Арх., СРНГ, 6, с. 22; *ледина* Якут.,

Сахал., Сиб., Беломор., Арх., Волхов., Киров., Горьк., Влад., Моск., Тул., Ряз., Пенз., СРНГ, 16, 321; *ледяника* Ворон.; *ледянка* Нижегород., Яросл., Ряз., Орл., СРНГ, 16, с. 324), кусков льда (ср. *ледень* Сев.-Двин., Сиб., Влад.; *ледыш* Влад., Костром., СРНГ, 16, с. 324; *урывень* Даль без указ. места, IV, с. 509) и их нагромождений (ср. *городки* Волог., СРНГ, 7, с. 61; *запор* Волог., Арх., Якут., СРНГ, 10, с. 344; *наледы* ЛАРНГ).

С помощью словообразовательных средств актуализируются, как правило, следующие признаки:

— акциональный (ср. *выстега* 'первый тонкий лед' Арх., СРНГ, 6, с. 31; *ледолом* 'ледоход' Сиб., Перм., СРНГ, с. 323; *припай* 'прибрежный лед' Арх., Даль, III, с. 431; *рекоплав* 'ледоход' Север., Сиб., Даль, IV, с. 122 'ледоход');

— локативный (ср. *забережник* 'первый тонкий лед' Свердл., СРНГ, 9, с. 253; *окрайка* Тул., Ворон., Астрах., СРНГ, 23, с. 161; *залёда* Сиб., СРНГ, 10, с. 197 'прибрежный лед').

Однако особенно активно они используются при образовании имен, обозначающих разливы водоемов при вскрытии льда, половодье (ср. *водополица* Новг., Яросл., Твер., Костром., Волог., Вят., Перм., СРНГ, 4, с. 345; *водоходь* Олон., СРНГ, 4, с. 347; *вёшница* Арх., Тобол, СРНГ, 4, с. 224; *водоводье* Свердл., СРНГ, 4, с. 341; *залив* Моск., СРНГ, 10, с. 205; *затоп* Моск., СРНГ, 11, с. 99; *распал* Арх., Даль, IV, с. 65). Здесь уже с помощью словообразовательных средств актуализируется значительно больше признаков, свидетельствующих о разном восприятии этого природного явления, а именно:

— темпоральный (ср. *весноводье* Твер., Пск.; *весновка* Иркут., СРНГ, 4, с. 185 'весеннее половодье');

— акциональный (ср. *взводье* 'весенний разлив воды' Вят., ЛАРНГ; *водотопа* Тюмен., СРНГ, 4, с. 346; *подтопель* Пск., Твер., СРНГ, 28, с. 218; *разливень* Даль без указ. места, IV, с. 33 'половодье');

— квантитативный (ср. *большеводье* Пск., Твер., Перм., Свердл., Тобол., СРНГ, 3, с. 88; *многоводье* Иркут., СРНГ, 18, с. 186 'половодье');

— качественно-характеризующий (ср. *быстерь* 'половодье' Арх., СРНГ, 3, с. 349).

Тематически связаны с этой группой имен и названия **наводнений**, возникших вследствие выпадения дождя, паводка (ср. *водево* Ряз., СРНГ, 4, с. 335; *водополь* Вят., Нижегород., Влад, СРНГ, 4, с. 345; *изводь* Пск., СРНГ, 12, с. 109; *наводок* СРНГ без указ. места, 19, с. 173; *паводень* Волог., СРНГ, 25, с. 111; *паводь* Пск., Твер., Костром.; *паводье* Пск., Твер, СРНГ, 25, с. 111). Интересно, что противоположный номинативный участок, связанный с обмелением рек или их пересыханием, практически закрыт для словообразования (ср. единичные производные *маловодье* 'низкая вода в реке' Мурман., СРНГ, 17, с. 332; *низководица* 'малая вода, маловодье' Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 226; *пересох* 'отмель в малую воду' Пск., Твер., СРНГ, 26, с. 226).

Остальные номинативные участки семантической сферы «Земля» (такие, например, как строение земли, полезные ископаемые, минералы, металлы и т. д.) практически закрыты для словообразования. Исключение составляет лишь небольшая группа имен, связанных с обозначением почвы, ее структуры (ср. *глинища* Яросл., СРНГ, 6, с. 110; *наглинок*, Тул., Влад., Брян., СРНГ, 19, с. 198; *красник* Свердл., СРНГ, 15, с. 175 'глинистая почва'; *паглинок* 'суглинок' Орл., СРНГ, 25, с. 114; *желтик* 'песчаная, неплодородная почва' Арх., Новг., СРНГ, 9, с. 111; *песковатка* Ворон., СРНГ, 26, с. 302; *песчаник* Урал.; *песчаница* Калинин.; *песчань* Ворон., СРНГ, 26, с. 325 'песчаная почва'; *галечник* Урал., СРНГ, 6, с. 110; *каменица* Киров.; *каменняг*, *каменьяк* Олон., СРНГ, 13, с. 21 'каменистая почва').

Причем чаще всего при обозначении почвы актуализируется прагматический признак, связанный с обработкой земли. Так, в частности, словообразовательные средства включаются в процесс номинации при необходимости охарактеризовать почву с точки зрения ее плодородности (ср., например, названия чернозема: *золотозём* Центр.-черноз. СРНГ, 11, с. 332; *материк* Tobол., Ср. Урал., Том., Новосиб., Кемер., СРНГ, 18, с. 23; *мякота* ЛАРНГ; *позем* Калинин., Ле-

нингр., СРНГ, 28, с. 331; и малопродуктивной или неплодородной почвы: *белик* Свердл., СРНГ, 2, с. 213; *белодер* Яросл., СРНГ, 2, с. 219; *волкосерина* Перм., СРНГ, 5, с. 42; *золоед* Орл., СРНГ, 11, с. 328; *желтиха* Арх., СРНГ, 9, с. 112; *едун* Север., СРНГ, 8, с. 324), целесообразности ее обработки (ср. *ветошь* Ворон., Пск., СРНГ, 4, с. 198; *непашь* Пенз., Иван., Ворон., СРНГ, 21, с. 108 'истощенная земля, утратившая плодородие'). Отсюда множество производных, обозначающих пахотную и непашотную землю, причем и здесь маркируется прежде всего отрицательный признак (ср. названия непашаной земли: *ветша* Калин., СРНГ, 4, с. 206; *облога* Курск., Орл., Тул., Калуж., Смол., Пск., Моск., СРНГ, 22, с. 105; *обложина* Пск., Смол., СРНГ, 22, с. 106; *непах* Южн. Урал.; *непахоть* Влад.; *непахотина* Свердл.; *непашка* Урал., Горьк.; *непашь* Саратов., Ряз., Горьк., СРНГ, 21, с. 108; *яловина* Даль без указ. места, IV, с. 677; и пашни: *оранина* Сиб., Свердл., СРНГ, 23, с. 327; *ораница* Новг., Олон., Сев.-Двин., Петерб.; *оранка* Новорос., СРНГ, 23, с. 328; *пахань* Смол.; *паханина* Вят., Арх., Переяслав., Ворон., Дон., СРНГ, 25, с. 286; *пахотина* Перм., СРНГ, 25, с. 294; *пашнина* Яросл., Костром., СРНГ, 25, с. 307; *пашурица* Арх., СРНГ, 25, с. 308 'пахотная земля, пашня')¹.

Итак, как видно из приведенного материала, в семантической сфере «Земля» действуют те же закономерности в использовании словообразовательных средств, что и в семантической сфере «Небо и небесные тела»: словообразовательно маркируется, как правило, то, что вовлекается в сферу познавательной и практической деятельности человека, что является для него жизненно важным. Причем на первый план в этом структурировании окружающего пространства выходит гносеологический аспект оценки, т. е. ведущими здесь являются оценки-когнитивы, что касается сенсорных оценок, то они лишь изредка встречаются в названиях воды, дна реки или почвы, ср. оценки, поко-

¹ Более подробно о пахотных земельных угодьях и обработке земли см. далее в разделе «Поле».

ящиеся на зрении (*белик* 'малоплодородная почва' Свердлов., СРНГ, 2, с. 213; *красник* 'глинистая почва' Свердлов., СРНГ, 15, с. 175; *мутница* 'мутная вода в реке, обычно во время половодья' Сев.-Двин., Арх., Белозер., СРНГ, 19, с. 28), осязании (*вязель* 'вязкое дно озера' Калинин., СРНГ, 6, с. 73; *мякота* 'чернозем' ЛАРНГ) и вкусе (*горчица* 'озеро с горько-соленой водой' Зап. Сиб., СРНГ, 7, с. 75; *солоничка* 'река с соленой, горькой водой' Даль без указ. места, IV, с. 268).

Следует также признать, что и здесь маркируются прежде всего ценности отрицательного порядка, хотя негативность оценки часто выражена имплицитно. Думается, что именно этим обстоятельством объясняется обилие производных имен, обозначающих овраги, болота, старицы как места, которое не имеют хозяйственной значимости в жизни человека.

Словообразовательно детерминированная лексика семантической сферы «Земля» дает возможность взглянуть на ландшафт России сквозь призму народного сознания и тем самым проникнуть в глубинную основу традиционных представлений русского народа о своей земле. Целевое использование словообразовательных средств позволяет не только конкретизировать названия тех или иных природных объектов, но и определенным образом их классифицировать, причем эта классификация отличается от соответствующей литературной своей дробностью и детализованностью, ср., например, названия лугов: 'прибрежный луг': *набережье* Арх., Беломор., СРНГ, 25, с. 107; 'сенокосный луг': *лужавина* Костром., СРНГ, 17, с. 181; 'заливной луг': *поливо* Яросл., СРНГ, 29, с. 70; 'низменный луг': *понижье* Костром., СРНГ, 29, с. 260; 'заболоченный луг': *луговина* Пск., Калинин., СРНГ, 17, с. 175; 'небольшой луг около усадьбы': *одворица* Киров., СРНГ, 23, с. 7; 'небольшой луг, переходящий в болото': *подболотица* Яросл., Моск., СРНГ, 27, с. 341; 'скошенный луг': *косьба* Яросл., СРНГ, 15, с. 95 и т. д.).

В этой группе имен, пожалуй, отчетливее всего прослеживается «давление» действительности на язык, кото-

рая стремится запечатлеть в нем свои черты (Арутюнова, 1982, с. 11). Даже не будучи знакомым с географией России, опираясь только на диалектный материал, можно превосходнейшим образом составить представление о ее ландшафте, ибо производная лексика, воссоздавая общепринятый стереотип восприятия поверхности земли, позволяет «прочитывать» природно-географические особенности ландшафта России (ср. устойчивую повторяемость и лексическое многообразие названий равнин, низин, оврагов, болот, рек и т. д.)².

Среди множества признаков, актуализируемых в акте словообразования в этой семантической сфере, ведущими являются три — качественно-характеризующий (ср. *гладца* 'равнина' Арх., СРНГ, 6, с. 180; *жидня* 'болотистое место' Ряз., СРНГ, 9, с. 170; *кругляк* 'овраг' Ворон., Дьякова, 1992, с. 56), локативный (ср. *забока* 'опушка леса' Енис., Краснояр., СРНГ, 9, с. 263; *подозерица* 'заболоченная приозерная равнина' Верх. Поволжье, СРНГ, 28, с. 112; *уречье* 'полоса земли у реки' Пск., Твер., Даль, IV, с. 510) и акторный (ср. *завал* 'овраг' Моск., СРНГ, 9, с. 91; *западь* 'низина' Костром., Вят., СРНГ, 10, с. 298; *поливо* 'заливной луг' Яросл., СРНГ, 29, с. 70), т. е. земля в зеркале производной лексики предстает, с одной стороны, как объект восприятия человеком, а с другой — как объект, испытывающий действие со стороны стихийных природных сил. Интересно в связи с этим отметить, что ни среди основных, ни среди периферийных нет признака, ука-

² Сошлюсь в связи с этим на интересные наблюдения социальных географов, связанные с психологической адаптацией русских переселенцев к природной среде Закавказья. «В новых географических условиях русские поселенцы, сохраняя свой традиционный хозяйственно-культурный комплекс, «прочитывали» окружающие природные ландшафты под углом возможности их использования в земледелии. При этом поселенцы стремились выбирать природные ареалы, не только пригодные для традиционных занятий, но и похожие на традиционные ландшафты, поэтому первоначально они селились на *равнине*, и только засуха и болезни заставили их подняться в горы. Этот культурный стереотип прежней природной среды в качестве своеобразного эталона сохраняется у представителей 6–8 поколений переселенцев» (Лебедева, 1990, с. 104, 107).

зывающего на протяженность географических объектов, для выражения которой используются морфологические, а не словообразовательные средства, и, в частности, категория числа (ср. *луга, болота, равнины*), что также, хотя и косвенно, свидетельствует об аксиологической ориентированности русского словообразования.

Глава третья

Растительный мир

Семантическая сфера «Растительный мир» более открыта для словообразования, чем семантическая сфера «Земля». Это и понятно — большее разнообразие реалий внешнего мира требует более интенсивного использования словообразовательных средств. Нельзя, однако, не отметить, что разные номинативные участки этой гетерогенной многоуровневой системы обнаруживают различия в степени активности их привлечения.

Лес

В семантической сфере «Растительный мир» выделяется прежде всего семантический участок, связанный с общей характеристикой лесных массивов. Хотя общее название леса в русских диалектах представлено, как правило, непроизводным именем, при актуализации тех или иных признаков, классифицирующих или характеризующих (особенно имеющих хозяйственно-важное значение), наблюдается подключение словообразовательных средств. С помощью словообразовательных средств происходит членение семантического пространства «лес», каждый участок которого связан с определенной семьей.

Словообразовательные средства привлекаются прежде всего для образования названий, дающих общую характеристику леса, причем чаще всего с точки зрения преобладающих в нем пород деревьев. В диалектах имеются не

только общие названия лиственного (ср. *дубровник* Север., Ср. Урал., СРНГ, 8, с. 241; *лесовщина* Моск., СРНГ, 17, с. 11; *листва* Арх., Новосиб., СРНГ, 17, с. 63; *листвак* Кемер., СРНГ, 17, с. 64; *листвяжник* Ряз., СРНГ, 17, с. 65; *чернолесье* Даль без указ. места, IV, с. 596), хвойного (ср. *борина* ЛАРНГ; *смольчак* Даль без указ. места, IV, с. 237; *хвойник*, *хвойняк* Север., Зап., Даль, IV, с. 545) или смешанного леса (ср. *бельник* Том., Волог., СРНГ, 2, с. 237; *весельник* Тамб., Щербак, 1995, с. 202; *дубрава*, *разнолесье* ЛАРНГ), но и его видовые названия, в которых с помощью словообразовательных средств актуализируется признак 'порода дерева' (ср. *березник* Твер., Том.; *березовик* Новг.; *березнюг* Пск.; *березовник* Тул., СРНГ, 2, с. 252; *глушинник* Пск., Твер., СРНГ, 6, с. 218 'березовый лес'; *борник* Волог., СРНГ, 3, с. 102; *борняк* Волог., СРНГ, 3, с. 103; *боровина* Новг., СРНГ, 3, с. 104 'сосновый лес'; *дубник* Симб., Нижегород., Пск., Смол., Новг., Вят.; *дубовник* Перм.; *дубня* Пск., Твер.; *дубожок* Пенз., СРНГ, 8, с. 237–239 'дубовый лес'; *елач* Урал., Тюмен., Том., СРНГ, 8, с. 338; *еловец* Яросл.; *еловник* Перм., Том., СРНГ, 8, с. 344; *елина* Свердл., СРНГ, 8, с. 341; *елушник* Твер., СРНГ, 8, с. 350; *ельница*, *елье* Пск., СРНГ, 8, с. 352 'еловый лес'; *елошник* Оренб., Симб., Уфим., Саратов., Казан., Влад., Костром., Волог., СРНГ, 8, с. 348; *елшняк* Уфим., Казан., Влад., Ставроп., СРНГ, 8, с. 351; *елхарь* Казан., СРНГ, 8, с. 350 'ольховый лес'; *кедрак* Краснояр.; *кедрач* Сиб., СРНГ, 13, с. 173; *кедраш* Байкал.; *кедровик* Ср. Приобье, Том., СРНГ, 13, с. 174 'кедровый лес'; *ольшняк* Олон., Новг., Калинин., Моск.; *ольшинник* Пск., Твер., Олон., СРНГ, 23, с. 194 'ольховый лес'; *сосенник* Пск., Твер.; *сосонье* Южн. Даль, IV, с. 278 'сосновый лес' и т. д.).

Словообразовательные средства используются и для указания на:

— величину леса, причем, что особенно интересно, как правило, небольшого леса (ср. *боровинка* Олон., Онеж., СРНГ, 3, с. 105; *гаёк* Латв., СРНГ, 6, с. 93; *лесик* Калинин., Ср. Приобье, Том., Латв., СРНГ, 16, с. 369; *лесичек* Пск. СРНГ, 16, с. 371; *малолесье* Арх., СРНГ, 17, с. 333);

— его густоту, особенно когда необходимо обозначить густой, дремучий, непроходимый лес (ср. *глушник* Тул., СРНГ, 6, с. 219; *густарник* Алт., СРНГ, 7, с. 245; *густень* Урал., СРНГ, 7, с. 246; *гушара* Пск., Новосиб., СРНГ, 7, с. 251; *заглушица* Олон., СРНГ, 10, с. 7; *матерняк* Олон., СРНГ, 18, с. 25; *частик* Арх.; *чащина* Арх., Новг.; *чащура* Калуг., Даль, IV, с. 583), реже редкий лес (ср. *жидняк* СРНГ без указ. места, 9, с. 170; *лесополе* Свердл., Урал.; *лесополица* Ср. Урал., СРНГ, 17, с. 12; *подредье* Перм., СРНГ, 28, с. 156; *поредь* Пск., Твер., СРНГ, 30, с. 54; *редколесье*, *редник*, *редняк* Влад., Даль, IV, с. 120);

— возраст, особенно при обозначении молодого леса (ср. *заросник* Калуж., СРНГ, 11, с. 5; *маляга* Олон., СРНГ, 17, с. 348; *молодежник* Костром., Твер., СРНГ, 18, с. 220; *молоденик* Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 221; *молодизжник* Казан., Куйбыш.; *молодик* Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 223; *молодник* Нижегород.; *молодняг* Новг., СРНГ, 18, с. 225; *подросль* Перм., Свердл., СРНГ, 28, с. 160; *подрость* Перм., СРНГ, 28, с. 162; *поросняга* Петерб.; *поросняк* Олон., Арх., Лит., СРНГ, 30, с. 79), в том числе молодого леса по произрастающим в нем породам деревьев (ср. *дубна* Центр., Зап.; *дубок* Костром., СРНГ, 8, с. 237 'молодой дубовый лес'; *ельняжек* 'молодой еловый лес' Петерб., Олон., СРНГ, 8, с. 353; *подсосёнок* 'молодой сосняк' Зайрале, СРНГ, 28, с. 191), реже старого (ср. *матерняк* Олон., СРНГ, 18, с. 23; *старник* Даль без указ. места, IV, с. 316);

— место произрастания леса (ср. *бережина* 'лес, растущий по берегам рек, озер' Арх., СРНГ, 2, с. 248; *болотовина* 'лес, растущий на болоте' Смол., СРНГ, 3, с. 78; *гривняк* 'лес, растущий на высоком месте' Север., СРНГ, 7, с. 145; *поречник* Забайкал., СРНГ, 30, с. 58; *прибрежник* ЛАРНГ 'лес, растущий по берегам рек').

Однако особенно активно словообразовательные средства включаются в акт номинации при необходимости охарактеризовать лесной массив с точки зрения качества произрастающих в нем деревьев. При этом на первый план выходит когнитивно-прагматический аспект: с по-

мощью словообразовательных средств объективируются, как правило, отрицательные признаки, о чем свидетельствует не только количество и состав производных, но и нередко их отсутствие при обозначении положительного признака. Так, в частности, обращение к словообразовательным средствам наблюдается в том случае, когда необходимо обозначить:

— лес с большой древесиной (ср. *гнилетье* Петерб., СРНГ, 6, с. 245) или высыхающий на корню лес (ср. *жарник*, *жарняк* Олон., СРНГ, 9, с. 81–82; *подстой* СРНГ без указ. места, 28, с. 200; *сухара* Нижн., Костром.; *сушинник*, *суховершник* Нижн., Даль, IV, с. 366), при том что для обозначения здорового, сильного леса используются описательные конструкции (ср. *взводистый лес* Твер., СРНГ, 4, с. 250; *жаровой лес* Арх., Пск., Волог., Костром., Перм., Ср. Урал., Оренб., Tobол., Новосиб., Кемер., СРНГ, 9, с. 83; *жирной лес* Пск., СРНГ, 9, с. 183; *жировой лес* Том., Свердл., Новосиб., Иркут., СРНГ, 9, с. 186; *кондовый лес* Арх., Tobол., Волог., Новосиб., Оренб., СРНГ, 14, с. 247; *спелый лес* ЛАРНГ и т. д.);

— мелкий, малорослый лес (ср. *мелкаш* Арх., СРНГ, 18, с. 98; *мелкотина* Киров.; *мелкотник* Краснояр., СРНГ, 18, с. 101; *мелколесник* Ряз., СРНГ, 18, с. 100; *малоросник* Ср. Урал., СРНГ, 17, с. 337), в том числе видовые названия (ср. *игольник* 'мелкий хвойный лес' СРНГ без указ. места, 12, с. 64), тогда как дериваты, обозначающие хороший лес, с большими, высокими деревьями, являются единичными (ср. *высокоствольник* ЛАРНГ; *крупнолесок* Брян., СРНГ, 15, с. 320; *мачтовник* Горьк., СРНГ, 18, с. 56), поскольку чаще используются описательные конструкции (ср. *корабельный лес*, *рощовый лес*, *спелый лес*, *ствольный лес*, *хрушкой лес* ЛАРНГ и т. д.);

— кривой, нестройной лес (ср. *вилажник* Свердл., СРНГ, 4, с. 280; *коряжник* Самар., Моск., Ряз., Астрах., Новосиб., СРНГ, 15, с. 42; *кривьё* Курск., СРНГ, 15, с. 252; *рассошник* Даль без указ. места, IV, с. 49), ср. также единичные производные для обозначения строевого леса (*лесинник* Пск., Твер., СРНГ, 16, с. 370);

— горелый лес (ср. *выгарок* Свердл., СРНГ, 5, с. 263; *гарник* Ср. Урал., Перм., Свердл., СРНГ, 6, с. 145; *горевина* Арх.; *горелец* Сев.-Двин., Волог.; *горель* Волог., Нижегород.; *горельник* Енис., Перм., СРНГ, 7, с. 31–33; *паленина* Арх., Свердл., Костром., Урал., СРНГ, 25, с. 166; *паллице* Перм., СРНГ, 25, с. 172), в отличие от негорелого, зеленого леса, который словообразовательно практически не маркируется (ср. единичные *зеленец* Курган.; *зеленик* Краснояр., Волог., СРНГ, 11, с. 246–247);

— лес, поваленный бурей, ветром (ср. *буреломник* СРНГ без указ. места, 3, с. 235; *ветровал* СРНГ без указ. места, 4, с. 202; *ветролом* Калуж., Арх., Перм., СРНГ, 4, с. 203; *вываль* Новг., Яросл., СРНГ, 5, с. 252; *выломок* Арх., Волог., Новг., СРНГ, 5, с. 305; *выскидь* Арх., Волог., Новг., Петерб., Урал., СРНГ, 6, с. 20; *залежь* Моск., СРНГ, 10, с. 198; *ломужник* Ряз., СРНГ, 17, с. 125; *повалесье* Моск., СРНГ, 27, с. 216), при отсутствии производных с противоположным признаком.

Думается, что актуализация с помощью словообразовательных средств отрицательных признаков в названиях леса связана с преобладанием прагматических принципов в системе номинации имен, принадлежащих к этому семантическому блоку, поскольку, по сути дела, все эти названия указывают на непригодность использования такого леса в хозяйстве крестьянина: именно с этим обстоятельством связано, как представляется, преимущественное маркирование молодого (а не старого) леса как леса, не имеющего хозяйственной ценности, в частности, непригодного для строительства домов, мостов, лодок и т. д. Об этой аксиологической ориентированности словообразования свидетельствует и существование значительного круга производных имен, в которых с помощью словообразовательных средств объективируется функциональный признак в названиях леса (ср. *древняк* Моск., СРНГ, 8, с. 180; *дровяница* Моск., СРНГ, 8, с. 194 'нестройной лес, идущий на дрова'; *жегольник* 'лес, идущий на дрова' Волж., СРНГ, 9, с. 99; *жерденик* Волог., Перм.; *жердовник* Свердл., Ср. Урал., СРНГ, 9, с. 131–132 'молодой, тонкий лес, иду-

щий на жерди'; *избняк* 'лес, идущий на строительство домов' ЛАРНГ; *кровельник, кровленик* 'лес, идущий на постройку крыш' Твер., Пск., СРНГ, 15, с. 267; *мостовняк* Моск.; *мостовильник* Урал.; *мостовинник* Свердл., СРНГ, 18, с. 291–293 'лес, употребляемый на настил моста'; *полозняк* 'лес, годный для полозьев' Забайкал., СРНГ, 29, с. 106). Таким образом, наряду с онтологическим планом, связанным с отражением действительных свойств реалий внешнего мира, словообразование в этой семантической сфере активно «работает» в аксиологическом плане, подключаясь для обозначения не только когнитивного, но и прагматического элемента.

С помощью словообразовательных средств в этой тематической группе имен актуализируются следующие признаки:

— качественно-характеризующий (ср. *весельник* 'молодой березовый лес' Пск., СРНГ, 4, с. 182; *густель* 'густой, непроходимый лес' Пенз., Урал., СРНГ, 7, с. 246; *кривульник* 'кривой, нестройной лес' СРНГ без указ. места, 15, с. 250; *краснолесье* 'сосновый лес' Зап., Урал., СРНГ, 15, с. 183; *лиственник* 'лиственный лес' Урал., Киров., Том., СРНГ, 17, с. 64; *мелкач* 'мелкий малорослый лес' Олон., Алт., СРНГ, 18, с. 98; *сырник* 'лес, растущий на сыром месте' Ср. Урал., ЛАРНГ); среди этих имен множество аксиологически ориентированных, в которых объективируется оппозиция *положительный* ~ *отрицательный* с актуализацией чаще всего второго члена этой оппозиции (ср. *дробнолес* 'малорослый, нестройной лес' Курск., СРНГ, 8, с. 188; *суховершник* 'высыхающий на корню лес' Нижн., Даль, IV, с. 366);

— акторный, объективирующий сему 'результат действия' (ср. *ветробой* Сев.-Двин., СРНГ, 4, с. 202; *вихроломье* Пск., СРНГ, 4, с. 307; *вывал* Свердл., СРНГ, 5, с. 251 'лес, поваленный бурей, ветром'; *пальник* 'горелый лес' Свердл., Енис., Краснояр., Арх., Перм., СРНГ, 25, с. 180);

— акциональный (ср. *подростель* 'мелкий, малорослый лес' Перм., Свердл., СРНГ, 28, с. 161; *росляг* 'молодой лес' Даль без указ. места, IV, с. 76);

— локативный с семой 'место произрастания леса' (ср. *бережина* 'лес, растущий по берегам рек, озер' Арх., СРНГ, 2, с. 248; *болотовина* 'лес, растущий на болоте' Смол., СРНГ, 3, с. 78; *гривняк* 'лес, растущий на высоком месте' Север., СРНГ, 7, с. 145; *побережник* 'береговой лес' Арх., СРНГ, 27, с. 193);

— темпоральный, объективирующий сему 'возраст' леса (ср. *молодник* Нижегород.; *молодняк* Новг., СРНГ, 18, с. 225 'молодой лес'; *старник* 'старый лес' Даль без указ. места, IV, с. 316);

— функциональный, указывающий на назначение леса (ср. *дровяник* 'лес, идущий на дрова' Пск., Твер., Моск., Калуж., Арх., Перм., Свердл., СРНГ, 8, с. 194; *жердник* 'молодой, тонкий лес, идущий на жерди' Костром., Вят., Краснояр., СРНГ, 9, с. 132; *избняк* 'лес, идущий на строительство домов' ЛАРНГ; *мостовняк* 'лес, употребляемый на настил моста' Новг., СРНГ, 18, с. 293; *оглобельник* 'лес, годный для изготовления оглоблей' Алт., Зап. Сиб., Горьк., СРНГ, 22, с. 317; *палочник* 'молодой лес, идущий на палки' Волог., Киров., Моск., СРНГ, 25, с. 175; *поленник* 'лес, идущий на дрова' Волог., Арх., Свердл., СРНГ, 29, с. 57);

— реляционный с объективацией семы 'пространственная смежность' (ср. *груздовник* 'лес, в котором много груздей' Пск., СРНГ, 7, с. 165; *груздище* 'лес, в котором растут груздья' Орл., СРНГ, 7, с. 165; *обабочник* 'березняк, в котором растут грибы' Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 341), а также семы 'подобие' (ср. *осколок* 'небольшой лесок' Урал., СРНГ, 24, с. 13);

— количественный, маркирующий сему 'величина леса' (ср. *лесинка* 'небольшой лес' Арх., Перм., Свердл., Кемер., Краснояр., Камч., СРНГ, 16, с. 371; *лесище* 'большой лес' ЛАРНГ), а также 'нерасчлененное множество' (ср. *березье* 'березняк' Яросл., Смол., Ленингр., Новг., СРНГ, 2, с. 254; *дубье* 'дубняк' Арх., Новг., Казан., Тул., Курск., Твер., Калуж., Олон., СРНГ, 8, с. 242).

Деревья

Другой, не менее расчлененный семантический участок номинативной сферы «Лес», — названия дерева и его частей. Здесь отчетливо выделяются две группы имен: одна (довольно обширная) связана с обозначением растущего дерева, другая (менее значительная) — с обозначением срубленного или спиленного дерева.

В первой группе имен, обозначающих растущее дерево (ср. *деревесина* Новг., СРНГ, 8, с. 11; *древесина* Моск., СРНГ, 8, с. 179; *рощина* Север., Даль, IV, с. 77), словообразовательные средства используются прежде всего для характеристики дерева. Они участвуют в образовании имен, указывающих на:

— величину дерева, особенно большого, толстого дерева (ср. *деревина* Арх., СРНГ, 8, с. 12; *деревьё* Урал.; *деревужина* Арх., СРНГ, 8, с. 15), реже небольшого, тонкого деревца (ср. *деревко* Вят., Арх., Новг., СРНГ, 8, с. 12; *древечко* Орл., СРНГ, 8, с. 179);

— его качество, причем здесь так же, как и в названиях лесных массивов, объективируются прежде всего отрицательные признаки дерева, особенно те, которые указывают на его повреждения (ср. *буреломник* Урал., СРНГ, 3, с. 285; *ветроломина* Пск., СРНГ, 4, с. 204 'сломанное бурей, ветром дерево'; *дупляк* СРНГ без указ. места, 8, с. 261; *дуплянка* Север., Курск.; *дуплятка* Курск., СРНГ, 8, с. 261–262 'дуплистое дерево'), болезни (ср. *гнилина* Пск., Смол., Краснояр.; *гниловка* Свердл., СРНГ, 6, с. 245 'гнилое дерево'; *дряблина* 'загнивающее дерево' Волог., СРНГ, 8, с. 225; *засушина* Ленингр., СРНГ, 11, с. 77; *подсохлина* Арх., СРНГ, 28, с. 192; *подсушник* Новосиб., СРНГ, 28, с. 208 'засохшее дерево'; *суховина* Пск., Твер.; *сухара* Нижн., Костром., Даль, IV, с. 366 'сухое дерево на корню'), а также на какие-либо отклонения в его стволе (ср. *вилага* Свердл., СРНГ, 4, с. 280; *виляха* Свердл., СРНГ, 4, с. 285; *рассошка* Даль без указ. места, IV, с. 49 'развиллистое дерево'; *кривуля* 'кривое дерево' Перм., Волог., Арх., Пск., Смол., СРНГ, 15, с. 250).

Названия частей растущего дерева — более закрытая для словообразования группа, поскольку эти названия являются скорее классифицирующими, нежели характеризующими. Производная лексика практически отсутствует в обозначениях ствола (ср. единичное *дрягил* Влад., СРНГ, 8, с. 227), коры (ср. *коржула* Влад., Саратов., СРНГ, 14, с. 230; *корешник* Калинин., СРНГ, 14, с. 327), листа¹, хвои (ср. единичные *игольник* Иван., СРНГ, 12, с. 64; *колюшки* Тамб., СРНГ, 14, с. 220), шишки (ср. единичные *боровка* 'шишка' Тамб., СРНГ, 3, с. 105; *еловик* 'молодая еловая шишка' Вят., СРНГ, 8, с. 344). Однако словообразовательные средства вовлекаются в процесс номинации, когда актуализируется сема 'верх ~ низ', т. е. они появляются в названиях, обозначающих верхушку дерева (ср. *верховец* Брян., СРНГ, 4, с. 162; *верхуша* Орл., Курск., СРНГ, 4, с. 171; *маковка* Ряз., Оренб., Саратов., Влад., Вят., СРНГ, 17, с. 312; *плетка* Краснояр., СРНГ, 27, с. 127), его корень (ср. *корешница* Арх., СРНГ, 14, с. 327; *окоренок* Южн., СРНГ, 23, с. 153), а также ветки (ср. *ветица* Ярослав., СРНГ, 4, с. 193; *ветье* Олон., СРНГ, 14, с. 207; *голина* Южн., Зап., СРНГ, 6, с. 294; *голька* Курск., Южн., Зап., СРНГ, 6, с. 348; *росль* ЛАРНГ), почки (ср. *липок* Влад., СРНГ, 17, с. 57; *пупыш* Даль без указ. места, III, с. 539; *распукалка* Даль без указ. места, IV, с. 72), сучья (ср. *заростель* Арх., СРНГ, 11, с. 5; *отвиллина* Краснояр., СРНГ, 24, с. 137), шипы и колючки (ср. *колюха* КАССР, СРНГ, 14, с. 218; *пикулина* Калинин., СРНГ, 27, с. 25).

Словообразовательные средства привлекаются также при необходимости указать на величину ствола (ср. *стволина*, *стволице* 'большой ствол', Азарх, 1993) или ветки (ср. *ветвяк* Арх., СРНГ, 4, с. 191; *ветвище* 'большая ветка', Азарх, 1993), на место разветвления ствола (ср. *рассоха* Даль без указ. места, IV, с. 49), на часть ствола без сучь-

¹ Попутно отметим интересную особенность зафиксированную в орловских говорах, где отмечается дифференциация листьев деревьев (*листицы*) и листья травы (*лепестки*) — ЛАРНГ.

ев (ср. *голомье* Новг., СРНГ, 6, с. 320), на расположение ветви (ср. *вершинье* 'верхняя ветвь' Ленингр., Перм., СРНГ, 4, с. 173; *паветвь* Олон., Курск.; *паветь* Олон., СРНГ, 25, с. 108 'побочная ветвь'; *подленок* 'нижняя ветвь' Моск., СРНГ, 28, с. 62), ее возраст (ср. *живец* Южн., СРНГ, 9, с. 150; *погонок* Курск., Южн., СРНГ, 27, с. 305 'молодая ветвь'), даже на принадлежность ветви дереву определенной породы (ср. *дубняк* 'дубовая ветка' Влад., СРНГ, 8, с. 238). Следует отметить, что признак принадлежности вообще является чрезвычайно важным актуализатором словообразовательных средств в этой группе имен, ср., например, названия коры или листьев дерева определенной породы (ср. *березчина* Самар.; *бересня* Калин.; *берестина* Том., СРНГ, 2, с. 254–256 'березовая кора, береста'; *дубняк* 'дубовые листья' Моск., СРНГ, 8, с. 238; *дубовина* 'дубовая кора' Пск., СРНГ, 8, с. 258; *липник* Свердл., СРНГ, 17, с. 56; *липча* Пск., СРНГ, 17, с. 60 'липовая кора') или названия сока (ср. *березица* Казан; *березовик* Смол., Пск.; *березовка* Сиб., Вят., Перм., СРНГ, 2, с. 251–252 'березовый сок'; *кленовика* Курск., Ворон.; *кленовица* Влад., СРНГ, 13, с. 277 'кленовый сок').

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— качественно-характеризующий (ср. *боровка* 'шишка' Тамб., СРНГ, 3, с. 105; *вешняг* 'хвойная ветка' Твер., СРНГ, 4, с. 225; *гладыш* 'березовая ветка с гладким листом' Олон., СРНГ, 6, с. 182; *гнилуга* 'гнилое дерево' Влад., СРНГ, 6, с. 246; *голомень* 'часть ствола без сучьев' Сев.-Вост., СРНГ, 6, с. 319; *живец* 'молодая ветвь' Южн., СРНГ, 9, с. 150; *кривяк* 'кривое дерево' Калин., СРНГ, 15, с. 252);

— акторный (ср. *берика* 'березовый сок' Пск., СРНГ, 2, с. 259; *вихроломина* 'сломанное бурей, ветром дерево' Пск., СРНГ, 4, с. 307; *вылом* 'вырванное с корнем дерево' Вят., СРНГ, 5, с. 305);

— акциональный (ср. *вилуха* 'развилистое дерево' Свердл., СРНГ, 4, с. 283; *заростель* 'сучья дерева' Арх.,

СРНГ, 11, с. 5; *липок* 'почка' Влад., СРНГ, 17, с. 57; *погонок* 'молодая ветвь' Курск., Южн., СРНГ, 27, с. 305);

— реляционный с объективацией семы 'принадлежность' (ср. *березосица* 'березовый сок' Яросл., Волог., Вят., Перм., Ср. Урал., Новг., Костром., СРНГ, 2, с. 251–252; *дубняк* 'дубовая ветка' Влад., СРНГ, 8, с. 238; *дубовник* 'дубовые листья' Пск., Твер., СРНГ, 8, с. 238; *ивина* 'кора ивы' Яросл., СРНГ, 12, с. 59; *кленовик* 'кленовый сок' Смол., Зап., Брян., СРНГ, 13, с. 277);

— локативный (ср. *верховец* Брян., СРНГ, 4, с. 162; *верховка* Челяб., СРНГ, 4, с. 164 'верхушка дерева'; *окоренок* 'корень' Южн., СРНГ, 23, с. 153);

— квантитативный с семами 'величина' (ср. *ветвяк* 'большая толстая ветка' Арх., СРНГ, 4, с. 191; *деревлѣ* 'большое дерево' Урал., СРНГ, 8, с. 13), 'нерасчлененное множество' (ср. *ветва* Арх., СРНГ, 4, с. 190; *ветье* Калуж., Арх., Пск., Волог., Казан., СРНГ, 4, с. 207 собир. 'совокупность веток'; *деревье* собир. 'деревья' Арх., Брян., Орл., Тул., Вят., Яросл., СРНГ, 8, с. 15; *лесняк* Том., СРНГ, 17, с. 9; *лесовѣ* Казан., Смол., СРНГ, 17, с. 11; *лесье* Новг., СРНГ, 17, с. 15 'совокупность растущих лесных деревьев'; *листарь* Краснояр., СРНГ, 17, с. 63; *листовѣ* Ленингр., Арх., СРНГ, 17, с. 67; *листье* Петерб., Арх., Новг., Перм., СРНГ, 17, с. 69 собир. 'совокупность листьев растущего дерева') или 'единичность' (ср. *деревинина* Пск., Твер.; *деревина* Твер., Пск., Свердл., Самар., Новг., Печор., Сиб., СРНГ, 8, с. 12; *лесина* Хабар., Амур., Камч., Свердл., Урал., Перм., Киров., Моск., Твер., Волог., Новг., Пск., Арх., Сев.-Двин., Олон., Беломор., СРНГ, 16, с. 370; *леснина* Моск., СРНГ, 16, с. 373 'одно отдельное лесное дерево').

Во второй группе имен, обозначающих срубленное дерево (*валежина* Арх., Том., Кемер., СРНГ, 4, с. 22; *валеница* Ленингр., СРНГ, 4, с. 24), словообразовательные средства используются главным образом для объективации прагматических признаков, связанных с использованием дерева в хозяйстве. Подключение словообразовательных средств происходит прежде всего при образовании

характеризующих названий, когда необходимо актуализировать сему 'порода дерева' (ср., например, названия бревен: *елшник* 'еловое бревно' Вят., СРНГ, 8, с. 351; *ольшина* 'ольховое бревно' Курск., СРНГ, 23, с. 194; палки или дубины из дерева определенной породы: *березина* 'березовая палка' Перм., Олон., СРНГ, 2, с. 251; *еловинка* 'еловая палка' ЛАРНГ; дров: *березовьё* 'березовые дрова' Волог., СРНГ, 2, с. 254; *еловник* 'еловые дрова' Перм., СРНГ, 4, с. 344; *елшняк* Казан., СРНГ, 8, с. 351; *олешье* Новг., Пск., СРНГ, 23, с. 187; 'ольховые дрова'; *осинина* 'осиновые дрова' Смол., СРНГ, 24, с. 7; и даже хвороста из дерева определенной породы²: *березуга* 'березовый хворост' Костром., СРНГ, 2, с. 254; *ёлочь* 'хворост, еловые сучья' Новг., СРНГ, 8, с. 348), признак, который, как известно, имеет немаловажное значение при строительстве дома или его отоплении. Косвенным подтверждением прагматической направленности словообразования в этой группе имен является активное использование словообразовательных средств в названиях дров, в которых актуализируются самые различные качественно-характеризующие признаки (ср. *долготьё* Перм., Свердл., СРНГ, 8, с. 108; *должец* Пск., СРНГ, 8, с. 110 'длинные дрова'; *коротье* 'короткие дрова' Перм., Вят., Ленингр., Влад., СРНГ, 14, с. 371; *кряжьё* 'нарубленные, но неколотые дрова' Том., СРНГ, 15, с. 365; *смольняк* Сев.-Вост.; *смолина* Север., Даль, IV, с. 236 'смолистые дрова'; *сушьё* 'сухие дрова' Даль без указ места, IV, с. 367; *сырник* 'сырые дрова' Перм., Даль, IV, с. 376 и т. д).

² Интересно, что среди этих имен практически отсутствуют производные со значением 'древесина дерева определенной породы' (ср. единичное *дубовка* ЛАРНГ), широко представленные в словенском, сербскохорватском и македонском языках, причем не только в диалектах, но и в литературном языке (ср. слв. *lipovina, orehovina, smrekovina*; сх. *брезовина, брестовина, ораховина*; мак. *дабовина, боровина, дренавина*), хотя при образовании названий, обозначающих молодой слой древесины словообразовательные средства используются довольно активно (ср. *болонь* Южн. Сиб., Перм., Арх., Волог., Свердл., Смол., Олон., СРНГ, 3, с. 78; *заболонок* Яросл., СРНГ, 9, с. 265; *оболонка* Пск., СРНГ, 22, с. 167).

Что касается названий различных частей срубленного дерева, то при их образовании словообразовательные средства используются вяло, ср. единичные дериваты, обозначающие бревно (ср. *деревина* Новг., Перм., Свердл., Пск., Арх., Влад., Новосиб., Том., СРНГ, 8, с. 12; *деревяга* Том., СРНГ, 8, с. 15) или древесину (ср. *деревле* Урал., СРНГ, 8, с. 13; *древесна* Пск., СРНГ, 8, с. 179). Исключением являются лишь названия пня (ср. *бабинец* ЛАРНГ; *горбыль* Барнаул., СРНГ, 7, с. 25; *опёнок* Волог., Киров., Арх., СРНГ, 23, с. 249; *опил* Свердл., СРНГ, 23, с. 257), а также щепок (ср. *древочка* Ряз., Калуж., Курск., СРНГ, 8, с. 181; *древесинка* СРНГ без указ. места, 8, с. 17; *оскепок* Брян., Южн., Пск., Смол., СРНГ, 24, с. 12; *отщепина* Прикамье; *осколепок* Олон., СРНГ, 24, с. 11 < *осколять* 'обтесывать'; *отяпок* Пск., Твер., Арх., Брян., СРНГ, 24, с. 19), отличающиеся некоторым разнообразием производных имен.

В этой группе имен словообразовательно маркируется значительно меньшее число признаков, среди которых выделяются:

— качественно-характеризующий (ср. *должьё* 'длинные дрова' Пск., Новг., Влад., СРНГ, 8, с. 111; *кряжевик* 'нарубленные, но неколотые дрова' Енис., СРНГ, 15, с. 363; *смоленина* 'смолистые дрова' Сев.-Вост., Даль, IV, с. 236; *сушняк* 'сухие дрова' Даль без указ. места, IV, с. 367);

— акторный (ср. *опил* 'пень' Свердл., СРНГ, 23, с. 257; *оскалеш* 'щепка' Арх., СРНГ, 24, с. 11; *отщепок* 'щепка' Ряз., СРНГ, 25, с. 12; *порубень* 'срубленное дерево' Забайкал., СРНГ, 30, с. 102);

— реляционный с семами 'принадлежность' (ср. *березина* 'ствол березы' Якут., СРНГ, 2, с. 251; *березуга* 'березовый хворост' Костром., СРНГ, 2, с. 254; *ельняг* 'еловые колья' Волог., СРНГ, 8, с. 353; *ольховик* 'ольховые дрова' Новг., СРНГ, 23, с. 193) и 'подобие' (ср. *горбыль* 'пень' Барнаул., СРНГ, 7, с. 25);

— количественный с семами 'совокупное множество' (ср. *бревеньё* собир. 'бревна' ЛАРНГ; *дровинье* собир. 'дрова' Арх., СРНГ, 8, с. 191; *пенёвье* собир. 'пни' Смол., СРНГ, 25, с. 338) или 'единичность' (*дровина* Пск., Твер.,

Калуж., Арх., Том., Кемер.; *дровинина* Твер., Пск., Калуж., Том., СРНГ, 8, с. 190 'одно полено дров').

Совершенно иная картина вырисовывается при обращении к названиям конкретных деревьев. Этот номинативный участок семантического пространства «Лес» практически закрыт для словообразования: большинство названий пород деревьев, составляющих принадлежность русского леса является непроизводными с синхронной точки зрения образованиями (ср. *береза, ель, дуб, сосна, вяз, ива, осина* и др.). Встречающиеся в диалектах производные от этих наименований с тем же значением (типа *березина* 'береза' Новг., Пск., Ленингр., Олон., Перм., СРНГ, 2, с. 251; *вербава* 'верба' Ленингр., СРНГ, 4, с. 120; *вязина* 'вяз' СРНГ без указ. места, 6, с. 74; *елица* 'ель' Волог., СРНГ, 8, с. 342; *кленовина* 'клен' Вят., Твер., СРНГ, 13, с. 277; *липовица* 'липа' Ср. Урал., СРНГ, 17, с. 57; *ольшина* 'ольха' Новг., Пск., Олон., Арх., Твер., Моск., СРНГ, 23, с. 193 и др.) являются, по сути дела, субстанциальными образованиями, имеющими лишь идентифицирующее значение и нулевую мотивационную маркированность, поскольку так же, как и их мотивирующие, они «скрывают» свою внутреннюю форму. Появление их в языке во многом объясняется давлением языковой системы, а именно существующей в диалектах тенденцией к мотивированности слова: по этой модели — производная основа родового названия дерева + аффиксальный расширитель — образуются производные семантически тождественные их мотивирующим. Лишь иногда (нередко в качестве синонимического дублета к общерусским названиям) встречаются дериваты, обозначающие то или иное дерево (ср. *дрожница* 'осина' Дон., СРНГ, 8, с. 197; *глоти́ха* 'черемуха' Яросл., Курск., Тамб., Твер., Влад., СРНГ, 6, с. 202; *плакунья* 'ива' Нижегород., Климкова, 1992, с. 82; *повитель* 'береза' ЛАРНГ).

Ситуация, однако, меняется, когда необходимо обозначить:

— вид того или иного дерева (ср. *белолістка* 'тополь серебристый' Том., СРНГ, 2, с. 221; *беловник* Арх., СРНГ, 2, с. 220; *белотальник* Тобол., СРНГ, 2, с. 224 'род мелкой ивы'; *ветлак* Ряз.; *ветлина* Смол., СРНГ, 4, с. 194

'ива белая *Salix L.*'; *глушина* 'береза бородавчатая *Betula verrucosa Ehrh*' Пск., Олон., Смол., Волог., СРНГ, 6, с. 218);

— место его произрастания (ср. *борина* СРНГ без указ. места, 3, с. 99; *боровуша* Смол., СРНГ, 3, с. 108 'сосна, растущая в бору');

— возраст (ср. *дубец* Калуж., Смол., Уфим., Оренб., СРНГ, 8, с. 234; *дубчик* Уфим., Волог., Тул., Тамб., Смол., Терск.; *дубчечек* Новг., СРНГ, 8, с. 242 'молодой дубок'; *елшина* 'молодая ель' Волог., СРНГ, 8, с. 350);

— функциональное использование (ср. *мочальник* 'мелколистная липа, кора которой идет на изготовление мочал' Вят., Симб., Свердл., СРНГ, 18, с. 316; *корзиночник* 'ива прутьевидная, которая используется для изготовления корзин' Южн., СРНГ, 4, с. 331).

Сходная картина наблюдается и в названиях кустарников. В классифицирующих названиях кустарников словообразовательные средства используются довольно вяло (ср. единичные дериваты в этой группе имен: *еленец* 'можжевельник' Смол., СРНГ, 8, с. 340; *ореховник* 'орешник' Ленингр., СРНГ, 23, с. 337; *шипняк* Арх., Влад., Сиб.; *шипца* Перм., Сиб., Даль, IV, с. 633 'шиповник'). Однако в характеризующих названиях, когда необходимо указать на величину кустарника, особенно низкорослого (ср. *мелкотняк* 'мелкий, низкорослый кустарник' Краснояр., СРНГ, 18, с. 101; *прутняк* 'мелкий ивняк' Сиб., Даль, III, с. 529) или на его заросли (ср. *кустовняк* Пск., Новг.; *кустовье* Новг., Арх., Мурман., Олон.; *кустьё* Новг., Арх., СРНГ, 16, с. 162–163), они подключаются довольно активно.

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *белолистка* 'тополь серебристый' Том., СРНГ, 2, с. 221; *глушняк* 'береза бородавчатая *Betula verrucosa Ehrh*' Арх., СРНГ, 6, с. 220; *еловец* 'можжевельник' СРНГ без указ. места, 8, с. 344; *коринник* 'ива, кора которой используется для дубления кож' Моск., СРНГ, 14, с. 332; *лиственка* 'лиственница' Урал., Приобье, Том., Онеж., Арх., СРНГ,

17, с. 64; *мелкотняк* 'мелкий, низкорослый кустарник' Краснояр., СРНГ, 18, с. 101);

— акциональный (ср. *дрожница* 'осина' Дон., СРНГ, 8, с. 197; *засади́ха* 'дикая вишня' Смол., СРНГ, 11, с. 18; *плакунья* 'ива' Нижегород., Климкова, 1992, с. 82);

— функциональный (ср. *мочальник* 'мелколистная липа, кора которой идет на изготовление мочал' Вят., Симб., Свердл., СРНГ, 18, с. 316; *корзиночник* 'ива прутьевидная, которая используется для изготовления корзин' Южн., СРНГ, 4, с. 331);

— локативный (ср. *лесовуха* 'лесная яблоня' Моск., СРНГ, 17, с. 11; *борина* СРНГ без указ. места, 3, с. 99; *боровуша* Смол., СРНГ, 3, с. 108 'сосна, растущая в бору');

— квантитативный, с актуализацией сем 'нерасчлененное множество' (ср. *березье* 'березняк' Яросл., Смол., Ленингр., Новг., СРНГ, 2, с. 252; *бредовина* 'ивняк' Новг., СРНГ, с. 172 < бред 'ива'; *глушинник* 'березняк' Пск., Твер., СРНГ, 6, с. 218; *дубнюг* 'дубняк' Пск., СРНГ, 8, с. 238; *елье* 'ельник' Пск., СРНГ, 8, с. 352; *ольшняк* 'ольховник' Олон., Новг., Калинин., Моск., СРНГ, 23, с. 194), 'единичность' (ср. *бреди́нина* 'одно дерево бредины, ивы' Пск., Твер., СРНГ, 3, с. 170; *глуши́нина* 'одно дерево глушины, березы' Твер., Пск., СРНГ, 6, с. 218; *ели́на* 'одно еловое дерево' Орл., Смол., Саратов., Дон., Перм., Свердл., Сиб., Пск., СРНГ, 8, с. 341; *ивка* 'одно дерево ивы' Пск., Твер., СРНГ, 12, с. 59; *ольховина* 'одно дерево ольхи' Перм., Иркут., СРНГ, 23, с. 193) и 'величина' (ср. *березина* 'большая береза' Вят., СРНГ, 2, с. 251; *дубя́ка* 'большой дуб' Ворон., СРНГ, 8, с. 242; *дубчик* Уфим., Волог., Тул., Тамб., Смол., Терск.; *дубчечек* Новг., СРНГ, 8, с. 242 'молодой дубок')³.

³ Конечно, такая картина наблюдается далеко не во всех русских говорах. Отсутствие леса ведет, как правило, к нерасчлененному восприятию деревьев. Сошлюсь, в частности, на интересное наблюдение А. Д. Черенковой, которая отмечает, что в тех воронежских говорах, где леса отсутствуют вообще или же имеются лишь искусственные насаждения в лесополосах, а также около водоемов, «носители говоров употребляют для названий тополя, ивы, клена, ясеня и др. деревьев одно слово — *вятло*» (Черенкова, 1995, с. 102).

Травы и цветы

Иную картину дают названия трав и цветов. Здесь словообразовательные средства используются особенно активно. Семантическая структура этого вида фитонимов носит ярко выраженный антропоцентрический характер, в связи с чем среди этих имен преобладают характеризующие названия. С помощью словообразовательных средств актуализируются те признаки и свойства растений, которые отражают практическое и культурно-мифологическое освоение человеком мира природы, поэтому здесь более четко выражен аксиологический характер словообразования: аксиологически нейтральная зона на этом семантическом участке сужается, уступая место аффективным, когнитивным, прагматическим, утилитарным и др. видам оценок, репрезентирующих чувственный опыт человека, его практическую деятельность и повседневные жизненные интересы. Этим, по-видимому, объясняется то обстоятельство, что семантическое пространство «Луговые и лесные травы и цветы» отличается высокой степенью расчлененности. И хотя общее название травы в диалектах в большинстве случаев представлено непроемким именем (ср. единичные *былинник* Киров., Ярослав., СРНГ, 3, с. 344; *быльё* Пск., Смол., СРНГ, 3, с. 346; *зелье* Орл., Курск., СРНГ, 11, с. 253), однако при образовании характеризующих названий, когда необходимо конкретизировать или детализировать название той или иной травы, происходит активное подключение словообразовательных средств.

Так, в частности, обращение к словообразовательным средствам наблюдается, когда необходимо сообщить:

— об окраске цветов или листьев травы (ср. *белик* 'частуха *Alisma plantagoagnaticum* L.' Тамб., СРНГ, 2, с. 212; *белоголовец* 'пушица *Eriophorum* L.' Нижегород., СРНГ, 2, с. 217; *белолистка* 'белокрыльник болотный *Calla palustris* L.' Свердлов., Челябин., СРНГ, 2, с. 221; *белоцветка* 'ромашка' Перм., Свердлов., СРНГ, 2, с. 226; *голубоцветник* 'василек' Ворон., СРНГ, 6, с. 341; *желтоголовник* 'купальница *Trollus europaeus* L.' Курск., СРНГ, 9, с. 112; *жел-*

тушка 'ястребинка Hieracium Vill.' Волог., СРНГ, 9, с. 114; *зеленик* 'пролеска многолетняя Mercurialis perennis L.' Вят., СРНГ, 11, с. 247; *зелок* 'молодая ярко-зеленая трава' Ярослав., Волог., СРНГ, 11, с. 253; *золотень* 'василистник желтый Thalictrum flavum L.' Твер., СРНГ, 11, с. 329; *золотолистник* 'селезеночник Chrysosplenium alternifolium L.' Ворон., СРНГ, 11, с. 334; *красноцвет* 'синяк красный, бабьи румяны Echinium rubrum L.' Екатеринослав., СРНГ, 15, с. 186; *краснобыльник* 'кипрейник, иван-чай Chamaenerium Adans' Волог., Сев.-Двин., СРНГ, 15, с. 180; *чернобыльник* 'вид полыни Artemisia vulgaris L.' Даль без указ. места, IV, с. 595);

— о форме листьев или цветка (ср. *звездочка* 'звездчатка злчаная Stellaria graminea L.' Арх., СРНГ, 11, с. 212; *игольник* 'гвоздика травянка Dianthus deltoides L.' Петерб., Волог., Твер., Калуж., СРНГ, 12, с. 64; *колоколец* 'колокольчик' Нижегород., СРНГ, 14, с. 164; *кубышечник* 'кубышка желтая Nuphar luteum L.' Твер., СРНГ, 15, с. 386; *кувшинник* 'водяная лилия' Влад., СРНГ, 15, с. 391; *лепешечник* 'подорожник Plantago lanceolata L.' Ворон., СРНГ, 16, с. 363);

— о запахе травы или цветка (ср. *вонёк* 'род травы' Новг., СРНГ, 5, с. 91; *вонюка* 'название растений сем. зонтичных, имеющих неприятный запах' Курск., Липец., СРНГ, 5, с. 93; *духмяник* 'мята лесная Mentha silvestris L.' Новг., Пск., СРНГ, 8, с. 278; *пахучка* 'душистый вереск' СРНГ без указ. места 25, с. 298);

— о вкусе травы (ср. *горькуха* 'одуванчик' Пск., СРНГ, 7, с. 82; *горькуша* 'полынь' Новг., Ряз., СРНГ, 8, с. 82; *горькушник* 'горец почечуйный Polygonum persicaria L.' СРНГ без указ. места 7, с. 82; *кисленица* 'щавель' Вят., Ср. Урал., Перм., СРНГ, 13, с. 229; *медовник* 'клевер' Саратов., Арх., Волог., СРНГ, 18, с. 71);

— об особенности строения ее стебля, ср., например, название трав, выделяющих на изломе молочко: *молоканка* 'молочай Euphorbia procera auct.' Дон., СРНГ, 18, с. 234; *молоковник* 'молочай' Перм., Новг., Курган., Свердлов., СРНГ, 18, с. 236; *молочай* 'осот Sonchus arvensis L.' Ле-

нингр., Пск., Екатер., Нижегород., Курск., Дон., Брянск., Ряз., Саратов., СРНГ, 18, с. 243; *молочница* 'лебеда *Atriplex L.*' Олон., СРНГ, 18, с. 246);

— о месте произрастания травы, например, на болоте (ср. *баговник* 'болиголов *Conium maculatum L.*' Твер., Пск., Новгород., Волог., СРНГ, 2, с. 34; *болотник* 'стрелolist *Sagittaria sagittifolia L.*' Твер., СРНГ, 3, с. 79; *мочажина*, *мочажинник* 'болотная трава' Тамб., Пенз., Дон., СРНГ, 18, с. 315), по берегам водоемов или в самом водоеме (ср. *боровница* 'лекарственная трава, растущая по берегам борových озер' Север., СРНГ, 3, с. 105; *водяник* 'растение, цветущее желтыми цветами и растущее по берегам рек' Ярослав., Новгород., СРНГ, 4, с. 349; *побережник* 'вероника поручейная *Veronica beccabunga L.*' Курск., СРНГ, 27, с. 193; *поречь* 'трава (осока, резуха, очерет), растущая по болотистым или песчаным берегам реки' Арх., СРНГ, 30, с. 58), на лугу (ср. *луговина*, *луговица* 'луговая трава' Ярослав., Киров., Арх., Пск., Твер., СРНГ, 17, с. 175; *луговка* 'кровохлебка *Sanguisorba officinalis L.*' Влад., СРНГ, 17, с. 176; *луговник* 'цикорий' Ворон., СРНГ, 17, с. 176), на опушке леса (ср. *подлес* 'одноцветка *Moneses grandiflora L.*' Волог., СРНГ, 28, с. 62; *подлесник* 'копытень *Asarum eugoraent L.*' Курск., Волог., СРНГ, 28, с. 63), вдоль дорог (ср. *подорожник* 'любая трава, растущая вдоль дороги' Новосибир., СРНГ, 28, с. 121; *попутник* 'подорожник *Plantago L.*' Волог., Арх., Ср. Урал., Приобье, СРНГ, 30, с. 20; *придорожник* 'спорыш *Polygonum aviculare*' Даль без указ. места III, с. 411), под деревьями (ср. *подорешник* 'копытень *Asarum eugoraent L.*' Курск., СРНГ, 28, с. 121; *подосинник* 'фиалка удивительная *Viola mirabilis L.*' СРНГ, 28, с. 123);

— о времени появления или цветения травы, цветка, а также о продолжительности его цветения (ср. *веснянка* 'подснежник' Пск., СРНГ, 4, с. 187; *зимоцвета* 'подснежник' Перм., СРНГ, 11, с. 281; *леторосль* 'трава, вырастающая летом' Орл., Васильченко, 1996, 6; *майноцветка* 'майник *Majanthemum bifolium L.*' Урал., СРНГ, 17, с. 305; *ночник* 'цветок ночная красавица, цветущий ночью' Олон., СРНГ, 21, с. 302);

— о способе распространения травы или ее семян (ср. *ветродуй* 'сон-трава *Pulsatilla patens* Mill.' Tobол., СРНГ, 4, с. 203; *катун* 'рогач, устели-поле *Ceratocarpus arenarius* L.' Урал., СРНГ, 13, с. 134; *катунь* 'растение перекасти-поле' Том., СРНГ, 13, с. 134; *летун* 'сорняк, мелкий овес' Арх., Сев.-Двин., СРНГ, 17, с. 25; *летунок* 'одуванчик' Орл., Васильченко, 1996; *плеть* 'вьющаяся дикая гречиха' Том., Ср. Приобье, СРНГ, 27, с. 123; *плетун* 'горец почечуйный *Polygonum persicaria* L.' Дон., СРНГ, 27, с. 129; *повиличник* 'сорное растение повилика *Fumaria officinalis* L.' Нижегород., Вят., Перм., Курск., СРНГ, 27, с. 244–245; *ползунка* 'стелющееся растение' Брян., СРНГ, 29, с. 67);

— о воздействии травы, ср., например, названия дурманящих трав (ср. *болиголовник* 'болиголов *Conium maculatum* L.' СРНГ без указ. места 3, с. 75; *бешанец* 'белая черная *Hyoscyamus niger* L.' Пск., СРНГ, 2, с. 286; *дурнопьян* 'название некоторых ядовитых растений' Брян., Терск., Дон., СРНГ, 8, с. 271; *пьяничник* 'пьяная трава, одурь' Вост. Сиб., Даль, III, с. 549; или такие названия, как *дерига* 'липучка ежовая *Lappula echinata* L.' Tobол., СРНГ, 8, с. 24; *деряга* 'плаун *Lycopodium clavatum* L.' Твер., Волог., Пск., СРНГ, 8, с. 32; *жальница* 'крапива' Свердл., СРНГ, 9, с. 68; *жарениха* 'крапива' Ср. Урал., СРНГ, 9, с. 76; *жгучка* 'крапива' Орл., Курск., Смол., СРНГ, 9, с. 93; *колюха* 'название различных колючих растений' Олон., Арх., Карел., СРНГ, 14, с. 218; *кислорот* 'щавель *Rumex acetosella* L.' Том., Приобье, СРНГ, 13, с. 233; *телорез* 'резун *Statioties* L.' Даль без указ. места, IV, с. 449), в том числе о ее лечебных свойствах (ср. *железняк* 'лечебная трава, используемая для лечения железницы — болезни животных, связанной с затвердением вымени' Свердл., СРНГ, 9, с. 106; *лечебник* 'подорожник *Plantago* L.' ЛАРНГ; *лечебница* 'мать-и-мачеха' Орл., Васильченко, 1996) или *очищающих трав* (ср. *кровоочист* 'смирния *Smurnium dodonaei* Spr.' СРНГ без указ. места 15, с. 270; *чистец* 'гребник *Geum urbanum* L.' Даль без указ. места, IV, с. 607; *чистотел* 'молочай' Даль без указ. места, IV, с. 608), *кровоостанавливающих* (ср. *крававик*

'кровохлебка *Sanguisorba L.*' Ср. Урал., СРНГ, 15, с. 264; *кровебой* 'вид девясила' СРНГ без указ. места, 15, с. 266; *кровогон* 'можжевельник казацкий *Juniperus sabina L.*' СРНГ без указ. места, 15, с. 268; *кросососка* 'черноголовка *Sanguisorba officinalis L.*' СРНГ без указ. места 15, с. 270), действующих как слабительное (ср. *дристунец*, *дристунок* 'иван-да-марья *Melampyrum nemorosum L.*' Калуж., СРНГ, 8, с. 186) или как снотворное (ср. *дремотник*, *дремуха* 'дрема *Melandrium Rochl.*' Моск., Пск., СРНГ, 8, с. 184);

— о способе ее применения (ср. *запарница* 'зверобой' Перм., СРНГ, 10, с. 303; *примочник* 'примочная трава *Sarmanula trachelium L.*' Урал., Коновалова, 1993).

Словообразовательные средства используются не только в целях объективации реальных свойств и качеств трав, но и ирреальных, т. е. таких, которые лишь приписываются им человеком, но которые, однако, также отражают особенности его мировидения (ср. *волкорезина* 'сорная трава' Смол., СРНГ, 5, с. 42; *коновальник* 'клевер *Trifolium alpestre L.*' Тамб., СРНГ, 14, с. 260; *курослепник* 'лютик *Ficaria verna Huds.*' Саратов., Ср. Приобье, СРНГ, 16, с. 141 и др.).

В семантической структуре этих фитонимов часто просвечивают отношения подобия, т. е. с помощью словообразовательных средств актуализируется признак сходства с различными реалиями внешнего мира, а именно: с животными (ср. *баранчик* 'земляной плющ *Glechoma hederacea L.*' Астрах., СРНГ, 2, с. 107; *козлятик* 'порезник черный *Libanotis montana L.*' Саратов., СРНГ, 14, с. 71; *песика* 'сурепка *Barbarea vulgaris L.*' Симб., СРНГ, 26, с. 301), с птицами (ср. *гусеножник* 'лапчатка *Potentilla fragarioides L.*' Урал., Гурьев., СРНГ, 7, с. 243; *курочка* 'венерин башмачок *Surgipedium guttatum Sw.*' Перм., СРНГ, 16, с. 142), с деревьями (ср. *березка* 'вьюнок полевой *Convolvulus arvensis L.*' Курск., Брян., Симб., Костром., Перм., Свердлов., СРНГ, 2, с. 251; *дубец* 'солодка голая *Glycyrrhiza glaba L.*' Дон., Рост., СРНГ, 8, с. 235; *елочка* 'хвощ полевой *Equisetum pratense L.*' Пск., Кемер., Том., СРНГ, 8, с. 347), с предметами домашнего обихода (ср. *батожок* 'щавель' Онеж.,

Арх., СРНГ, 2, с. 146; *котелки* 'колокольчики *Campanula patula* L.' Вят., СРНГ, 15, с. 102; *кувшинчик* 'ястребинка *Hieracium pilosella* L.' Влад., СРНГ, 15, с. 391; *подошнички* 'одуванчик *Taraxacum officinale* Wigg.' Калуж., СРНГ, 28, с. 114), с частями тела человека или животного (ср. *лапка* 'одуванчик *Taraxacum officinale* Wigg.' Костром., СРНГ, 16, с. 263; *копытки* 'копытец *Asarum europaeum* L.' Южн., Перм., СРНГ, 14, с. 304; *пузик* 'ирис-касатик *Iris sibirica* L.' Вят., Даль, III, с. 536), с самим человеком, причем в качестве мотивирующих используются, как правило, либо термины родства (ср. *бабушка* 'василек' Новг., СРНГ, 2, с. 30; *братики* 'растение иван-да-марья' Южн. Россия, СРНГ, 3, с. 157; *братки* 'анютины глазки *Viola tricolor* L.' Сиб., СРНГ, 3, с. 159; *дедки*, *дедок* 'лопушник *Arctium lappa* L.' Смол., СРНГ, 7, с. 329), либо социальная лексика (ср. *княжок* 'княжик альпийский *Atragene alpina* L.' Волог., СРНГ, 13, с. 351; *поповка* 'бодяк разнолистный *Cirsium heterophyllum* All.' Калуж., Нижегород., СРНГ, 29, с. 325); либо этническая, причем терминология довольно ограниченного круга (ср. *мордвин* 'чертополох *Carduus* L.' Влад., Нижегород., Симб., СРНГ, 18, с. 258; *татарин* 'название разных колючих, сорных трав *Carduus* L.', Даль без указ. места, IV, с. 392; *татарка* 'репейник *Carduus* L.' Орл., ДАРНГ)⁴, либо антропонимическая (ср. *авдотька* 'растение из сем. лютиковых *Trollius europaeus*', СРНГ без указ. места, 1, с. 197; *василиска* 'травянистое растение *Thalictrum* разных видов' Забайкал., Иркут., СРНГ, 4, с. 66; *иванчик* 'одуванчик' Калуж., СРНГ, 12, с. 57; *матренка* 'тысячелистник *Achillea millefolium* L.' Влад., Костром., Нижегород., Волог., Свердл., Моск., Ряз., Калин., СРНГ, 18, с. 35).

Следует, однако, признать, что в русском травнике таких образных названий растений сравнительно немного, так как образность в известной степени затрудняла иден-

⁴ Интересно, что наименования трав по социальному или этническому признаку относятся, как правило, к колючим, *цепляющимися* за одежду растениям (не на этом ли признаке основан метафорический перенос?).

тификацию растения и в связи с этим возможность его правильного использования.

В названиях трав (особенно лекарственных) отразились и такие ирреальные свойства и качества, которые свидетельствуют о сохранении русским народом языческих представлений о растениях как о живых существах, наделенных злыми и добрыми силами (ср., например, названия папоротника *волшебник* Тамб., СРНГ, 5, с. 82)⁵. С помощью словообразовательных средств в этих названиях объективируются представления о симпатической магии растений (ср. названия таких трав, как *люб-трав*, *любавик* 'растение, которым привораживают, вызывают любовь' Орл., Васильченко, 1996, с. 60; Калуж., СРНГ, 17, с. 233; *ворожея* 'трав (какая?)': «Растет по лугам и лесам, на сухих местах... ее полезно носить при себе, и будешь почитаем от людей» Калуж., СРНГ, 5, с. 110; *ворогуша* 'копытень европейский *Asarum europaeum* L.' Калуж., СРНГ, 5, с. 109). Согласно этим представлениям, воздействие на человека (или его отдельный орган) может быть осуществлено с помощью предмета (в том числе растения), имеющего какое-либо сходство с ним по форме, функции и т. д. (ср. *лом-трав* 'в народных поверьях трава, обладающая волшебными свойствами (ломать замки и другие железные предметы)' Арх., Перм., СРНГ, 17, с. 125; *перелет-трав* 'сказочная трава, которую ищут для счастья и удачи в ночь на Иванов день, цветок ее, радужный, огненный, перепархивает мотыльчком' СРНГ без указ. места, 26, с. 141; *разрыв-трав* 'народное название некоторых растений, с помощью которых, по народным поверьям, можно излечить болезни, отпереть любой замок', Васильченко, 1996, с. 60). Отсюда возникало представление о волшебных и целительных свойствах растений, особенно тех, которые чем-либо напоминают части человеческого тела (ср. *грудник* 'репейничек аптечный *Agri-*

⁵ Подробнее об этом см., например, в диссертационном исследовании Коноваловой Н. И. «Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте». М., 1993.

monia eupatorium L.': «от боли грудей» Курск., Смол., СРНГ, 7, с. 162; *печеночник* 'чистяк *Chelidonium L.*' Даль без указ. места, III, с. 109; *сердечник* 'полевая горчица, смолянка *Cardamine pratensis L.*' Даль без указ. места, IV, с. 175). Существует целая группа лекарственных растений, излечивающих от лихорадки, названия которых связаны с легендой о двенадцати сестрах-лихорадках (см.: Коновалова, 1993).

Несмотря на это лексическое разнообразие названий трав, в их номинации с помощью словообразовательных средств актуализируется сравнительно немного мотивировочных признаков, а именно:

— качественно-характеризующий (ср. *гладыш* 'ландыш' Калуж., СРНГ, 6, с. 181; *горькушник* 'горец почечуйный *Polygonum persicaria L.*' СРНГ без указ. места 7, с. 82; *золотоножка* 'девясил *Inula britannica L.*' Влад., СРНГ, 11, с. 334; *медовник* 'клевер' Саратов., Арх., Волог., СРНГ, 18, с. 71; *мелкота* 'плохая низкорослая трава' Арх., СРНГ, 18, с. 101; *молоковник* 'молочай' Перм., Новг., Курган., Свердлов., СРНГ, 18, с. 236; *мякушка* 'сочная трава' Новг., СРНГ, 19, с. 82; *пахучка* 'душистый вереск' СРНГ без указ. места 25, с. 298; *полевина* 'дикорастущая трава' Перм., СРНГ, 29, с. 47);

— реляционный с семами 'подобие' (ср. *баранчик* 'земляной плющ *Glechoma hederacea L.*' Астрах., СРНГ, 2, с. 107; *березка* 'вьюнок полевой *Convolvulus arvensis L.*' Курск., Брян., Симб., Костром., Перм., Свердлов., СРНГ, 2, с. 251; *звездочка* 'звездчатка злачная *Stellaria graminea L.*' Арх., СРНГ, 11, с. 212; *курочка* 'венерин башмачок *Cypripedium guttatum Sw.*' Перм., СРНГ, 16, с. 142; *ленок* 'дикий лен *Linaria vulgaris L.*' Южн. Урал., СРНГ, 16, с. 355), 'пространственная смежность' (ср. *лягушатник* 'водное травянистое растение ряска' Орл., Васильченко, 1996) или 'принадлежность', например, животному, для которого растение является кормом (ср. *лошадник*, *лошадятник* 'конский щавель' Орл., Васильченко, 1996; *собачница* 'собачья петрушка' Даль без указ. места, IV, с. 252);

— локативный (ср. *подлесник* 'копытень *Asarum europaeum* L.' Курск., Волог., СРНГ, 28, с. 63; *попутник* 'подорожник' Волог., Арх., Ср. Урал., Приобье, СРНГ, 30, с. 20; *поречь* 'трава (осока, резуха, очерет), растущая по болотистым или песчаным берегам реки' Арх., СРНГ, 30, с. 58; *придорожник* 'спорыш *Polygonum aviculare*' Даль без указ. места III, с. 411);

— темпоральный (ср. *веснушка* 'фиалка *Viola lactea* L.' Нижегород., СРНГ, 4, с. 187; *веснянка* 'подснежник' Пск., СРНГ, 4, с. 187; *зимоцвета* 'подснежник' Перм., СРНГ, 11, с. 281; *ночник* 'цветок ночная красавица, цветущий ночью' Олон., СРНГ, 21, с. 302);

— акциональный (ср. *жальница* 'крапива' Свердл., СРНГ, 9, с. 68; *катунь* 'растение перекасти-поле' Том., СРНГ, 13, с. 134; *летунок* 'одуванчик' Орл., Васильченко, 1996; *поникница* 'грави-лат прибрежный *Geum rivale*' Смол., СРНГ, 29, с. 260; *толкач* 'подорожник' Ряз., Даль, IV, с. 411; *телорез* 'резун *Statiotis* L.' Даль без указ. места, IV, с. 449);

— функциональный (ср. *кровебой* 'вид девясила' СРНГ без указ. места, 15, с. 266; *кровочист* 'смирния *Smurnium dodonaei* Spr.' СРНГ без указ. места 15, с. 270; *лечебник* 'подорожник *Plantago* L.' Орл., ЛАРНГ; *мухоморник* 'льнянка *Linaria vulgaris* Mill.': «Трава така — мух травят», Кемер., СРНГ, 19, с. 38; *чистотел* 'молочай' Даль без указ. места, IV, с. 608);

— экзистенциальный с семей 'способ применения' (ср. *запарница* 'зверобой' Перм., СРНГ, 10, с. 303; *примочник* 'примочная трава *Sarmanula trachelium* L.' Урал., Коновалова, 1993; *растиральник* 'белоголовец *Acillea millefolium* L.' Урал., Коновалова, 1993; *растирник* 'тысячелистник *Acillea* L.' Даль без указ. места, IV, с. 77).

Следует отметить еще одну особенность названий трав, а именно: некоторые из них характеризуются лексической и семантической неустойчивостью, поскольку одна и та же реалья может манифестироваться множеством лексем, ср., например, названия клевера *Trifolium* L. (ср. *бабочник* Симб., СРНГ, 2, с. 27; *белоголовка* Олон., СРНГ, 2,

с. 218; *головник* Курск., СРНГ, 6, с. 309; *дятельник* Симб., Ряз., Тамб., Вят., Влад., Ворон., Арх., Костром., Пенз., СРНГ, 8, с. 308; *кашечник* Костром., Свердл., СРНГ, 13, с. 150; *коневник* Тамб., Свердл., СРНГ, 14, с. 249; *котовник* Ворон., СРНГ, 15, с. 109; *кукушечник* Пенз., СРНГ, 16, с. 47; *лапка* Дон., СРНГ, 16, с. 263; *медовник* Саратов., СРНГ, 18, с. 71; *мордашка* Саратов., СРНГ, 18, с. 258; *мякушка* Новг., Олон., СРНГ, 19, с. 82; *пердунец* Ср. и Нижн. Урал., СРНГ, 26, с. 19; *петушовник* Вят., СРНГ, 26, с. 334 и др.) или названия подорожника *Plantago* L. (ср. *бабка* Юго-Зап., СРНГ, 2, с. 21; *дорожник* Костром., Калинин., Тобол., Том., СРНГ, 8, с. 136; *колотоп* Перм., Уфим., Ср. Урал., СРНГ, 14, с. 268; *подорожница* Перм., СРНГ, 28, с. 21; *толкач* Ряз., Даль, IV, с. 411 и др.), в которых актуализируются разные мотивировочные признаки. Это разнообразие мотивировочных признаков в названиях одной и той же реалии является яркой иллюстрацией своеобразия мироощущения и мировосприятия русского народа⁶.

О семантической неустойчивости названий трав ярче всего говорят случаи, когда одна и та же лексема соответствует нескольким реалемам: например, лексема *кровавник* (СРНГ, 15, с. 264) в разных диалектах может обозначать и 'тысячелистник *Achillea* L.' (Зап., Южн., Тул., Калуж., Пск., Волог., Арх.), и 'зверобой *Hypericum perforatum* L.' (Южн. Урал.), и 'горичцвет *Lychnis viscaria* L.' (Зап.), и 'ландыш *Convallaria* L.' (СРНГ без указ. места); или *молочник* (СРНГ, 18, с. 245), и 'молочай *Euphorbia* L.' (Тобол., Ср. Приобье, Свердл., Перм., Урал., Арх., Курск., Калуж.), и 'одуванчик *Taraxacum officinalis* Wigg.' (Иркут., Моск., Пск., Вят., Арх., Брян., Курск.), и 'иван-чай *Chamalperium angustifolium* L.' (Олон.), и 'осот *Sonchus oleraceus* L.' (Смол., Пск., Твер., Моск.) и т. д. Однако в большинстве

⁶ См. в связи с этим опубликованную в Вене монографию болгарского ученого Хр. Холиолчева, посвященную ономаσιологической и словообразовательной структуре болгарских фитонимов (*Ch. Choljolev. Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme. Wien, 1990.*)

своим словообразовательными средствами, присоединяемые к одной и той же мотивирующей основе, позволяют дифференцировать фитонимы (ср. *желтун* 'крестовник болотный *Senecio paludosus* L.' Тобол.; *желтунец* 'ястребинка зонтичная *Hieracium umbellatum* L.' Казан.; *желтуха* 'сурепка *Barbarea* Beck.' Новг.; *желтушка* 'купавка красильная *Anthemis tinctoria* L.' Твер., Костром., СРНГ, 9, с. 113; *молочайник* 'осот *Sonchus oleraceus* L.' Нижегород., Ворон.; *молочей* 'вид травы' (?) Киров.; *молочник* 'одуванчик *Thaхасum officinalis* Wigg.' Иркут., Моск., Пск., Волог., Арх., Брян., Курск., СРНГ, 18, с. 243–245) и т. д.

Нельзя, однако, не отметить и удивительное типологическое сходство в восприятии одной и той же реалии, наблюдающееся у носителей разных диалектов, ср., например, название *просвирняка* *Malva* L. (ср. *бабышник* Ворон., Черенкова, 1995, с. 101; *калачик* Ср. Обь, Курск., Дон., Том., СРНГ, 12, с. 338; *калачник* Ворон., Терск., Куйбыш., СРНГ, 12, с. 339; *лепешник* Ряз., Пенз., СРНГ, 16, с. 363; *лепешечник* Ворон., Черенкова, 1995, с. 101; *прянишник* Ворон., Черенкова, 1995, с. 101). В основе всех этих наименований лежит предметно-характеризующий признак, отсылающий к названиям хлебных изделий (ср. *бабышка* 'маленький круглый ситный хлебец' Ворон., СРНГ, 2, с. 31; общерус. *калач*, *лепешка*, *пряник*), что становится понятным, если учесть, что плоды этого растения, обладающие сильным мускусным запахом, использовались в пищу (а дети и сейчас не прочь попробовать их на вкус).

Интересно, что в названиях сорных трав (ср. *былишник* Киров., Яросл., СРНГ, 3, с. 344; *быльё* Пск., Смол., СРНГ, 3, с. 346; *волкорезина* Смол., СРНГ, 5, с. 42; *дураш* Ср. Урал., СРНГ, 8, с. 265; *дурмень* Новосиб.; *дурмина* Ср. Урал.; *дурнига* Урал.; *дурнина* Сиб., Том., Кемер., Ср. Урал., СРНГ, 8, с. 268 и т. д.) нет такого разнообразия мотивации. Одним из наиболее распространенных мотивировочных признаков является признак подобия. Это и понятно, поскольку в этом случае нет необходимости в точной идентификации травы, главное — выразить сему 'несъедобный' или 'подобный', но не тот же

самый' (ср. *овсец* Азарх, 1993; *овсюг* Иркут., СРНГ, 22, с. 303 'сорная трава, похожая на овес'; *житец* 'пырей, ползучая пшеница *Triticum repens* L.' Орл., СРНГ, 9, с. 190; *гречишки* 'травянистое сорное растение сем. гречишных' СРНГ без указ. места, 7, с. 136 и т. д.).

Словообразовательные средства активно работают еще на одном номинативном участке семантического пространства «Трава» — это названия созревшей для покоса травы (ср. *косьба* Яросл., СРНГ, 15, с. 95; *косьё* Новг., СРНГ, 15, с. 95), а также скошенной травы (ср. *зеленица* Пск., СРНГ, 11, с. 247; *кошевина* Яросл., СРНГ, 15, с. 141; *покос* Терск., Кубан., Ряз., Смол., Новосиб., СРНГ, 29, с. 2).

С помощью словообразовательных средств происходит конкретизация этих имен, указание, например, на:

— качество скошенной травы (ср. *живига* Перм., Свердл., Ср. Урал., Краснояр.; *живика* Костром., Свердл., Том., Краснояр.; СРНГ, 9, с. 150–151 'невысохший слой скошенной травы'; *живульник* 'непросохшая трава' Иркут., СРНГ, 9, с. 161; ср. также названия прошлогодней, высохшей на корню травы: *ветошь* Сиб., Волог., Арх., Пск., Новосиб., Енис., Костром., Твер., Яросл., Оренб., СРНГ, 4, с. 198; *негарь* СРНГ без указ. места, 20, с. 368; *нежарь* Новорос., СРНГ, 21, с. 41; *некось* Калин., Новг., Волог., Костром., Яросл., Моск., Перм., Свердл., Ср. Урал., Том., СРНГ, 21, с. 62);

— место ее покоса, ср., например, названия травы, скошенной на заливном лугу (ср. *водопойка* 'мягкая луговая трава, растущая на заливных лугах и дающая хороший корм для скота' Tobол., СРНГ, 4, с. 344) или на болоте (ср. *болотина* 'травя, скошенная на болоте и потому плохого качества' Арх., Ленингр., Калин., Tobол., СРНГ, 3, с. 79; *мочажина* Тамб., Пенз.; *мочажинник* Тамб., Пенз., Дон., СРНГ, 18 с. 315 'болотное сено'), в лесу (ср. *боровина* 'лесное сено' Арх., СРНГ, 3, с. 105).

В этих названиях с помощью словообразовательных средств актуализируются несколько признаков:

— качественно-характеризующий (ср. *живица* 'невысохший слой скошенной травы' Ср. Урал., Том., СРНГ, 9, с. 151; *зеленица* 'скошенная трава' Пск., СРНГ, 11, с. 247;

зеленчак 'сено, сохранившее свой зеленый цвет' Олон., СРНГ, 11, с. 250);

— локативный (ср. *болотина* 'трава, скошенная на болоте и потому плохого качества' Арх., Ленингр., Калинин., Тобол., СРНГ, 3, с. 79; *боровина* 'лесное сено' Арх., СРНГ, 3, с. 105);

— акциональный (ср. *водопойка* 'мягкая луговая трава, растущая на заливных лугах и дающая хороший корм для скота' Тобол., СРНГ, 4, с. 344);

— акторный (ср. *косево* 'трава, созревшая для покоса' Свердл., СРНГ, 15, с. 48; *кошенина* 'скошенная трава' Свердл., Ср. Урал., Калинин., Иркут., Енис., Краснояр., Кемер., Новосибир., Том., Тобол., Перм., Киров., Арх., Олон., Пск., Новг., Волог., Костром., Яросл., Иван., Моск., Калуж., СРНГ, 15, с. 147).

Ягоды

Открыт для словообразования и такой номинативный участок семантической сферы «Лес», как названия ягод и грибов, хотя семантическое пространство «Ягоды» не обладает такой высокой степенью расчлененности, как семантическое поле трав.

Общее название ягоды в диалектах, как правило, представлено производным именем. Однако, когда необходимо конкретизировать это название, происходит подключение словообразовательных средств. Обращение к ним наблюдается, в частности, в тех случаях, когда требуется указать на:

— цвет ягоды (ср. *голубица* Новг., Ленингр., Олон., Арх., Сев.-Двин., Яросл., Перм., Вят., Свердл., Ср. Урал., Сиб., СРНГ, 6, с. 338; *голубника* Арх., СРНГ, 6, с. 339 'голубика'; *красниха* 'клюква' Арх., СРНГ, 15, с. 179; *черница* 'черника' Даль без указ. места, IV, с. 595);

— вкус ягоды (ср. *кислица* 'костяника' Новосибир., СРНГ, 13, с. 232; *кисляница* 'клюква' Костром., Вят., СРНГ, 13, с. 236; *медовка* 'ягода' (какая?): «Есть еще весьма ред-

кая... сладкая, без кислоты ягода медовка» Костром., СРНГ, 18, с. 71);

— структуру ее плода, особенно если он твердый (ср. *каменица* 'костяника' Твер. // 'морошка' Твер., СРНГ, 13, с. 18; *костига* Ср. Урал.; *костика* Калинин., Свердлов., СРНГ, 15, с. 75 'костяника');

— величину ягоды (ср. *крупняк* 'крупная ягода' Астрах., СРНГ, 15, с. 321; *мелкутье* 'мелкая ягода' Волог., СРНГ, 18, с. 101);

— степень ее зрелости, особенно если это незрелая ягода (ср. *зеленец* Нижегород., Костром., Моск., Волог., Сев.-Двин., Арх., Прикамье, Том., Краснояр., Перм., СРНГ, 11, с. 246; *зелепух* Зап., Брян., СРНГ, 11, с. 252; *зелиночка* Ср. Урал., СРНГ, 11, с. 253; *зеленуха* Моск., Яросл., Новг., Новосиб., СРНГ, 11, с. 249 'зеленая, незрелая ягода' и *зрелка* Смол., СРНГ, 11, с. 348; *соспелка* Иван., ЛАРНГ 'спелая ягода');

— место произрастания (ср. *боровика* 'брусника' Ряз., Арх., СРНГ, 3, с. 104; ср. также названия земляники: *землянига* Вят., Новг., Ленингр., Моск., Влад., Костром., Пенз., Ульянов., Куйбыш., Нижегород., Казан., Свердлов., Перм., Сиб., СРНГ, 11, с. 257; *земница* Олон., СРНГ, 11, с. 261; *лесничка* Орл., Васильченко, 1996; *поземка* Юго-Зап., Пск., СРНГ, 28, с. 332);

— время появления (ср., например, названия клюквы, перезимовавшей под снегом: *веснушка* Влад., СРНГ, 4, с. 187; *вешница* Яросл., СРНГ, 4, с. 224);

— характер воздействия на человека (ср. *вязовица* 'ежевика' Яросл., СРНГ, 6, с. 76; *залепня* 'зеленая, незрелая ягода' Ср. Урал., Свердлов., СРНГ, 10, с. 201; *засадика* Ряз.; *засадиха* Курск., Тамб., Калуж., Брян., Влад., Костром., Яросл., Твер., Новг., Волог., Тобол., СРНГ, 11, с. 17–18 'ягода черемухи'; *пьяника* 'голубика' Даль без указ. места, III, с. 549).

Интересно, что действие словообразовательных средств ограничено в основном сферой съедобных ягод, тогда как названия несъедобных передаются чаще всего с помощью описательных конструкций (ср. *волчье лыко*, *волчьи ягоды*, *вороний глаз* и т. д.).

Основными признаками, которые актуализируются в этих названиях с помощью словообразовательных средств, являются:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *голубёнка* 'голубика' Пск., Твер., СРНГ, 6, с. 333; *каменка* 'костяника' Ворон., Ряз., СРНГ, 13, с. 18; *красница* 'клюква' Ряз., СРНГ, 15, с. 179; *односторонка* 'незрелая ягода' Арх., СРНГ, 23, с. 53);

— локативный (ср. *боровика* 'брусника' Ряз., Арх., СРНГ, 3, с. 104; *земляна* 'земляника' Вят., Ср. Урал., Краснояр., СРНГ, 11, с. 257; *лесничка* 'земляника' Орл., Васильченко, 1996; *пазёмка* 'земляника' Тамб., Курск., СРНГ, 25, с. 145; *подснежница* 'клюква, перезимовавшая под снегом' Свердл., СРНГ, 28, с. 186).

Значительно реже встречаются темпоральный (ср. *веснянка* 'клюква, перезимовавшей под снегом' Пск., СРНГ, 4, с. 187), акциональный (ср. *засадика* 'ягода черемухи' Ряз., СРНГ, 11, с. 17) и акторный признаки (ср. *брусена* Костром., Новг., Вят., Нижегород., Волог., Олон., Пск.; *брусица* Орл., Брян.; *бруска* Олон., Новг., Мурман., СРНГ, 3, с. 205 'брусника' < *брусить*, *бруснить* 'срывать ягоды, захватывая их горстью' СРНГ, 3, с. 207).

Словообразовательные средства подключаются также и для объективации количественного признака, в частности, для образования *nomina collectiva*, обозначающих заросли кустиков ягодных растений (ср. *бруснижник* Влад., СРНГ, 3, с. 207; *брусняг*, *брусняк* Новг., СРНГ, 3, с. 209 'заросли брусники'; *голубижник* Урал.; *голубичник* Новг., Том., Кемер., Свердл., СРНГ, 6, с. 337 'заросли голубики'), а также *nomina singulariva*, называющих один плод ягодного растения (ср. *бруснина* Пск., СРНГ, 3, с. 207; *брусничина* Пск., Твер., Смол., Литв., Латв., Эст.; *брусничинина* Твер., СРНГ, 3, с. 208 'одна ягода брусники'; *землянижина* Ленингр., СРНГ, 11, с. 257; *земляночка* Новг., СРНГ, 11, с. 260 'одна ягода земляники'; *жаравинина* 'одна ягода клюквы' Новг., Пск., Твер., СРНГ, 9, с. 72), что отличает названия ягод от названий трав, в которых этот количественный признак не актуализируется.

Нельзя, однако, не отметить, что и здесь встречаются случаи одинаковой манифестации разных реалем (ср. *жаравика* СРНГ, 9, с. 72: 'брусника' Перм. и 'болотная клюква' Волог., Костром., Онеж., Новг., Яросл., Перм.; или *жаравица* СРНГ, 9, с. 73: 'клюква' Волог., Олон., Сев.-Двин., Арх., Перм. и 'земляника' Арх., Влад.), однако случаи эти довольно редкие, так как присоединение разных словообразовательных средств к одной и той же основе позволяет дифференцировать фитонимы (ср. *боровика* 'брусника' Ряз., Арх., СРНГ, 3, с. 105 и *боровица* 'вереск *Calluna vulgaris* L.' Влад., СРНГ, 3, с. 105 или *подснежник* 'фиалка холмовая *Viola collina* L.' Нижегород., СРНГ, 28, с. 186 и *подснежница* 'клюква' Свердл. СРНГ, 28, с. 186 и т. д.).

Грибы

Несколько иную организацию имеет номинативный участок «Грибы», семантическое пространство которого является более расчлененным, чем в названиях ягод. Словообразовательные средства отмечены уже в общем названии гриба (ср. *губан*, *губарь* Яросл.; *губина* Брян., Север., Вост., Яросл., Волог., СРНГ, 7, с. 193; *обабка* Костром., СРНГ, 239; *обабок* Костром., Пск., Арх., Свердл., Волог., Калинин., СРНГ, 21, с. 339), кроме того, они широко представлены как в характеризующих, так и классифицирующих названиях. Исключение составляет лишь номинативный участок, связанный с обозначением частей гриба, который практически закрыт для словообразования.

Обращение к словообразовательным средствам происходит прежде всего с целью обозначить пригодность ~ непригодность гриба для человека, а точнее — его съедобность или несъедобность (особенно активное их использование наблюдается при образовании общего названия несъедобных грибов (ср. *благуши*, *благушка* Смол., СРНГ, 2, с. 310 < *благой* 'плохой, негодный' Оренб., Петерб., Новг., Пск., Твер., Влад., Костром., Нижегород., СРНГ, 2, с. 307; *поганец* Новг., Арх., Ряз., Свердл., Горьк.; *поганик* Олон., Арх.;

поганиш Литв., Эст., Костром.; *поганка* Арх., Волог., Вят., Ворон., Том., Орл., СРНГ, 27, с. 287 'несъедобный гриб' и *добрик* ЛАРНГ; *губочки* Урал., СРНГ, 7, с. 196 'съедобный гриб'), что отличает названия грибов от названий ягод, в которых этот номинационный признак не получил своей деривационной реализации. Другой особенностью названий грибов является признак подобия, широко используемый в качестве мотивировочного, причем актуализируется в основном сема 'сходство с животным', к названиям которых присоединяется, как правило, суффикс уменьшительности (ср. *зайчушка* 'листочка' Твер., Моск., СРНГ, 10, с. 110; *козленок* 'козляк *Boletus bovinus*' Моск., Яросл., СРНГ, 14, с. 66; *конек* 'гриб подгруздок *Russula telica*' Арх., СРНГ, 14, с. 251; *коровка* 'белый гриб' Влад., Твер., Новг., Костром., Пск., Яросл., Нижегород., Моск., Орл., СРНГ, 14, с. 353; *лисичка* 'вид сыроежки' Ряз., Арх., СРНГ, 17, с. 62 и др.), реже — с человеком, причем, как правило, с лицом женского пола (ср. многочисленные названия свинушек: *дуняха* Иван., Ворон.; *дуняшка* Иван., СРНГ, 8, с. 258; *матрешка* Том., СРНГ, 18, 36), что отличает названия грибов от названий трав, в которых этот признак манифестируется семантически более разнообразно.

Своеобразие номинативного участка «Грибы» проявляется и в его деривационных ограничениях для образования *nomina collectiva* (ср. единичные *грибье* собир. Костром., Новг., СРНГ, 7, с. 143; *губина* собир. Волог., Брян., СРНГ, 7, с. 193) и *nomina singulativa*, широко представленных в названиях ягод (исключение составляет лишь название грибного места, в котором имплицитно присутствует сема 'совокупное множества', ср. *грибище* ЛАРНГ; *грибник* Влад., СРНГ, 7, с. 141), хотя в русских диалектах встречаются названия лесов по характерным для них грибам (ср. *груздовник* 'лес, в котором много груздей' Пск., СРНГ, 7, с. 165; *обабочник* 'березняк, в котором растут грибы' Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 341).

Подключение словообразовательных средств наблюдается, как правило, в том случае, когда необходимо обозначить:

— место произрастания гриба, т. е. наиболее важный признак при сборе грибов (ср. *багнюк* 'подосиновик' СРНГ без указ. места, 2, с. 34; *болотник* 'подберезовик' Арх., СРНГ, 3, с. 79; *дуплянка* 'свинушка' Яросл., СРНГ, 8, с. 262; *еловатик* 'гриб, растущий в ельнике' Волог., СРНГ, 8, с. 344; *луговик* 'опенок' Нижегород., Влад., Ульянов. // 'боровик' Твер., СРНГ, 17, с. 175; *моховик* 'подосиновик' Урал. // 'подберезовик' Том., СРНГ, 18, с. 311; *наземник* 'гриб шампиньон, растущий на местах, где много перегноя или навоза' Том., Южн. Урал., СРНГ, 19, с. 281 < *назем* 'навоз' Влад., Костром., Волог., Ленингр., Олон., Онеж., Арх., Печор., Перм., Вят., Яросл., Нижегород., Твер., Пск., Моск., Тул., Ряз., СРНГ, 19, с. 280; *ольховик* 'рыжик' Ленингр., СРНГ, 23, с. 193; *опенка* 'опенок' Орл., Смол., Том., СРНГ, 23, с. 249; *поддубенник* 'гриб боровик' Калуж., СРНГ, 27, с. 396);

— цвет шляпки гриба (ср. *белоголовник* 'белый гриб' Свердл., СРНГ, 2, с. 219; *желтик* 'гриб моховик' Арх., Иртыш., СРНГ, 9, с. 111; *красноголовник* 'подосиновик' Твер., Урал., Иркут., СРНГ, 15, с. 181; *красник* 'подосиновик' Моск., СРНГ, 15, с. 176; *рыженя* 'рыжик' Даль без указ. места, IV, с. 117; *серуха* 'волвянка' Яросл., Твер., Даль, IV, с. 381);

— особенности поверхности шляпки (ср. *волнейка* 'волнушка' Пск., Смол., СРНГ, 5, с. 43; *масленка* 'масленок' Яросл., Том., Новосиб., Ряз., Калуж., Смол., Волог., Костром., СРНГ, 18, с. 11; *морщевик* 'гриб строчек' Новг., СРНГ, 18, с. 280; *мохнушка* 'волнушка' Калин. // 'свинушка' Моск., СРНГ, 18, с. 311);

— способность издавать запах (ср. *бздушка* 'род шарообразного гриба, наполненного пылью *Lycoperdon bovista* L.' СРНГ без указ. места, 2, с. 287; *вонючка* 'мелкий летний гриб' Тамб., СРНГ, 5, с. 94; *пердёны* 'род грибов (каких?)' Смол., СРНГ, 26, с. 19; *пердунице* 'масленок' Курск., Орл., Смол., СРНГ, 26, с. 19);

— вкус гриба на срезе (ср. *горчан* 'несъедобный горький гриб, похожий на груздь' Брян., СРНГ, 7, с. 73; *горькуша* 'съедобный гриб с горьким вкусом' Твер., СРНГ, 7, с. 82; *солодухи* 'подгруздки' Яросл., Даль, IV, с. 267);

— время появления гриба, например, в пору колошения хлебов или их созревания (ср. *колосник* Пск., Твер., Влад., СРНГ, 14, с. 174; *подколосовик* Калуж., Курск., СРНГ, 28, с. 42), после дождя (ср. *поддождевик* Моск., Перм.; *поддождевка* Урал.; *поддождяйка* Урал., СРНГ, 27, с. 391 'гриб дождевик') или поздней осенью (ср. *осенник* 'опенок' Свердлов., СРНГ, 23, с. 367);

— способ приготовления или заготовки грибов (ср. *жаренина* Волог., Олон., Арх.; *жареха* Вят., СРНГ, 9, с. 76 'грибы, пригодные для жарки'; *мочайка* 'гриб, пригодный только для соления' Влад., СРНГ, 18, с. 318; *отваруха* 'грибы, годные только для засола' Моск., СРНГ, 24, с. 131; *отварушка* 'грибы, употребляемые в пищу только после варки' Влад., СРНГ, 24, с. 131; *солонуха* 'гриб, годный для засола' Твер., Даль, IV, с. 268; *сушонок* 'гриб, пригодный для засушивания', ЛАРНГ);

— действие, оказываемое грибом (ср. *мухоморка* Ворон., Калинин.; *мухоморник* Кемер., Арх., Омск., Ср. Приобье, СРНГ, 19, с. 38 'мухомор').

С помощью словообразовательных средств актуализируются несколько признаков, среди которых основными являются:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *беловик* 'белый гриб *Boletus edulis*' Урал., СРНГ, 2, с. 217; *волнянка* 'волнушка *Lactarius torminosus*' Перм., Смол., Пск., СРНГ, 5, с. 45; *дубовик* 'белый гриб *Boletus edulis*' Новг., СРНГ, 8, с. 238; *жиловатик* 'белый гриб' Новг., СРНГ, 9, с. 175; *колосовик* 'ранний гриб, появляющийся во время колошения ржи' Пск., Твер., Костром., Моск., Яросл., Волог., СРНГ, 14, с. 176; *красовик* 'подосиновик' Яросл., Моск., Калинин., СРНГ, 15, с. 198; *кудрявка* 'лисичка' Кемер., СРНГ, 16, с. 15; *масленик* 'масленок' Калинин., Новг., Волог., Костром., Влад., Вят., Перм., Том., Сиб., СРНГ, 17, с. 383; *масляй* 'масленок' Новг., Олон., СРНГ, 18, с. 14; *мокруха* 'гриб со слизью, встречающийся в еловых лесах' Урал., СРНГ, 18, с. 212);

— локативный (ср. *поддубёнок* 'белый гриб' Моск., СРНГ, 27, с. 396; *подкрапивник* 'съедобный гриб, растущий под

крапивой' Иркут., СРНГ, 28, с. 48; *подорожка* 'вид сыроежки' Калуж., Калинин., СРНГ, 28, с. 121; *подъельши* 'белый гриб' Калинин., СРНГ, 28, с. 263; *попутяй* 'гриб груздь' Моск., СРНГ, 30, с. 21);

— реляционный с актуализацией семы 'подобие' (ср. *кошек* 'гриб подгруздок *Russula telica*' Арх., СРНГ, 14, с. 251; *коровка* 'белый гриб' Влад., Твер., Новг., Костром., Пск., Яросл., Нижегород., Моск., Орл., СРНГ, 14, в. 353; *лисичка* 'вид сыроежки' Ряз., Арх., СРНГ, 17, с. 62; *овечка* 'козляк *Boletus bovinus*' Влад., СРНГ, 22, с. 296; *петушок* 'лисичка' Влад., Костром., Моск., СРНГ, 26, с. 336), а также оценки, преимущественно отрицательной (ср. *поганка* 'мухомор' Брян., СРНГ, 27, с. 288; *погануха* Моск.; *поганыш* Пск., Енис., Твер., СРНГ, 27, с. 289 'поганка');

— квантитативный, маркирующий сему 'величина' (ср. *грибавик* 'большой гриб' Смол., СРНГ, 28, с. 48);

— акциональный (ср. *мухоморина* 'мухомор' Пск., СРНГ, 19, с. 38; *натека* 'гриб-трутовик' Арх., СРНГ, 20, с. 217; *скрипица* 'гриб подорешник' Даль без указ. места, IV, с. 209);

— темпоральный (ср. *осенник* 'опенок' Свердл., СРНГ, 23, с. 367);

— экзистенциальный с актуализацией семы 'применение' (ср. *моченик* 'гриб, пригодный только для соления': «Моченики невкусные грибы, их надо мочить, отваривать вовсе не надо», Латв., Литв., СРНГ, 18, с. 318; *отварушка* 'грибы, употребляемые в пищу только после варки' Влад., СРНГ, 24, с. 131; *солонуха* 'гриб, годный для засола' Твер., Даль, IV, с. 268; *сушонок* 'гриб, пригодный для засушивания' ЛАРНГ).

В названиях грибов так же, как и в названиях трав, наблюдается явление лексической и семантической неустойчивости, о чем свидетельствуют, с одной стороны, случаи манифестации одной и той же реалемы разными лексемами, ср., например, названия **белого гриба** *Boletus edulis* L. (ср. *беляк* Симб., Тул., Тамб., СРНГ, 2, с. 239; *боровок* Амур., Урал., СРНГ, 3, с. 108; *глухарь* Твер., Влад., Моск., Урал., СРНГ, 3, с. 214; *дубовик* Новг., СРНГ, 8,

с. 239; *жиловатик* Новг., СРНГ, 9, с. 175; *короватик* Волог., Новг., СРНГ, 14, с. 350; *медведовик* Волог., СРНГ, 18, с. 65; *подосён* Твер., СРНГ, 28, с. 123; *подосиновик* Костром., СРНГ, 28, с. 124 и т. д.), *волнушки* *Lactarius torminosus* (ср. *волвенка* Свердл., Тюмен., Пск., Орл., Курск., Воронеж., Тул., СРНГ, 5, с. 36; *губатка* Волог., СРНГ, 7, с. 193; *желтушка* Ср. Урал., СРНГ, 9, с. 115; *красовуля* Арх., СРНГ, 15, с. 198; *мочажка* Моск., Твер., СРНГ, 18, с. 315; *осинник* Арх., СРНГ, 24, с. 7; *мохнушка* Калин., СРНГ, 18, с. 311 и т. д.), *масленка* *Boletus luteus* L. (ср. *еловик* Урал., СРНГ, 8, с. 344; *желтик* Пск., Влад., Волог., Перм., СРНГ, 9, с. 111; *маслей* Новг., СРНГ, 17, с. 382; *молочник* Арх., СРНГ, с. 245; *подсосник* Моск., Калуж., СРНГ, 28, 191 и т. д.) или *подосиновика* *Boletus versipellis* (ср. *багнюг* СРНГ без указ. места, 2, с. 34; *боровик* Волог., Новг., Яросл., Костром., Твер., Моск., СРНГ, 3, с. 104; *моховик* Урал., СРНГ, 18, с. 311; *красноголовник* Твер., Урал., Иркут., СРНГ, 15, с. 181; *красник* Нижегород., Моск., СРНГ, 15, с. 176; *осинник* Ср. Приобье, Ряз., СРНГ, 24, с. 7; *подосенок* Брян., СРНГ, 28, с. 123; *подосиновец* Яросл., СРНГ, 28, с. 124 и т. д.), а с другой — случай лексической омонимии, т. е. одинаковой лексемной репрезентации разных реалем (ср. *боровик* СРНГ, 3, с. 104: 'рыжик *Lactarius deliciosus*' Твер., Перм., Вят., Олон.; 'козляк *Boletus Bovinus*' Новг., Урал.; 'подосиновик *Boletus versipellis*' Волог., Новг., Яросл., Костром., Твер., Моск.; *обабок* СРНГ, 21, с. 340: 'гриб' Костром., Пск., Волог., Калин., Арх., Свердл., Новосибир.; 'подберезовик' Твер., Петерб., Арх., Волог., Костром., Новг., Пск., Брян., Смол., Влад., Ряз., Вят., Перм., Свердл.; 'белый гриб' Твер., Влад.; 'подосиновик' Вят., Орл., Арх., Перм., Ряз.; 'масленок' Олон., Арх., Иркут.; 'сыроежка' Арх., Вят., Волог., Перм., Свердл., Том., Ср. Приобье; *еловик* СРНГ, 8, с. 344: 'масленок' Урал.; 'груздь' Перм., Ср. Урал.; 'рыжик' Волог., Урал. и т. д.). Исключение представляют лишь названия *мухомора* и *поганки*: требование четкой идентификации этих грибов накладывает запрет на распространение явления лексической омонимии.

Следует, однако, признать, что масштабы этого явления сравнительно невелики, и в целом словообразовательные средства, присоединяемые к одной и той же мотивирующей основе, служат дифференциации различных видов грибов (ср. *беловик* 'белый гриб' Урал., СРНГ, 2, с. 217 и *белянка* 'белая поганка, растущая около белых грибов' Яросл., СРНГ, 2, с. 240; *губатка* 'волнушка' Волог., СРНГ, 7, с. 193 и *губочка* 'сыроежка' Тул., СРНГ, 7, с. 196).

Следует обратить внимание еще на одно явление, особенно ярко выраженное в названиях грибов, — это давление действительности на язык: отсутствие условий для произрастания грибов ведет к их нерасчлененному восприятию (ср., например, ситуацию в ряде говоров Воронежской области, где «грибы имеют только два наименования — *опята*, которые различаются во всех говорах, и все остальные — *белые грибы*» (Черенкова, 1995, с. 102).

Сад

Семантическому пространству «Лес» противостоит семантическая сфера «Сад», имеющая свои особенности как в структурной организации, так и в использовании словообразовательных средств. Прежде всего обращает на себя внимание семантическая нерасчлененность этого участка лексической системы русского языка. Несмотря на то, что общее название сада в диалектах представлено производным именем (ср. *виноград* Смол.; *виноградь* Орл., СРНГ, 4, с. 287–288; *плодник*, *плодовик* Твер., Пск., СРНГ, 27, с. 144; *усадник* Нижн., Даль, IV, с. 510), однако обращение к словообразовательным средствам наблюдается практически лишь в одном случае, когда нужно охарактеризовать сад по преобладающим в нем плодовым деревьям (ср. *вишарник* Пенз., СРНГ, 4, с. 310; *вишник* Дон., Ворон., Курск.; *вишняг* Пск., СРНГ, 4, с. 311 'вишневый сад'; *сливник*, *сливняк* Даль без указ. места, IV, с. 220 'сливовый сад'; *черешник*, *черешенье*, *черешняк* Даль без указ. места, IV, с. 593 'черешневый сад'; *яблонник*, *яблочник* Даль

без указ. места, IV, с. 671 'яблоневого сад'). Все остальные признаки (например, возраст сада, его величина, местоположение, качество произрастающих в нем деревьев), являющиеся предметом объективации в семантической сфере «Лес», оказываются несущественными на этом семантическом участке и потому не актуализируются в словообразовательном акте.

Практически закрыт для словообразования и номинативный участок, связанный с названиями плодовых деревьев, причем как общего названия (ср. единичные производные *плодовка* Горьк., СРНГ, 27, с. 145; *садовина*, *садовка* Даль без указ. места, IV, с. 129), так и видовых названий. Обращение к словообразовательным средствам наблюдается, как правило, в том случае, когда нужно обозначить побеги плодового дерева (ср. *выросток* Исык-Куль, СРНГ, 6, с. 13; *одеток* Курск., СРНГ, 23, с. 19; *отнога* Казан., СРНГ, 24, с. 249; *погонок* Курск., Южн., СРНГ, 27, с. 205) или саженцы (ср. *выгонка* Краснодар., СРНГ, 5, с. 208; *высадка* Брян., СРНГ, 6, с. 16; *иссадок* ЛАРНГ; *саженцы* Даль без указ. места, IV, с. 128). Встречающиеся в диалектах отдельные производные, обозначающие плодовые деревья (ср. *вишенина* Пск.; *вишина* Пск., Ленингр.; *вишник* Курск., Ворон.; *вишняк* Перм., СРНГ, 4, с. 310–311 'вишневое дерево'; *грушаница* Орл.; *грушевка* Ворон.; *грушина* Пск., Смол., Новг., Литв., Латв., Эст., СРНГ, 7, с. 171 'грушевое дерево'; *сливина*, *сливица* Даль без указ. места, IV, с. 220 'сливовое дерево'), возникшие путем расширения непроизводной основы каким-либо суффиксом, являются, по сути дела, субстанциальными образованиями, выполняющими лишь идентифицирующую функцию, поскольку так же, как и их мотивирующие, они «скрывают» свою внутреннюю форму, и появление их в языке связано с давлением языковой системы русских говоров, в частности, с существующей в них тенденцией к мотивированности слова.

Ситуация, однако, в корне меняется, когда нужно обозначить конкретный вид (сорт) дерева (или его плодов), указать на его плодovitость, урожайность. Объективация

этого прагматически важного в хозяйственном отношении признака ведет к необходимости использования словообразовательных средств (ср. *белушка* 'сорт груши, имеющей белесый цвет плода и матово-серый цвет листьев' Брян., СРНГ, 2, с. 229; *длиннохвостка* 'сорт груши, тонковетка' Брян., СРНГ, 8, с. 70; *житовка* 'сорт яблони, плоды которой созревают в период поспевания ржи' Брян., СРНГ, 7, с. 193; *зимница* 'сорт груши, плоды которой созревают поздней осенью' Брян., СРНГ, 11, с. 276; *красавка* 'сорт яблок' Омск., СРНГ, 15, с. 172; *липка* 'сорт некрупных скороспелых яблок с запахом цветущей липы' Пенз., СРНГ, 17, с. 55; *малиновка* 'сорт кисло-сладких яблок' Ворон., Влад., СРНГ, 17, с. 328; *огурцовка* 'сорт красных средней величины яблок' Ворон., СРНГ, 22, с. 367; *плодовитка* 'сорт низкорослой кустистой вишни', СРНГ, без указ. места, 27, с. 145).

Словообразовательные средства используются и при необходимости указать на выродившееся плодовое дерево, ставшее «дичком» (ср., например, названия дикой вишни: *вишница* Свердл., СРНГ, 4, с. 311; *косянка* Калуж., СРНГ, 15, с. 90; *засадиха* Смол., СРНГ, 11, с. 18; дикой яблони: *дикарка* Новг., Ворон., СРНГ, 8, с. 55; *кислица* Курск., Южн., Ворон., Кубан., СРНГ, 13, с. 231; *лесовуха* Моск., СРНГ, 17, с. 11; *дикарек* 'дикая груша' Брян., СРНГ, 8, с. 55).

Интересно, что в названиях плодовых деревьев актуализируется не только качественно-характеризующий, но и локативный признак («место, где был выведен сорт плодового дерева», ср. *Белкино* 'сорт больших и сладких яблок' Твер., СРНГ, 2, с. 215), а также антропонимический («имя садовода, который вывел сорт дерева», ср. *антоновка*, *королёвка*, *шубинка*), что составляет своеобразие этой группы имен.

Практически закрыт для словообразования и номинативный участок, связанный с названиями плодов садовых деревьев: дерево и его плод номинативно не различаются (ср. *антоновка*, *боровинка*, *зиминка*), причем такая же картина наблюдается и в названиях дикорастущих пло-

довых деревьев (ср. *леснина* 'дикая яблоня и ее плод' Моск., СРНГ, 16, с. 372), хотя иногда все-таки встречаются отступления от этого правила (ср. *вишина* 'плод вишни' Пск., СРНГ, 4, с. 311; *грушина* 'плод груши' Пск., Смол., Литв., Латв., Эст., СРНГ, 7, с. 172).

Несколько иная, хотя и близкая, картина наблюдается в названиях плодовых кустарников. Здесь словообразовательные средства привлекаются для образования названий, в которых объективируются чаще всего качественные характеристики плодов кустарников (ср. *деревяшка* Перм., СРНГ, 8, с. 17; *кисленик* Ср. Урал., СРНГ, 13, с. 229; *ледунец* Новг., СРНГ, 16, с. 323 'красная смородина'; *кружалка* Пск., СРНГ, 15, с. 307; *круженик* Ср. Урал., СРНГ, 15, с. 310 'крыжовник'), реже свойства самих кустарников (ср. *дереза* 'облепиха' Ставроп., СРНГ, 8, с. 18; *прутовица* 'красная смородина' ЛАРНГ). Интересно, что при образовании названий сортов плодовых кустарников они практически не используются (ср. единичные *брусалка* 'сорт красной смородины' Волог., СРНГ, 3, с. 204; *барнаулка* 'сорт черной смородины' ЛАРНГ).

Использование словообразовательных средств, хотя и довольно вялое, наблюдается при образовании названий плодов кустарников (ср. *кружовина* 'ягода крыжовника' Пск., СРНГ, 15, с. 309; *малинина* 'ягода малины' Новг., СРНГ, 17, с. 327; *смородка* 'ягода смородины' Даль без указ. места, IV, с. 236). Однако эти названия в большинстве своем воспринимаются как сингулятивы, в связи с чем при их образовании используется такой типичный суффикс «единичности», как =*ин-а*.

Словообразовательные средства, однако, используются в общехарактеризующих названиях плодов, указывающих на их качество (причем чаще всего маркируется отрицательный признак, например, незрелый или опавший плод, ср. *зеленец* Нижегород., Костром., Моск., Волог., Сев.-Двин., Арх., Прикамье, Том., Краснояр., СРНГ, 11, с. 246; *зеленика* Ряз., СРНГ, 11, с. 247; *зельняк* Пск., Твер., СРНГ, 11, с. 254 'незрелый плод' и *зрелец* Арх., СРНГ, 11, с. 348; *наливыш* 'зрелый плод' СРНГ без указ. места, 20,

с. 17; *падунец* 'падалица' Волог., СРНГ, 25, с. 136; *поспевок* 'зрелый плод' Пск., Твер., СРНГ, 30, с. 201) или время созревания (ср. *зимница* 'груша, плоды которой созревают поздней осенью' Брян., СРНГ, 11, с. 276; *первовка* СРНГ без указ. места, 26, с. 9; *скороспелка* Даль без указ. места, IV, с. 205 'ранний, скороспелый плод').

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— качественно-характеризующий (ср. *белушка* 'сорт груши, имеющей белесый цвет плода и матово-серый цвет листьев' Брян., СРНГ, 2, с. 229; *зеленуха* 'незрелый плод' Моск., Яросл., Новг., Новосиб., СРНГ, 11, с. 249; *кисличка* 'облепиха' Новосиб., СРНГ, 13, с. 232; *кисляда* 'красная смородина' Волог., СРНГ, 13, с. 235; *ледянка* 'красная смородина' Новг., СРНГ, 16, с. 325; *пеструха* 'сорт яблок в красную крапинку' Нижегород., 26, с. 318);

— акциональный (ср. *дереза* 'облепиха' Ставроп., СРНГ, 8, с. 18; *лежня* 'сорт русских яблок' Ворон., СРНГ, 16, с. 337; *наливыш* СРНГ без указ. места, 20, с. 17; *поспевка* Твер., СРНГ, 30, с. 201 'зрелый плод'; *навалюшки* 'яблоки, упавшие с дерева' Пск., Твер., СРНГ, 19, с. 149; *падалина* 'опавшие с дерева плоды' СРНГ, без указ. места, 25, с. 116; *падушка* 'опавший плод' Яросл., Забайкал., СРНГ, 25, с. 137);

— реляционный, маркирующий семы 'подобие' (ср. *картовка* 'яблоко' Том., СРНГ, 13, с. 101), 'пространственная смежность' (ср. *вишник* Дон., Ворон., Курск.; *вишняг* Пск., СРНГ, 4, с. 311 'вишневый сад') или 'оценка' (ср. *красавица* Саратов.; *красавка* Омск., СРНГ, 15, с. 172 'сорт яблок');

— темпоральный (ср. *зиминка* 'сорт яблок' Орл., СРНГ, 11, с. 272; *зимница* 'сорт мелких груш, созревающих поздней осенью' Брян., СРНГ, 11, с. 276);

— акторный (ср. *брусалка* 'красная смородина' Волог., СРНГ, 3, с. 204).

Обращение к словообразовательным средствам (и прежде всего к суффиксу =*ник*) наблюдается и при необходимости указать на заросли ягодного кустарника, что ведет

к актуализации семы 'нерасчлененное множество' (ср. *кисличник* Иркут., СРНГ, 13, с. 232; *кислятник* Иркут., Краснояр., Том., Ср. Приобье, СРНГ, 237; *ледунишник* Новг., Твер., СРНГ, 16, с. 323 'заросли красной смородины'; *малинишник* Том., СРНГ, 17, с. 327; *малиннэг* Новг., Пск., Ленингр., Олон., СРНГ, 17, с. 328 'малинник'; *смородник*, *смородняг* Даль без указ. места, IV, с. 237 'заросли черной смородины').

Интересно, что в названиях такой садовой ягоды, как клубника, словообразовательные средства используются более активно (ср. *глубенига* Ср. Урал.; *глубеника* Иркут., Якут., Вост.-Сиб., Енис., Новосиб., Том., Кемер., Перм.; *глубяна* Вят., Перм., Ср. Урал.; *глубянка* Сиб., Заурал., Свердл., Ср. Урал., Перм., Челяб., СРНГ, 6, с. 204–207; *клубеника* Симб., Перм., Урал., Новг.; *клубеница* Костром., Том., СРНГ, 13, с. 309; *круплянига* Нижегород., СРНГ, 15, с. 319 'клубника'). Причем если сопоставить названия лесной и садовой ягоды, то нетрудно заметить, что в названиях земляники актуализируется, как правило, локативный признак (ср. *земница* Олон., СРНГ, 11, с. 261; *лесничка* Орл., Васильченко, 1996; *поземка* Юго-Зап., Пск., СРНГ, 28, с. 332), тогда как в названиях клубники — качественно-характеризующий (ср. *клубенига* Вят., Свердл., Ср. Урал., СРНГ, 13, с. 309) или количественный (ср. *крупника* Казан., СРНГ, 15, с. 320).

Подключение словообразовательных средств наблюдается также при образовании *nomina singulativa* (ср. *клубничина* Калин., СРНГ, 13, с. 310) и *nomina collectiva* (ср. *глубенижник*, *глубенник* Свердл., Ср. Урал., СРНГ, 6, с. 205).

Практически закрыт для словообразования и номинативный участок садовых цветов. При их обозначении в диалектах используются, как правило, описательные конструкции, одним из членов которых является прилагательное со значением цвета (ср. *белый цвет* 'нивяк *Leucanthemum vulgare* L.' Вят., Нижегород., Тамб., Курск., СРНГ, 2, с. 231; *желтый лютик* 'наперстянка *Digitalis ambigua* L.' Перм., СРНГ, 9, с. 116; *желтый цвет* 'лютик *Ranunculus Liaqua* L.' Костром., СРНГ, 9, с. 117; *красные*

голубки 'садовые колокольчики, аквилегия *Aquilegia vulgaris* L.' Южн., Ворон., Курск., Тул., Ряз., Смол., Влад., Казан., СРНГ, 15, с. 190; *красные цветки* 'гвоздика травянка *Dianthus deltoides* L.' Курск., СРНГ, 15, с. 193; *лазорец цвет* 'мальва' Ворон., ЛАРНГ; *ромашка голубая* 'астра *Aster amellus* L.' Ворон., СРНГ, 6, с. 340). И лишь изредка встречаются однословные производные наименования (ср. *голубудка* 'незабудка' Амур., СРНГ, 6, с. 341; *жарки* 'циния' Дон., СРНГ, 9, с. 79; *красавица* 'анютины глазки *Viola tricolor*' Казан., СРНГ, 15, с. 172).

Огород

Номинативный участок «Огород», в отличие от названий сада, обладает большей семантической расчлененностью. Обращение к словообразовательным средствам наблюдается не только при образовании общего названия огорода (ср. *загорода* Печор., Яросл., Новг., Арх., СРНГ, 10, с. 22; *овощник* Вят., Калуж., Курск., Орл., Брян., Ряз., Моск., СРНГ, 22, с. 301; *огорода* Арх.; *огородец* Арх., Волог., Сев.-Двин., Ленингр., Вят., Перм., Тюмен., СРНГ, 22, с. 347; *огородовье* Пск., СРНГ, 22, с. 349), но и при образовании конкретизирующих имен, указывающих, в частности, на:

— расположение огорода, его местоположение, например, в степи, на берегу реки, в поле или около дома (ср. *водяник* 'огород, находящийся возле водоема' Волог., СРНГ, 4, с. 349; *загуменник* Иван.; *загуменок* Пск., Твер., СРНГ, 10, с. 36 'огород позади гумна'; *задворок* Твер., Новг., Олон., Арх., Ленингр., Пск., Костром., Орл., СРНГ, 10, с. 47; *издворок* Пск., СРНГ, 12, с. 126; *одворок* Новг.; *одворье* Арх., Калинин., СРНГ, 23, с. 7; *оселица* Смол., Самар., СРНГ, 23, с. 363 'огород при доме'; *подворник* 'огород на приусадебном участке' Южн. Урал., СРНГ, 27, с. 366);

— выращиваемые или выращенные и уже убранные культуры (ср. *капустник* 'огород, где посажены разные овощи' Тамб., Калинин., Волог., Онеж., Беломор., Олон.,

Арх., Сиб., Tobол., СРНГ, 13, с. 60; *огуречник* 'участок огорода под огурцами' Ворон., Курск., Калинин., Свердлов., Tobол., Новосибир., СРНГ, 22, с. 365; *помидорник* 'место в огороде, где выращиваются помидоры' Свердлов., СРНГ, 22, с. 222);

— величину огорода (ср. *загородка* 'маленький огородик возле дома' Олон., СРНГ, 10, с. 23; *огородец*, *огородушко* Волог., Пск., СРНГ, 22, с. 349 'небольшой огород');

— его устройство (ср. названия грядок: *лешка* 'маленькая грядка' Волог., СРНГ, 17, с. 34 < *лешишь* 'делить пашню на лехи, т. е. полосы, гряды'; *огородец* Волог., СРНГ, 22, с. 347; *рядина* Даль без указ. места, IV, с. 124; или дорожек между грядками: *грядовьё* Пск., Твер., СРНГ, 7, с. 187; *межигрядка* Пск., Твер.; *межигрядок* Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 87; *межрядок* ЛАРНГ; *промежек* Даль без указ. места, III, с. 495).

При образовании этих имен актуализируются в основном следующие признаки:

— локативный (ср. *загуменье* 'огород позади гумна' Пск., Твер., Новг., Арх., Беломор., Влад., Краснояр., Байкал., СРНГ, 10, с. 37; *задворье* Арх., Влад., Пск., Перм., Олон., Волог., Твер., Курск., Свердлов., СРНГ, 10, с. 47; *одворина* Ленингр., Калинин., СРНГ, 23, с. 7 'огород при доме');

— реляционный, маркирующий сему 'пространственная смежность' (ср. *картовница* 'грядка, на которой посажен картофель' Свердлов., СРНГ, 13, с. 101; *морковник* 'участок огорода, засеянный морковью' Ворон., СРНГ, 18, с. 265; *овощник* 'огород' Калуж., Курск., Орл., Брян., Вят., Ряз., Моск., СРНГ, 22, с. 301; *помидорник* 'место в огороде, где выращиваются помидоры' Свердлов., СРНГ, 22, с. 222);

— акторный (ср. общее название огорода: *забор* Урал., СРНГ, 9, с. 276; *загон* Куйбыш., СРНГ, 10, с. 18; *загород* Яросл., Олон., СРНГ, 10, с. 22; *огородок* Калинин., СРНГ, 22, с. 349);

— квантитативный, маркирующий сему 'величина' (*загородка* 'маленький огородик возле дома' Олон., СРНГ, 10, с. 23).

Активное использование словообразовательных средств наблюдается и при образовании общего названия овощей (напомним, что в названиях фруктов подобные однослов-

ные наименования практически не встречаются, ср. *огоро́дина* Курск., Орл., Тул., Калуж., Кубан., Зап. Брян., Влад., Перм., Арх., Новосиб., Иркут., СРНГ, 22, с. 347; *огоро́дня* Пск., Твер., СРНГ, 22, с. 349; *обилье* Пск., Калинин., СРНГ, 22, с. 63), а также их частей, в частности, стебля, листьев, ботвы огородных растений (ср. названия ботвы: кроме общего названия с суффиксальным расширителем *ботвинье* Яросл., СРНГ, 3, 134; *ботовье* Пск., Твер., СРНГ, 3, с. 138, в диалектах представлены следующие производные имена: *витвина* Вят., Новг., Арх., Ср. Урал., СРНГ, 4, с. 299; *летвина* Свердл.; *летвинье* СРНГ без указ. места, 17, с. 16; *летина* Костром., Волог., Арх., Свердл., Яросл., СРНГ, 17, с. 16; *листвина* Нижегород.; *листвяна* Влад., СРНГ, 17, с. 64–65; *мякина* Пск., Твер., Арх., Перм., Свердл., Новг., Ср. Урал., Челяб., Сиб., СРНГ, 19, с. 77; *плетка* Яросл., Костром., Моск., Ряз., Курск., Иркут., СРНГ, 27, с. 127 или листьев: *листовье* Ленингр., Арх.; *листовья* Арх., СРНГ, 17, с. 67). При этом в диалектах существуют не только эти общие названия, но и видовые, относящиеся к конкретной овощной культуре, в которых с помощью словообразовательных средств актуализируется чаще всего посессивный признак (ср., например, названия ботвы картофеля: *бульбетник* Свердл.; *бульбовник* Пск., Смол., СРНГ, 3, с. 274; *картовина* Ср. Урал.; *картовник* Перм., Ср. Урал., Волог., Калинин., СРНГ, 13, с. 100–101; *картофелина* Свердл.; *картофельник* Смол., Челяб., Свердл., Латв.; *картофище* Свердл.; *картофляник* Литв., Латв., Свердл., Пск., Смол., СРНГ, 13, с. 103–104; *картошечник* Новосиб., Моск.; *картошник* Калуж., Брян., Ворон., Курск., Южн. Урал., СРНГ, 13, с. 105–106; ботвы моркови: *борканник* Пск., Твер., Латв., Литв.; *борканница* Новг., Пск., Твер., СРНГ, 3, с. 100; *морковник* Ряз.; *морковница* Волог., СРНГ, 18, с. 265–266; ботвы свеклы: *бурачник* Смол.; *бурачнице* Великолукск., СРНГ, 3, с. 281–282; *свекловичник*, *свекольник* Даль без указ. места, IV, с. 146; ботвы брюквы: *брюквошник* Зап.; *брюковница* Волог., СРНГ, 3, с. 222; огуречной ботвы: *огуречина* Пск., Свердл., Урал.; *огуречнице* Калинин., Волог., СРНГ, 22, с. 365;

стеблей гороха: *горохва* Свердл.; *горохвина* Орл., Великолукск., Ср. Урал.; *горохина* Ср. Урал.; *гороховина* Пск., Твер., Костром., Арх., Волог.; *гороховица* Волог., Ср. Урал., Нижегород.; *гороховница* Великолукск., Ср. Урал., Свердл., СРНГ, 7, с. 66–68 и т. д.). Нельзя, однако, не признать, что эта закономерность распространяется далеко не на все огородные культуры, так как существуют и такие, которые не имеют подобных названий, например, помидоры, тыква, кабачок, фасоль, лук, чеснок и др.

Словообразовательные средства участвуют и в образовании названий других частей огородных растений, а именно: головки лука или чеснока (ср. *луковина* Пск., Смол., Зап., Брян.; *луковичина* Пск., Твер., СРНГ, 17, с. 189–190 'головка лука'; *маковица* Костром.; *маковка* Орл., Костром., Арх., СРНГ, 17, с. 311–312 'головка лука, чеснока'; *чесноковка*, *чесночина* Даль без указ. места, IV, с. 599 'головка чеснока'), пера лука (ср. *лучина* Пск., Твер., Ленингр., СРНГ, 17, с. 210; *лучинина* ЛАРНГ), кочана капусты (ср. *вилак* Яросл., СРНГ, 4, с. 280; *клубень* Новг., Ленингр., СРНГ, 13, с. 309; *клубок* Новг., Калинин., Яросл., Арх., СРНГ, 13, с. 311; *лобан* Петерб., СРНГ, 17, с. 94), ствола капусты, *кочерыжки* (ср. *кочень* Киров., Костром., Новг., Яросл., Перм., Астрах., Свердл., Курган., Том., Кемер., Иркут., СРНГ, 15, с. 125; *кочешок* Нижегород., Влад., Смол., Тобол.; *кочишка* Свердл., СРНГ, 15, с. 132–133), завязи огурцов (ср. *зародок* Литв., Эст., Пск., Краснояр.; *зародуха* Брян.; *зародушек* Калуж., СРНГ, 10, с. 387; *облупыш* СРНГ без указ. места, 22, с. 112) или их плетей (ср. *плетина* Твер.; *плетка* Тул., Ряз., Моск., Орл., Урал., СРНГ, 27, с. 126–127), стеблей (ср. *летвинья* Челяб., СРНГ, 17, с. 16; *мякина* Свердл., Иркут., СРНГ, 19, с. 77), корнеплодов, особенно используемых для посадки (ср. *садовка*, *садовица*, *саженка* Даль без указ. места, IV, с. 127; *семенник*, *сеянка* Даль без указ. места, IV, с. 378), *кожуры* огородных растений (ср. *кожух* Свердл., Ср. Урал.; *кожурин* Костром., Калинин.; *кожурка* Чкал., СРНГ, 14, с. 53–54; *коржула* Влад., Моск.; *коржупа* Пенз., Влад., СРНГ, 14, с. 330; *коринка* Волог.; *корка* Вят., СРНГ, 14, с. 332–333).

Во всех этих названиях объективируются чаще всего следующие признаки:

— реляционный, с актуализацией семы 'принадлежность' (ср. *картовница* 'ботва картофеля' Арх., Свердл., СРНГ, 13, с. 101; *огуречник* 'огуречная ботва' Пск., Твер., Волог., Ленингр., Ворон., Ср. Урал.; СРНГ, 22, с. 365), а также семы 'подобие' (ср. *перышки* 'перо лука' Костром., СРНГ, 26, с. 299; *пирожок* 'стручок гороха' ЛАРНГ);

— партитивный (ср. *луковина* 'головка лука' Пск., Смол., Зап., Брян., СРНГ, 17, с. 189; *лучина* 'перо лука' Пск., Смол., Твер., СРНГ, 17, с. 210);

— акциональный (ср. *вилюк* 'кочан капусты' Тул., СРНГ, 4, с. 284; *зародух* 'завязь' Ряз., Калуж., СРНГ, 10, с. 387; *плетка* 'ботва' Яросл., Костром., Моск., Ряз., Курск., Иркут., СРНГ, 27, с. 127).

Значительно реже встречаются качественно-характеризующий (ср. *мякина* 'ботва' Пск., Твер., Арх., Перм., Свердл., Новг., Ср. Урал., Челяб., Сиб., СРНГ, 19, с. 77) и акторный признаки (ср. *нагрызень* 'кочерыжка' Новг., СРНГ, 19, с. 217).

Подключение словообразовательных средств происходит и при необходимости указать на время (или срок) созревания овощей (ср. *озимовка* Курск., Ворон., СРНГ, 23, с. 94; *позднушка* СРНГ без указ. места, 28, с. 327; *поздняк* Пск., Смол., СРНГ, 28, с. 327; *поздыш* Иркут., СРНГ, 28, с. 331 'поздно созревающие овощи'; *первовка* СРНГ без указ. места, 26, с. 9; *скороспелка* Даль без указ. места, IV, с. 205 'ранние овощи'; *сорокодневка* 'сорт картофеля' ЛАРНГ), их качество (ср. *мерзлятина* Пск., Твер., Смол., Ленингр.; *мерзлячье* Зап. Брян., СРНГ, 18, с. 118; *морозобой* Арх., СРНГ, 18, с. 271 'овощи, поврежденные морозом'), спелость (ср. *дозрелок* Пск., Смол., СРНГ, 8, с. 95; *зрелец* Арх., СРНГ, 11, с. 348 'зрелый плод'; *зеленец* Нижегород., Костром., Моск., Волог., Сев.-Двин., Арх., Прикамье, Том., Краснояр., СРНГ, 11, с. 246; *зеленчак* Казан.; *зеленчук* Куйбыш., СРНГ, 11, с. 250; *зельняк* Пск., Твер., СРНГ, 11, с. 254; *недородыш* Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 29; *недоспелка* Пск.; *недоспелок* Пск., СРНГ, 21, с. 31; *недо-*

ходыш Пск., СРНГ, 21, с. 36 'незрелый плод'), а также при образовании общеоценочных названий, особенно овощей, которые дали плохой урожай (ср. *недорода* Нижегород.; *недородыш* Яросл., СРНГ, 21, с. 29).

В то же время номинативный участок, репрезентирующий сами названия огородных культур, практически закрыт для словообразования. Встречающиеся иногда в диалектах производные наименования от литературных названий овощных культур (типа *капустица* Пск., СРНГ, 13, с. 59; *картовка* Перм., Арх., Олон., Ленингр., Новг., Урал., Сиб., СРНГ, 13, 101; *моркошка* Ленингр., Новг., Твер., Моск., Ряз., Яросл., Влад., Вят., Урал., СРНГ, 18, с. 267; *репник* Даль без указ. места, IV, с. 122; *укропина* Даль без указ. места, IV, с. 485) являются субстанциальными образованиями, выполняющими благодаря суффиксальному расширению соответствующих литературных слов идентифицирующую функцию. Лишь иногда встречаются исключения в названиях отдельных культур (ср. названия *брюквы*: *грызуха* Смол., СРНГ, 7, с. 179; *желтуха* Костром., Ср. Урал., СРНГ, 9, с. 114; *земнуха* Онеж., СРНГ, 7, с. 262; *зямянуха* Арх., СРНГ, с. 260; *паренуха* Новг., СРНГ, 25, с. 223 или картофеля: *гулёна* Нижегород., Костром., Вят., СРНГ, 7, с. 214; *земняк* Южн., Зап., СРНГ, 7, с. 262; *яблочница* Сев., Вост., Даль, IV, с. 671 и т. д.).

Словообразовательные средства, однако, включаются в акт номинации, когда необходимо обозначить сорт какого-либо вида огородного растения (ср. *балканец* Костром., СРНГ, 2, с. 82; *бухарка* Калуж., Ряз., СРНГ, 3, с. 320; *великанка* Ленингр., Ряз., СРНГ, 4, с. 107; *корневка* Кемер., Ср. Приобье, СРНГ, 14, с. 316; *корневка* Том., СРНГ, 14, с. 341; *мериканка* Том., Ср. Приобье, Костром., Литв., СРНГ, 18, с. 118; *нецветушка* Том., СРНГ, 21, с. 205 'сорта картофеля'; *коломенка* Яросл., СРНГ, 14, с. 169; *кудряшка* Кемер., СРНГ, 16, с. 16; *курчавка* Новосибир., СРНГ, 16, с. 148 'сорта капусты'; *немка* 'сорт брюквы' Яросл., Калинин., Смол., Ряз., Калуж., Горьк., Ср. Урал., Вят., Орл., СРНГ, 21, с. 81; *зеленец* 'сорт лука' Кемер., СРНГ, 11, с. 246; *белогубка* 'сорт круглых огурцов с плоскими белы-

ми ребрышками у верхушки' Моск., СРНГ, 2, с. 219; *бобовина* 'горошек кормовой' СРНГ без указ. места, 3, с. 36; *ботвинка* 'столовая свекла' Латв., СРНГ, 3, с. 134).

Обращение к словообразовательным средствам наблюдается и при актуализации эмоционально-экспрессивной оценки, в частности, при образовании деминутивов (ср. *борканинка* Литв., Эст.; *борканька* Новг. ум.-ласк. к боркан 'морковь' СРНГ, 3, с. 100; *бурачок* ум.-ласк. к бурак 'свекла' Курск., Эст., СРНГ, 3, с. 282; *горохвинка* ум.-ласк. к горохвина 'горох' Смол., СРНГ, 7, с. 66; *горошенька* ум.-ласк. к горох Пск., Нижегород., СРНГ, 7, с. 69; *картожечка* Ворон., СРНГ, 13, с. 102; *картофинка* Новг., Ленингр., Влад., СРНГ, 13, с. 104 ум.-ласк. к картофель) и аугментативов (ср. *бульбища*, *бурачище*, *огуречище* Азарх, 1993)).

В целом в этой семантической группе имен предметом актуализации являются в основном следующие признаки:

— качественно-характеризующий (ср. *желтух* 'переспевший огурец' Курск., СРНГ, 9, с. 113; *желтуха* 'брюква' Костром., Ср. Урал., СРНГ, 9, с. 114; *зеленец* 'незрелый плод' Нижегород., Костром., Моск., Волог., Сев.-Двин., Арх., Прикамье, Том., Краснояр., СРНГ, 11, с. 246; *коротень* 'морковь коротель' Свердл., СРНГ, 13, с. 97; *кудряшка* 'сорт капусты' Кемер., СРНГ, 16, с. 16; *курчавка* 'капуста с толстыми загибающимися листьями' Новосиб., СРНГ, 16, с. 148);

— акциональный (ср. *гулёна* 'картофель' Нижегород., Костром., Вят., СРНГ, 7, с. 214; *недозрелок* Пск., СРНГ, 21, с. 31; *недородыш* Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 29; *недоходыш* Пск., СРНГ, 21, с. 36 'незрелый плод');

— квантитативный, маркирующий семы 'нерасчлененное множество' (ср. *борканьё* собир. 'морковь' Петерб., СРНГ, 3, с. 100; *картовьё* собир. 'картофель' Том., Костром., Пск., СРНГ, 13, с. 102; *клубеньё* собир. 'кочаны капусты' Новг., СРНГ, 13, с. 310; *кочанье* собир. 'капуста' Смол., Пск., СРНГ, 15, с. 123) и 'единичность' (ср. *бобинина* 'одно зерно боба' Пск., Твер., СРНГ, 3, с. 85; *гороховина* 'горошина' Пск., Твер., Перм., Сиб., Арх., СРНГ, 7, с. 67; *картофина* 'одна картофелина' Пск., Арх., Калинин.,

Ленингр., Влад., Моск., СРНГ, 13, с. 104; *морквина* 'одна морковь' Пск., Смол., СРНГ, 18, с. 264).

Значительно реже актуализируются акторный (ср. *грызуха* 'брюква' Смол., СРНГ, 7, с. 179), локативный (ср. *зямлянуха* 'брюква' Арх., СРНГ, с. 260; *земняк* 'картофель' Южн., Зап., СРНГ, 7, с. 262; *коломенка* 'сорт капусты' Яросл., СРНГ, 14, с. 169) и экзистенциальный признак, маркирующий сему 'приготовление' (ср. *паренуха* 'брюква' Новг., СРНГ, 25, с. 223).

Поле

По-иному, семантически и деривационно, организован номинативный участок, связанный с названиями растений промышленного значения, в том числе злаковых культур.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в диалектах общее название поля представлено, как правило, непроизводным именем (ср. единичные дериваты *полевина* Арх., СРНГ, 29, с. 47; *полевщина* Смол., СРНГ, 29, с. 53, являющиеся лишь суффиксальными расширителями непроизводного имени), зато имеется множество производных, обозначающих распаханную землю, *пашню* (ср. *вспашь* ЛАРНГ; *запашка* Ленингр., Яросл., Калуж., Новг., СРНГ, 10, с. 307; *оранина* Сиб., Свердл.; *оранка* Новорос., СРНГ, 23, с. 328; *пахань* Смол., СРНГ, 25, с. 286; *пахонь* Вят., СРНГ, 25, с. 293; *пахотина* Перм., СРНГ, 25, с. 294; *пашнина* Костром., Яросл., СРНГ, 25, с. 307; *позем* Вост., Калин., СРНГ, 28, с. 331; *распашек* Даль без указ. места, IV, с. 66), как, впрочем, и землю давно не паханную, *залежь*, *целину* (ср. *загон* Иркут., Якут., СРНГ, 10, с. 18; *материна* Перм., Заурал., СРНГ, 18, с. 24; *непах* Южн. Урал.; *непахотина* Свердл.; *непахоть* Влад., Ряз., СРНГ, 21, с. 108; *непашка* Урал., Горьк.; *непашь* Горьк., Саратов., Ряз., СРНГ, 21, с. 108; *новина* Арх., СРНГ, 21, с. 254; *степнина* Даль без указ. места, IV, с. 322; *целик*, *целяк* Даль без указ. места, IV, с. 577).

Использование словообразовательных средств наблюдается также в именах, дающих общую характеристику поля, в частности:

— его рельефа, ср., например, названия ровного поля (*гладун* Арх., СРНГ, 6, с. 180) или холмистого поля (*гривки* ЛАРНГ), формы (ср. *длинник* 'длинное узкое поле' Волог., Тамб., Ворон., Тул., Курск., Орл., СРНГ, 8, с. 69; *кругляк* 'участок земли квадратной формы' Калуж., 15, с. 302; *круглявка* Новг., СРНГ, 15, с. 301; *круговик* Том., Иркут., СРНГ, 15, с. 303 'поле округлой формы'; *огибель* 'участок поля, имеющий выпуклую, округлую форму' Олон., СРНГ, 22, с. 314);

— урожайности (ср. *заувей*, *заувея* Вост., Волог., СРНГ, 11, с. 125; *зувей* Вост.; *зувея* Яросл., СРНГ, 12, с. 18–19 'поле, где плохо родится хлеб'; *заморина* Арх., СРНГ, 10, с. 256; *яблина* Влад.; *яблуха* КАССР, СРНГ, 12, с. 147; *мерзлятина* Пск., СРНГ, 18, с. 118 'поле, где вымерзают посевы'; *захлесть* 'поле, плохо обогреваемое солнцем, находящееся в тени' Оренб., СРНГ, 11, с. 151; *вымоки* Влад., СРНГ, 5, с. 313; *вымочка* Калуж., Костром., СРНГ, 5, с. 315; *замока* Волог., СРНГ, 10, с. 251; *замочка* Волог., СРНГ, 10, с. 259 'низменная часть поля, где задерживается вода и вымокают посевы' Яросл., СРНГ, 10, с. 254; *мочажина* 'поле, где вымокают посевы' Свердл., Киров., Южн. Урал., СРНГ, 18, с. 315);

— происхождения (ср., например, названия поля на месте поваленного или выжженного леса: *валок* Нижегород., Волог., СРНГ, 4, с. 29; *выжига* Яросл., СРНГ, 5, с. 279; *дерюга* Волог., СРНГ, 8, с. 28; *драка* Волог., Яросл., СРНГ, 8, с. 170; *зачисток* Костром., СРНГ, 11, с. 179; *новина* Арх., Перм., Беломор., СРНГ, 21, с. 253; *ораница* СРНГ без указ. места, 23, с. 328; *паленина* Арх., Онеж., Волог., Киров., Том., Краснояр.; *паленище* Яросл., Перм., СРНГ, 25, с. 166; *пальник* Волог., СРНГ, 25, с. 180; с конкретизацией, какого именно леса: *березник* 'пашня, разработанная на месте березового леса' Арх., СРНГ, 2, с. 252);

— местоположения (ср. названия поля около селения: *всполье* Твер., Арх., СРНГ, 5, с. 210; *ободворина* Волог.,

Яросл., Арх.; *ободворица* Яросл., Волог., Краснояр., СРНГ, 22, с. 154; *ополица* Яросл., Пск., СРНГ, 23, с. 275; или поля вдали от селения: *загон* Курск., СРНГ, 10, с. 18; *заполек* Арх., Ленингр., Пск., СРНГ, 10, с. 337; *заимка* Север., СРНГ, 10, с. 104; *займище* Сев.-Двин., СРНГ, 10, с. 107; *заплешина*, *заплешье* Пск., СРНГ, 10, с. 328; *обрез* Пск., СРНГ, 22, с. 199; *околица* Перм., СРНГ, 23, с. 139; поля за гумном: *загумёнок* Пск., Твер.; *загумка* Нижегород., СРНГ, 10, с. 37);

— времени вспашки или засева поля (ср. *осенина* 'поле, вспаханное осенью' Амур., СРНГ, 23, с. 366; *вешница* 'поле, вспаханное для посева ярового хлеба' Орл., Калуж., СРНГ, 4, с. 224).

Интересно, что для русского языкового сознания является чрезвычайно важным не столько обозначение засеянного поля, о чем красноречиво говорит достаточно вялое использование словообразовательных средств в общем названии засеянного поля (ср. единичные дериваты: *загон* Дон., Рост., Терск., Кубан., Ворон., Калуж., СРНГ, 10, с. 18; *попашка* Пск., Твер., СРНГ, 29, с. 300, хотя в его видовых названиях они все-таки участвуют, ср. *гороховище* 'поле засеянное горохом' Волог., Перм., Сиб., СРНГ, 7, с. 68; *житнище* 'поле, засеянное ячменем' Новг., СРНГ, 9, с. 192; *жнивка* 'поле, засеянное рожью' Арх., СРНГ, 9, с. 210; *картофляник* 'поле, засаженное картофелем' Пск., Смол., СРНГ, 13, с. 104; *коноплик* 'поле, засеянное коноплей' Пск., Твер., СРНГ, 14, с. 266; *льнище* 'поле, засеянное льном' Арх., Новг., Волог., Вят., Калинин., Калуж., Ср. Урал., СРНГ, 17, с. 231; *овсище* 'поле, засеянное овсом' Челяб., Перм., Киров., Калинин., Пск., Смол., СРНГ, 22, с. 303), сколько сжатого, о чем свидетельствует не только наличие многочисленных дериватов общего названия сжатого поля (ср. *жатвина* Арх., СРНГ, 9, с. 86; *жневень* Брян.; *жневьё* Тул.; *жней* Моск., СРНГ, 9, с. 209; *жница* Сиб., Том., Хабар., Перм., Сев.-Двин., Яросл., Волог.; *жнивенья* Твер., Ряз., Ворон.; *жнивище* Том., Твер., Петерб., Моск., Смол., Калуж., Южн., Перм.; *жнивник* Ряз., СРНГ, 9, с. 210; *жниво* Моск., Яросл., Волог., Ряз., Дон., Киров.,

Урал., Иркут.; *жнивье* Курск., Пск., Новг., Твер., Том., СРНГ, 9, с. 211; *жнитва* Пск., Новг., Петерб., Твер., СРНГ, 9, с. 212; *пожинки* Арх., Перм., СРНГ, 28, с. 296 и т. д.), но и наличие множества видовых, конкретизирующих его производных имен, обозначающих поле, с которого убрана та или иная сельскохозяйственная культура (ср. *бурачье* 'поле с которого убрана свекла' Курск., СРНГ, 3, с. 282; *гороховище* 'поле с которого убран горох' Пск., Твер., Новг., Арх., Ср. Урал., СРНГ, 7, с. 68; *гречанье* Тамб., Курск.; *гречевище* Том.; *гречушище* Челяб., Свердл.; *гречье* Курск., СРНГ, 7, с. 136–138 'поле, с которого убрана гречиха'; *льнивище* Калин.; *льнищице* Брян.; *льнище* Ряз., Смол., Твер., Калин., Новг., Пск., Петерб., Олон., Волог., Костром., Сиб.; *льнянище* Калин., Пск., Новосиб., СРНГ, 17, с. 230–231; *подленище* Киров., СРНГ, 28, с. 62 'поле, с которого убран лен'; *овсище* Петрогр., Чкал., Новосиб., Ср. Урал., Курган., Свердл., Перм., Тобол., Том., Иркут., Киров., Волог., Пск., Новг., Калин., СРНГ, 22, с. 303; *овсяница* Моск., Калин.; *овсяничник* Том.; *овсянье* Курск., Орл., Тамб., Ряз., Моск., Том., СРНГ, 22, с. 304–305 'поле с которого убран овес'; *оржаница* Тамб., Моск.; *оржанище* Калин., Моск., Ряз., Орл., Краснояр., Пск., Новг., Смол., СРНГ, 23, с. 341; *ржанище*, *ржище*, *ржевник* Даль без указ. места, IV, с. 101 'поле, с которого убрана рожь'; *пашеничище* 'поле с которого убрана пшеница' Том., Кемер., Смол., СРНГ, 25, с. 304 и т. д.).

Интересно отметить, что маркируется также и незасеянный участок поля (ср. *выпадок* Пск.; *выпадина* Влад., СРНГ, 5, с. 322; *недосей* Пск.; *недосевка* Яросл.; *недосевок* Пск., Твер., СРНГ, 21, с. 30; *обсева* 'пропущенное при посеве место на пашне, обсев' Ряз., Калин., СРНГ, 22, с. 229).

В названиях поля с помощью словообразовательных средств актуализируются, как правило, следующие признаки:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *голызина* 'ничем не занятый или не охваченный при обработке участок поля' Рост., СРНГ, 6, с. 345; *кружовина* 'поле округлой формы' Калуж., Ср. Урал., СРНГ, 15, с. 309;

мочажина 'поле, где вымокают посевы' Свердлов., Киров., Южн. Урал., СРНГ, 18, с. 315; *мякоть* 'мягкое, хорошо обработанное поле' Челябин., Моск., СРНГ, 19, с. 80; *новка* 'пашня, распаханная впервые' Брян., СРНГ, 21, с. 255; *степнина* 'целина' Даль без указ. места, IV, с. 577);

— акторный (ср. *валок* 'вырубленное и расчищенное для пашни место в лесу' Нижегород., Волог., СРНГ, 4, с. 29; *жатье* 'сжатое поле' Арх., СРНГ, 9, с. 87; *обсевка* 'пропущенное при посеве место на пашне' Калинин., СРНГ, 22, с. 229; *ораница* 'распаханная земля' Новг., Олон., Сев.-Двин., Петерб., СРНГ, 23, с. 328; *пальник* 'поле в лесу, на котором выжжен кустарник для удобрения золой' Волог., СРНГ, 25, с. 180; *паханина* 'пашня' Вят., Киров., Арх., Перм., Ворон., Дон., СРНГ, 25, с. 286);

— реляционный с актуализацией семы 'пространственная смежность' (ср. *березник* 'пашня, разработанная на месте березового леса' Арх., СРНГ, 2, с. 252; *гречушище* 'поле, с которого убрана гречиха' Челябин., Свердлов., СРНГ, 7, с. 137; *картофельник* 'поле, засаженное картофелем' Арх., Калинин., Костром., СРНГ, 13, с. 103; *ленник* 'поле, засеянное льном' Киров., Перм., СРНГ, 16, с. 354; *льнянище* 'поле, с которого убран лен' Калинин., Пск., Новосиб., СРНГ, 17, с. 231; *овсяница* 'поле с которого убран овес' Моск., Калинин.; СРНГ, 22, с. 305; *оржанище* 'поле, с которого убрана рожь' Калинин., Моск., Ряз., Орл., Краснояр., Пск., Новг., Смол., СРНГ, 23, с. 341; *подсолнище* 'поле, с которого убран подсолнечник' Саратов., СРНГ, 28, с. 189);

— локативный (ср. *загумёнок* 'поле за гумном' Пск., Твер., СРНГ, 10, с. 37; *заполек* 'дальняя пашня' Арх., Ленингр., Пск., СРНГ, 10, с. 337; *ободворина* 'поле, расположенное сразу за селением' Волог., Ярослав., Арх., СРНГ, 22, с. 154);

— темпоральный (ср. *осенина* Амур., СРНГ, 23, с. 366; *осенчина* Ленингр., СРНГ, 23, с. 369 'поле, вспаханное осенью').

Что касается названий сельскохозяйственных культур, то здесь словообразовательные средства используются довольно вяло (ср. *дикуша* 'гречиха' Пенз., Симб., Ниже-

гор., Саратов., Влад., Самар., Пск., Иркут., Амур., СРНГ, 8, с. 64; *колосовка* 'рожь' СРНГ без указ. места, 14, с. 176; *подсолник* Свердлов.; *подсолнуш* Иркут., СРНГ, 28, с. 189 'подсолнечник'; *суржанка*, *суржанок* 'рожь с пшеницей' Курск., Орл., Даль IV, с. 362). Чаще всего встречаются идентифицирующие названия, возникшие путем аффиксального расширения соответствующих литературных лексем (ср. *овсиц* Перм.; *овсина* Твер., Влад., СРНГ, 22, с. 303 'овес'; *конопляна* 'конопля' Краснояр., СРНГ, 14, с. 266).

Подключение словообразовательных средств происходит главным образом при образовании характеризирующих названий, когда нужно обозначить:

— сорта сельскохозяйственных культур (ср., например, 'сорта пшеницы': *белоколоска* Нижегород., Перм., Тюмен., Свердлов., Том., СРНГ, 2, с. 220; *белокурка* Том., СРНГ, 2, с. 221; *булгарка* Дон., СРНГ, 3, с. 268; *бухарка* СРНГ без указ. места, 3, с. 320; *кособрюховка* Ставроп., СРНГ, 15, с. 62; *кубанка* СРНГ без указ. места, 17, с. 328; *малиновка* Ставроп., СРНГ, 17, с. 328; *усатка* Даль без указ. места, IV, с. 517; или 'сорта льна': *головняк* Новосиб., СРНГ, 6, с. 311; *долгун* Ср. Урал., СРНГ, 8, с. 109; *кудряш* Новосиб., Ряз., Калинин., СРНГ, 16, с. 15; *коротень* Моск., СРНГ, 14, с. 368);

— время их посева (ср. *весновка* 'яровой хлеб' Том., Кемер., СРНГ, 4, с. 185; *зимка* Латв., СРНГ, 11, с. 272; *зимнина* Моск., СРНГ, 11, с. 275; *озимина* Смол., Южн. Урал., Горьк., Моск.; *озимка* Горьк., Калинин., Ворон., Кемер., Брян., Новосиб., СРНГ, 23, с. 93 'озимый хлеб'; *летка* 'яровой хлеб' Латв., СРНГ, 17, с. 17; *озиморожь* Влад., СРНГ, 23, с. 94; *озимок* Арх., СРНГ, 23, с. 94 'озимая рожь');

— их всходы, номинативный участок, закрытый для словообразования в названиях огородных культур (ср. *всходник* СРНГ без указ. места, 5, с. 221; *выход* Смол., СРНГ, 6, с. 52; *зеленка* Ср. Урал., Краснояр., СРНГ, 11, с. 248; *зеленья* Терск., СРНГ, 11, с. 251; *молодизна* Твер., СРНГ, 18, с. 223; *подгон* Новосиб., СРНГ, 27, с. 377; *подзимун* Иван., СРНГ, 28, с. 18 'всходы зерновых', причем не только общие названия, но и конкретизирующие, ср. *вспрыски* 'всходы

льна' Новг., Пск., СРНГ, 5, с. 211; *озель* 'осенние всходы ржи' Калинин., СРНГ, 23, с. 89) и т. д.

Использование словообразовательных средств (хотя и более вялое, чем в названиях огородных культур) происходит и при образовании названий частей растений, в частности, *стебля* (ср. *житина* 'стебель ячменя' Ленингр., СРНГ, 9, с. 190; *конопелька* 'стебель конопли' Ставроп., СРНГ, 14, с. 265; *овсина* 'стебель овса' ЛАРНГ) или его остатков после жатвы (ср. *жатвина* Арх., СРНГ, 9, с. 86; *житвина* Перм., СРНГ, 9, с. 189; *жневник* Брян.; *жневье* Курск., Орл., Ворон., Тул., СРНГ, 9, с. 209; *жнивник* Ср. Урал., Моск., Латв., СРНГ, 9, с. 211; *жнивьяк* Орл.; *жнитва* Пск., Новг., Ср. Урал.; *жнитвина* Перм., Арх., СРНГ, 9, с. 212 'остатки стеблей сжатых злаков'), *колоса* (ср. *броница* Твер.; *бронка* Киров., СРНГ, 3, с. 195 < *бронеть* 'спеть, зреть, наливаясь' Яросл., Саратов.; *брониться* 'колоситься' Новг., Волог., Яросл., Твер., Калуж., Перм., СРНГ, 3, с. 193–194, в том числе оставшихся несжатыми колосьев, ср. *недожин* Влад., СРНГ, 21, с. 20; *некошь* Курск., СРНГ, 21, с. 62; *обжинки* Арх., СРНГ, 22, с. 47; *ожинки* Сев.-Двин.; *ожиток* Краснояр., СРНГ, 23, с. 81; *оброн* Новосибир., СРНГ, 22, 208; *пажинки* Ворон., СРНГ, 25, с. 141), *семенной коробочки* (ср. *головец* Влад., Иван., СРНГ, 6, с. 304; *головашка* Яросл., СРНГ, 6, с. 314; *оголовок* Пск., Твер., СРНГ, 22, с. 335; *колоколец* Свердл., Вят., Влад.; *колоколка* Онеж., Арх., СРНГ, 14, с. 164–165 'семенная коробочка льна'), *зерна* (хотя общее название зерна представлено производным именем, исключая имена с суффиксальными расширителями типа *зеренко* Новг., Пск., Смол.; *зерёнце* Пск.; *зерненко* Олон.; *зернетко* Олон., Арх., Костром., Смол., СРНГ, 11, с. 266–267, в диалектах существуют производные, в которых маркируется сема 'количество', ср. *насевка* 'количество посеянного зерна' Сев.-Двин., СРНГ, 20, с. 155; *обсевина* 'количество семян, нужное для засева поля' Пск., Твер., Новг., СРНГ, 22, с. 229), причем словообразовательно дифференцируются зерна для посева (ср. *насевка* Сев.-Двин., СРНГ, 20, с. 155; *семины* Новг., Пск., Твер., Даль, IV, с. 370), зерна, остав-

шиеся после сева (ср. *недосевки* Пск., Твер.; *недосевни* Пск., СРНГ, 21, с. 30; *обсевни* Пск., Твер., СРНГ, 22, с. 229; *пасевни* Пск., ЛАРНГ) и зерна, опавшие до жатвы (ср. *выпадок* Вят., СРНГ, 5, с. 322; *оброн* Казан., Пенз., Симб., Том., Новосиб., Вост., Южн., СРНГ, 22, с. 208; *паданка* Иркут., Верховья Лены, СРНГ, 25, с. 118).

Словообразовательные средства участвуют в формировании еще одного номинативного участка этой семантической сферы, а именно «Названия сжатого хлеба» (ср. *жатъё* Арх., СРНГ, 9, с. 87; *обжин* СРНГ без указ. места, 22, с. 46), и в частности, хлеба в зерне (ср. *зрос* Сев.-Двин., СРНГ, 11, с. 349; *народ* Волог., СРНГ, 20, с. 127; *обилье* Волог., Арх., Яросл., СРНГ, 22, с. 63; *сумак*, *сумарь* Влад., Костром., Волог., Даль, IV, с. 360; *схлебье* Пск., Даль, IV, с. 369). При этом обращение к словообразовательным средствам наблюдается не только тогда, когда нужно обозначить сжатый хлеб, но и тогда, когда нужно указать на:

— его качество (ср. *дозрелок* 'созревший хлеб' Смол., СРНГ, 8, с. 95; *недород* Свердл.; *недорост* Пск., Твер., Север, СРНГ, 21, с. 29–30 'плохо вызревший хлеб'), что оказывается тесно связанным с временем его уборки (ср. *ведрина*, *ведринка* Ряз., СРНГ, 4, с. 93 'хлеб, убранный в солнечную погоду');

— целевое назначение (ср. *емены* 'хлеб, идущий в пищу' Пск., Смол., Курск., Дон., Влад., Петерб., Латв., СРНГ, 8, с. 355; *кошёнка* 'неуродившийся хлеб, идущий на корм скоту' Калуж., Ряз., СРНГ, 15, с. 148).

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— качественно-характеризующий (ср. *дикуша* 'гречиха' Пенз., Симб., Нижегород., Саратов., Влад., Самар., Пск., Иркут., Амур., СРНГ, 8, с. 64; *должик* 'сорт льна' Калуж., СРНГ, 8, с. 109; *колосовка* 'рожь' СРНГ без указ. места, 14, с. 176; *молодизна* 'молодые всходы зерновых' Твер., СРНГ, 18, с. 223; *мохнушка* 'сорт пшеницы' Новосиб., СРНГ, 18, с. 311);

— акторный (ср. *ветробой* 'хлеб, поваленный ветром' Сев.-Двин., СРНГ, 4, с. 200; *градобоина* 'хлеб, побитый гра-

дом' Костром., СРНГ, 7, с. 109; *жатка* 'сжатый хлеб' Моск., СРНГ, 9, с. 86; *кошаница* 'неуродившийся хлеб, идущий на корм скоту' Вост., СРНГ, 15, с. 138; *морозобой* 'побитые морозом на корню хлеба' Арх., СРНГ, 18, с. 271; *недожинок* 'несжатые колосья хлеба' Волог., Горьк., СРНГ, 21, с. 20);

— акциональный (ср. *всходник* 'всходы зерновых' СРНГ без указ. места, 5, с. 221; *выпадок* 'зерна, опавшие до жатвы' Вят., СРНГ, 5, с. 322; *изябка* 'яровой хлеб' Куйбыш., СРНГ, 12, с. 180; *лежанка* 'хлеб с тяжелыми колосьями, которые от тяжести пригибаются к земле' Том., Иркут., СРНГ, 16, с. 327; *недорост* 'плохо вызревший хлеб' Пск., Твер., Север, СРНГ, 21, с. 30);

— темпоральный (ср. *весновка* 'яровой хлеб' Том., Кемер., СРНГ, 4, с. 185; *летница* 'яровой хлеб' Дон., Рост., СРНГ, 17, с. 20; *подзимун* 'всходы зерновых' Иван., СРНГ, 28, с. 18);

— реляционный, с актуализацией семы 'подобие' (ср. *колоколец* Свердл., Вят., Влад.; *колоколка* Онеж., Арх., СРНГ, 14, с. 164–165 'семенная коробочка льна') и 'оценка' (ср. *овсище* 'хороший высокий овес' Смол., Новг., СРНГ, 22, с. 303);

— партитивный (ср. *житина* 'стебель ячменя' Ленингр., СРНГ, 9, с. 190; *конопелька* 'стебель конопли' Ставроп., СРНГ, 14, с. 265; *овёсина* 'стебель овса' ЛАРНГ).

Своеобразие номинативного участка, связанного с названиями растений промышленного значения, проявляется и в том, что он практически закрыт для количественных образований, маркирующих сему 'нерасчлененное множество' (ср., например, единичные *nomina collectiva зернятка* собир. 'семена конопли' Брян., СРНГ, 11, с. 269; *льнева* собир. 'льны' Новг., СРНГ, 17, с. 230). Отсутствие собирательных в этой группе имен компенсируется, как представляется, многочисленными производными, обозначающими поле под той или иной сельскохозяйственной культурой. Не случайно, кроме широко распространенного суф. =*ищ-е*, здесь используется и такие типичные суффиксы собирательности, как =*ж-* или =*няг* (ср. *конопьё* 'поле,

на котором растет или с которого убрана конопля' Свердлов., СРНГ, 14, с. 268; *ильняг* 'лен на корню' Твер., СРНГ, 12, с. 187). В то же время словообразовательные средства довольно активно используются при образовании *nomina singulariva* (ср. *зернина* 'одно зерно' Твер., Арх., Олон., СРНГ, 11, с. 267; *колосинина* 'один отдельно взятый колос' Новг., Пск., Твер., СРНГ, 14, с. 174; *коноплина* 'один стебель конопля' Кемер., СРНГ, 14, с. 266; *льнина* Калинин., Новг., Свердлов.; *льнище* Онеж., Свердлов., СРНГ, 17, с. 230–231 'один стебель льна'; *овесина* Горьк., СРНГ, 22, с. 295; *овсина* Твер., Влад., СРНГ, 22, с. 303 'одно зерно овса').

Что касается экспрессивно-оценочных образований, то участие в них словообразовательных средств является довольно вялым (ср. *ильнец* ласк. 'лен' Пск., СРНГ, 12, с. 186; *ильнишко* Курск., Орл., Калуж., СРНГ, 12, с. 186; *ленишка* Орл., СРНГ, 16, с. 353 уничиж. 'лен'; *овсец* ласк. 'овес' Пск., Твер., СРНГ, 22, с. 303).

Итак, семантическое пространство «Растительный мир» имеет иную организацию, нежели семантическая сфера «Земля». Здесь, наряду с когнитивными оценками (включая утилитарные и прагматические, связанные с практической деятельностью и повседневными жизненными интересами человека), широко представлены аффективные оценки, отражающие его чувственный опыт познания и осмысления мира.

Особенно ярко эта аксиологическая ориентированность словообразования проявляется в названиях трав и грибов, в которых наряду с сенсорной оценкой (ср. названия трав: *зеленик* 'пролеска многолетняя *Mercurialis perennis* L.' Вят., СРНГ, 11, с. 247; *вонюка* 'название растений сем. зонтичных, имеющих неприятный запах' Курск., Липец., СРНГ, 5, с. 93; *горькуша* 'полынь' Новг., Ряз., СРНГ, 8, с. 82; *кисленица* 'щавель' Вят., Ср. Урал., Перм., СРНГ, 13, с. 229; или грибов: *масляй* 'масленок' Новг., Олон., СРНГ, 18, с. 14; *вонючка* 'мелкий летний гриб' Тамб., СРНГ, 5, с. 94; *горчан* 'несъедобный горький гриб, похожий на груздь' Брян., СРНГ, 7, с. 73), отчетливо выражена рационалистическая оценка и, в частности, утилитарная,

особенно в названиях сорных трав (ср. *дурмень* Новосиб.; *дурмина* Ср. Урал.; *дурнига* Урал.; *дурнина* Сиб., Том., Кемер., Ср. Урал., СРНГ, 8, с. 268) или несъедобных грибов (ср. *поганик* Олон., Арх.; *поганиш* Литв., Эст., Костром.; *поганка* Арх., Волог., Вят., Ворон., Том., Орл., СРНГ, 27, с. 287; *благуши*, *благушка* Смол., СРНГ, 2, с. 310) и даже прагматическая, указывающая на воздействие трав (ср. *дурнопьян* 'название некоторых ядовитых растений' Брян., Терск., Дон., СРНГ, 8, с. 271) или способ приготовления грибов (ср. *отварушка* 'грибы, употребляемые в пищу только после варки' Влад., СРНГ, 24, с. 131).

В названиях деревьев аксиологически нейтральная зона значительно шире, чем в названиях трав или грибов, о чем свидетельствует русский дендрариум, представленный в основном общеславянской лексикой, являющейся с синхронной точки зрения непроемкой. Обращение к словообразовательным средствам происходит, как правило, тогда, когда подключаются утилитарные и прагматические оценки, а именно, когда необходимо указать на назначение дерева, его полезные свойства или качества (ср. *мочальник* 'мелколистная липа, кора которой идет на изготовление мочал' Вят., Симб., Свердл., СРНГ, 18, с. 316; *корзиночник* 'ива прутьевидная, которая используется для изготовления корзин' Южн., СРНГ, 4, с. 331), на возможность использования его в строительстве (ср. *избняк* 'лес, идущий на строительство домов' ЛАРНГ; *кровельник* 'лес, идущий на постройку крыш' Твер., Пск., СРНГ, 15, с. 267; *мостовинник* Свердл.; *мостовняк* Моск., СРНГ, 18, с. 291–293 'лес, употребляемый на настил моста'; *полозняк* 'лес, годный для полóзьев' Забайкал., СРНГ, 29, с. 106 и т. д.).

Прагматическая оценка лежит и в основе имен, обозначающих лес по различным характеризующим признакам, например, возрастному (маркирование с помощью словообразовательных средств в диалектах именно молодого, а не старого леса связано, как представляется, с его непригодностью для строительства домов, мостов, лодок и других сколь-либо значительных хозяйственных целей) или витальному (словообразовательные средства подключают-

ся, как правило, для образования названий, обозначающих большой лес, не имеющий, естественно, хозяйственного значения).

Сходная картина наблюдается и в названиях плодовых деревьев, которые в большинстве своем представлены непроизводными именами. Ситуация, однако, меняется, когда подключаются утилитарные моменты, а именно, когда необходимо обозначить не просто плодородное дерево, а его конкретный вид (признак, который, как известно, имеет большое значение в садоводстве), а также время или срок созревания его плодов, когда требуется указать на несоответствие дерева норме, в частности, обозначить выродившееся плодородное дерево (ср. *вишняга* 'дикая вишня' Свердлов., СРНГ, 4, с. 311; *дикарка* 'дикая яблоня' Новгород., Ворон., СРНГ, 8, с. 55; *косянка* 'дикая вишня' Калуж., СРНГ, 15, с. 90; *лесовуха* 'дикая яблоня' Моск., СРНГ, 17, с. 11).

Думается, что именно этой прагматической установкой определяется и активное использование словообразовательных средств в видовых названиях ботвы различных огородных растений, идущей нередко на корм скоту (ср. *бульбовник* 'ботва картофеля': «Бульбовником кормят коров», Пск., Смол., СРНГ, 3, с. 274).

Среди множества признаков, актуализируемых в этой семантической сфере, ведущими являются три — качественно-характеризующий, отражающий первичный уровень знания, связанный с субъективным восприятием качеств и свойств фитонимов (ср. *гнилуга* 'гнилое дерево' Влад., СРНГ, 6, с. 246; *лиственка* 'лиственница' Урал., Приобье, Том., Онеж., Арх., СРНГ, 17, с. 64; *мелкота* 'плохая, низкорослая трава' Арх., СРНГ, 18, с. 101), локативный (ср. *бережина* 'лес, растущий по берегам рек, озер' Арх., СРНГ, 2, с. 248; *подлесник* 'копытень *Asarum europaeum* L.' Курск., Волог., СРНГ, 28, с. 63; *попутяй* 'гриб груздь' Моск., СРНГ, 30, с. 21) и акциональный (ср. *дрожница* 'осина' Дон., СРНГ, 8, с. 197; *подростель* 'мелкий, малорослый лес' Перм., Свердлов., СРНГ, 28, с. 161; *катунь* 'перекати-поле' Том., СРНГ, 13, с. 134), которые относятся уже ко вторичному уровню знания, в связи с чем носят

обобщенный характер. Интересно, что количественный признак, имеющий важное значение в названиях атмосферных явлений, и акторный, входящий в число ведущих в названиях ландшафта, находятся здесь на периферии.

Что касается инвентаря аксиологических оценок, то отличительной особенностью этой семантической сферы языка является то, что здесь широко представлены практически все виды оценок (выделяемых Н. Д. Арутюновой 1982, с. 12), за исключением, пожалуй, психологических:

оценки-аффективы, отражающие чувственный опыт познания мира:

зрение (ср. *красниха* 'клюква' Арх., СРНГ, 15, с. 179; *желтун* 'крестовик болотный' Тобол., СРНГ, 9, с. 113; *рыженя* 'рыжик' Даль без указ. места, IV, с. 117);

слух (ср. *скрипица* 'гриб подорешник' Даль без указ. места, IV, с. 209);

обоняние (*вонючка* 'мелкий летний гриб' Тамб., СРНГ, 5, с. 94; *пахучка* 'душистый вереск' СРНГ без указ. места, 25, с. 298);

осязание (*гладыш* 'березовая ветка с гладким листом' Олон., СРНГ, 6, с. 182; *масляй* 'масленок' Новг., Олон., СРНГ, 18, с. 14; *мякушка* 'сочная трава' Новг., СРНГ, 19, с. 82);

вкус (*горькуха* 'одуванчик' Пск., СРНГ, 7, с. 82; *горчан* 'несъедобный горький гриб, похожий на груздь' Брян., СРНГ, 7, с. 73; *кисляница* 'клюква' Костром., Вят., СРНГ, 13, с. 236);

оценки-когнитивы, среди которых ярче всего представлены *рационалистические* оценки, с помощью которых устанавливается логическая связь познаваемых объектов, определяется то, что имеет ценность в духовно-практической деятельности человека, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем мире, ср., например, пространственные оценки, в которых актуализируется сема 'место' (ср. *поречник* 'лес, растущий по берегам рек' Забайкал., СРНГ, 30, с. 58; *придорожник* 'спорыш Polygonum aviculare' Даль, III, с. 411) или функциональные, указы-

вающие на назначение леса (ср. *дровяник* 'лес, идущий на дрова' Пск., Твер., Моск., Калуж., Арх., Перм., Свердлов., СРНГ, 8, с. 194; *оглобельник* 'лес, годный для изготовления оглоблей' Алт., Зап. Сиб., Горьк., СРНГ, 22, с. 317) или травы (ср. *чистотел* 'молочай' Даль без указ. места, IV, с. 608); утилитарные, особенно в названиях сорных трав (ср. *дураш* Ср. Урал., СРНГ, 8, с. 265) или несъедобных грибов (ср. *поганец* Новг., Арх., Ряз., Свердлов., Горьк., СРНГ, 27, с. 287) или прагматические, указывающие способ применения трав (ср. *запарница* 'зверобой' Перм., СРНГ, 10, с. 303; *примочник* 'примочная трава *Sarmanula trachelium* L.' Урал., Коновалова, 1993) или приготовления грибов (ср. *отварушка* 'грибы, употребляемые в пищу только после варки' Влад., СРНГ, 24, с. 131), и лишь изредка встречаются *психологические* оценки, передающие субъективно-ориентированное восприятие реалии (ср. *весельник* 'лес из молодых березок' Пск., СРНГ, 4, с. 182);

оценки-сублиматы или абсолютные оценки, связанные с восприятием красоты человеком, удовлетворяющие его чувство прекрасного. Эти оценки встречаются сравнительно редко среди фитонимов, главной среди них является эстетическая оценка (ср. *красовик* 'подосиновик': «Красивый гриб, потому и зовут красовик», Яросл., Калин., Моск., СРНГ, 15, с. 198; *красавица* Саратов.; *красавка* Омск, СРНГ, 15, с. 172 'сорт яблок').

В целом когнитивная модель семантической сферы «Растительный мир» покоится на фундаменте зрительного восприятия, что вполне согласуется с современными психологическими теориями, согласно которым «свыше 80% всех сенсорных данных приходится на органы зрения: процесс восприятия и обработки зрительной информации человеческим мозгом связан с функционированием двух модулей зрительной перцепции — один обеспечивает восприятие предметов, другой — восприятие мест» (Кравченко, 1997, 41), а точнее, — восприятие пространственной локализации этих предметов. Вместе с тем, наряду со зрительными, здесь широко представлены и другие виды ощущений — вкусовые, осязательные, обонятельные, что отличает когни-

тивную модель этой сферы от других семантических сфер русского макрокосма.

Итак, приведенный материал свидетельствует, как представляется, о том, что в семантической сфере «Растительный мир» наблюдается отчетливое противопоставление двух участков этой многоуровневой системы — освоенной и неосвоенной природы (с одной стороны «сад», «огород», «поле», с другой — «лес»), т. е. здесь мы имеем дело с реализацией явной оппозиции «свой ~ чужой»: растительный мир в производных названиях предстает в виде двух неравнозначных сфер — *свое*, полезное, требующее заботы и ухода («сад», «огород», «поле») и *чужое*, опасное, требующее осторожности («лес»). Словообразовательное маркирование получает, как правило, «чужое». «Свое» же как известное (а потому неопасное) словообразовательно детерминируется реже. По-видимому, именно этим объясняется наличие многочисленных производных, обозначающих «лес», в которых с помощью словообразовательных средств объективируются такие его признаки, как густота (и соответственно непроходимость), возраст, местоположение, качество произрастающих в нем деревьев, т. е. признаки, которые оказываются несущественными для обозначения «своего», в частности, сада, огорода или поля.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в процессе освоения мира, освобождаясь от власти «дикой природы», человек постепенно попадал в зависимость от созданной им «второй природы», отсюда такое внимание к маркированию тех признаков и свойств растений, которые имеют для него хозяйственно-важное значение (ср., например, объективацию такого признака, как время созревания огородных культур или признака классификационной отнесенности в названиях плодовых деревьев, овощей, зерновых культур).

Нельзя не отметить еще одной особенности семантической сферы «Растительный мир» — высокой семантической и деривационной расчлененности номинативного участка «дикой» природы (особенно ярко выраженной в названиях трав), что находится, как представляется, в полном соответствии с природно-географическими особенностями

ландшафта России и является своеобразным выражением русского стереотипа восприятия поверхности своей земли, как земли, по преимуществу, равниной, изобилующей лесами и травами. Так с помощью словообразования оказываются неожиданно связанными разные номинативные участки лексической системы русского языка.

Глава четвертая

Животный мир

Семантическая сфера «Животный мир» также является гетерогенной многоуровневой системой, в которой условно можно выделить несколько ярусов — «Животные», «Птицы», «Пресмыкающиеся», «Насекомые», «Земноводные», — каждый из которых имеет свою семантическую и словообразовательную организацию. В оценке животного мира на первый план выходит когнитивный и прагматический элементы, причем словообразовательные средства используются прежде всего для актуализации основного противопоставления «свой ~ чужой».

Животные

В семантическом пространстве «Животные» отчетливо противопоставляются два номинативных участка — дикие животные и домашние, — обнаруживающие различия в семантической расчлененности и характере использования словообразовательных средств.

В родовых названиях диких животных словообразовательные средства практически не используются (хотя в диалектах и встречаются однословные дериваты с общим значением 'дикое животное' (ср. *боровая* Арх., СРНГ, 3, с. 103; *дичатина* Орл., Самар., Перм.; *дичьё* Пск., СРНГ, 8, с. 68–69; *зверина* Тамб., Челяб., Ряз., СРНГ, 11, с. 215)). Будучи классифицирующими и идентифицирующими названиями, большинство этих имен являются производ-

ными с синхронной точки зрения образованиями (ср. *барсук*, *белка*, *волк*, *еж*, *заяц*, *лиса*, *кабан*, *лось*, *крыса*, *мышь*, *хорь* и др.). Встречающиеся иногда в диалектах производные наименования от названий этих животных, типа *волчага* (Пск., СРНГ, 5, с. 78), *ежак* (Курск., Тул., СРНГ, 8, с. 326), *лисава* (Арх., Онеж., СРНГ, 17, с. 60) являются лишь субстанциальными образованиями с суффиксальными расширителями соответствующих неприменных имен, «скрывающими» свою внутреннюю форму.

В то же время в диалектах имеется огромное разнообразие характеризующих производных имен русской фауны, которые позволяют проникнуть в тайны мировосприятия русского народа и понять, как происходило означивание мира живой природы, какие актуализаторы вызывали к жизни механизмы словообразования.

Как показывает русский диалектный материал, обращение к словообразовательным средствам происходило в тех случаях, когда необходимо было указать на:

— место обитания животного (ср. *боровик* 'бурый медведь' Свердлов., СРНГ, 3, с. 104; *дуплянка* 'белка, живущая в дупле' Перм. СРНГ, 8, с. 262; *землюшник* 'крот' Пск., СРНГ, 11, с. 256; *полевица* 'полевая мышь' Пск., Твер., СРНГ, 29, с. 47; *поречна* 'выдра' Иркут., Урал. // 'норка' Урал., СРНГ, 30, с. 58);

— способ существования животного, характер его поведения (ср. *бродень* 'медведь, который не спит в берлоге' Иркут., Якут., СРНГ, 3, с. 185; *землеройка* 'крот' Ворон., Ряз., СРНГ, 11, с. 256; *пестун* 'медведь-пестун' Иркут., Камч., Арх., СРНГ, 26, с. 322; *трусик* 'заяц' Даль без указ. места, IV, с. 437);

— способ передвижения в пространстве (ср. *летага* Арх., СРНГ, 17, с. 15; *полетуха* СРНГ без указ. места, 29, с. 64 'белка-летага');

— особенности шкуры животного (ср. *космач* 'медведь' ЛАРНГ; *мохнашка* 'соболь с густой, пушистой шерстью' Камч., СРНГ, 18, с. 310), в том числе ее окраса (ср. *белогузка* 'дикая коза' Сиб., СРНГ, 2, с. 219; *белодушка* 'белка с белой грудкой' Енис., СРНГ, 2, с. 219; *беляка* 'заяц-бе-

ляк' Олон., СРНГ, 2, с. 239; *краснохвостка* 'белка с рыжевато-красным хвостом' Арх., СРНГ, 15, с. 186; *краснушка* 'рыжая лиса' Ср. Урал., СРНГ, 15, с. 188; *пеструшка* 'полевая мышь' Арх., СРНГ, 26, с. 319);

— особенности какой-либо части тела животного (ср. *ушан* Пск., *ушкан* Арх., Сиб., Оренб., Даль, IV, с. 526 'заяц'; *хвостуха* 'лиса' Даль без указ. места, IV, с. 547);

— вид потребляемой им пищи (ср. *кобылятник* 'волк, нападающий на лошадей' Смол., СРНГ, 14, с. 22; *коневник* 'медведь, нападающий на лошадей' Смол., СРНГ, 14, с. 249; *комятник* 'медведь, нападающий на крупный скот' Смол., СРНГ, 14, с. 279; *куроедка* 'хорь' ЛАРНГ; *муравейник* 'небольшой медведь, который ест муравьев' Смол., Пск., Твер., Перм., Новг., СРНГ, 18, с. 348; *овсяник* 'заяц, истребляющий овес' Север., СРНГ, 33, с. 303; *овчарник* Смол., Ворон.; *овчатник* Смол., СРНГ, 22, с. 306–307 'волк, нападающий на овец');

— характерный звук, издаваемый животным (ср. *пискун* 'суслик' Урал., СРНГ, 27, с. 49);

— издаваемый животным запах (ср. *бздюх* 'хорь' Пск., Зап., Твер., Смол., СРНГ, 2, с. 288; *вонючка* 'хорь' ЛАРНГ);

— время появления, охоты животного (ср. *ночевка* 'летучая мышь' Арх., СРНГ, 21, с. 298);

При этом с помощью словообразовательных средств актуализируются в основном следующие признаки:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *житник* 'мышь' Ряз., СРНГ, 9, с. 193; *кедровка* 'белка' Урал., Том., СРНГ, 13, с. 174; *коневик* 'крупный волк, нападающий на лошадей' СРНГ без указ. места, 14, с. 249; *косуля* 'заяц' Пск., СРНГ, 15, с. 91; *ледянка* 'норка, добываемая весной или поздней осенью' Урал., СРНГ, 16, с. 325; *ломовик* 'большой и сильный медведь, нападающий на крупных животных' Пск., Твер., Новг., Смол., СРНГ, 17, с. 122; *огнянка* 'лиса' СРНГ без указ. места, 22, с. 331; *поганка* 'мышь' Пск., СРНГ, 27, с. 287; *сиводушка* 'сибирская порода красной лисы' Сиб., Даль, IV, с. 181);

— акциональный (ср. *бурелом* 'самый большой медведь' Смол., СРНГ, 3, с. 285; *выторопень* 'заяц' Смол., Орл.,

СРНГ, 6, с. 41; *летага* 'белка-летяга' Арх., СРНГ, 17, с. 15; *пестыш* 'медведь-пестун' Новг., СРНГ, 27, с. 319; *сеноставец* 'род мыши или земляного зайчика, который ставит на зиму копешки отборного сена' Перм., Сиб., Даль, IV, с. 380);

— локативный (ср. *дуплянка* 'белка, живущая в дупле' Перм., СРНГ, 8, с. 262; *поречина* 'норка' СРНГ без указ. места, 30, с. 57);

— реляционный, маркирующий сему 'подобие' (ср. *медведка* 'крот' Олон., СРНГ, 18, с. 64);

— квантитативный, причем в основном при актуализации семы нерасчлененное множество (ср. *ведьмедьё* собир. 'медведи' Тул., СРНГ, 4, с. 92; *кабаньё* собир. 'кабаны' Моск., СРНГ, 12, с. 282; *кротовьё* собир. 'кроты' Смол., СРНГ, 15, с. 285; *медведьё* собир. 'медведи' Моск., Калуж., Перм., Волог., СРНГ, 18, с. 66; *мышиства* собир. 'мыши' Курск., СРНГ, 19, с. 70); номинативный участок *nomina singulariva* практически закрыт для словообразования (ср., например, отсутствие сингулятивов от названий *белки*, *выдры*, *ласки*, *суслика*, *хоря* и др. животных).

Интересно, что такой номинативный участок этой тематической группы имен, как названия частей тела животных, практически закрыт для словообразования (ср. единичные дериваты *куцик* 'хвост медведя' ЛАРНГ, *пушняк* 'хвост белки' Азарх, 1993). Однако когда необходимо назвать шкуру или мясо того или иного животного, т. е. те реалии, которые имеют хозяйственно важное значение в жизни человека, наблюдается активное подключение словообразовательных средств, с помощью которых актуализируется реляционный признак с семой 'принадлежность'. Причем среди огромного разнообразия диалектных словообразовательных формантов выбирается, как правило, суф. =*ин-а* и его расширенные варианты (= *ат-ин-а*, = *ар-ин-а*, = *ов-ин-а*, = *ур-ин-а* и др.), реже другие суффиксы, ср., например, названия *шкур* (ср. *барсучина* 'шкура барсука' Перм., СРНГ, 2, с. 121; *векошьё* 'шкура белки' Пск., СРНГ, 4, с. 104; *волчина* Байкал., Свердлов.; *волчура* СРНГ без указ. места, 5, с. 80, 82 'шкура волка', *зайчатина* Перм., СРНГ, 10, с. 109; *заячина* Ср. Урал., СРНГ, 11, с. 206 'шкура зай-

ца'; *зверина* 'шкура лося' Сиб., СРНГ, 11, с. 215; *медведина* Сиб.; *медведна* Сиб., Камч., Пск., СРНГ, 18, с. 64–65 'шкура медведя'); или названия мяса (ср. *зверина* 'мясо диких зверей' Иркут., Якут., Сиб., СРНГ, 11, с. 215; *заячина* 'мясо зайца' Олон., Волог., СРНГ, 11, с. 206; *лищицевина* 'мясо лисицы' Арх., СРНГ, 17, с. 62; *медведерина* Костром., Волог.; *медведина* Краснояр., СРНГ, 18, с. 64 'мясо медведя'; *оленьятина* 'мясо оленя' Брян., СРНГ, 23, с. 186 и т. д.).

Активное использование словообразовательных средств отмечается и при актуализации другого реляционного признака, а именно родства, причем в основном при образовании названий детенышей животных (о. н. *детенок* Том., СРНГ, 8, с. 32), реже — молодых животных. При этом наблюдается интересная особенность: если при образовании названий детенышей животных основным способом словообразования является суффиксация (в качестве ведущего выступает суф. =*онок* и его расширенные варианты, реже другие суффиксы, ср. *бирючонок* Нижегород., СРНГ, 2, с. 295; *ведмежонок* Урал., Оренб., СРНГ, 4, с. 92; *волчененок* Литв., Латв., Эст., СРНГ, 5, с. 78; *волчонко* Арх., СРНГ, 5, с. 82; *зайчененок* Литв., Латв., Эст.; *зайчюня* Южн., СРНГ, 10, с. 109; *кротыш* СРНГ без указ. места, 15, с. 286; *лисенок* ЛАРНГ; *медвежатишка* Том.; *медвежик* Ряз., СРНГ, 18, с. 67–68), то при образовании названий молодых животных — префиксация (ср. *недокунок* 'молодая куница' Волог., СРНГ, 21, с. 22; *недопесец* 'молодой песец' СРНГ, 21, с. 28; *недолис* 'молодая лиса' ЛАРНГ, *недоросль* 'молодой олень' Индигирка, СРНГ, 21, с. 30). И еще одна интересная особенность — возможность образования названий детенышей животных не от родовой основы (как в литературном языке), а от качественно-характеризующей (ср. *кошленок* 'медвежонок' Вят., СРНГ, 15, с. 151 < *кошлатый* 'мохнатый' Краснодар. // 'косматый' Тобол., Брян., Курск., СРНГ, 15, с. 151).

Менее регулярным, хотя и довольно последовательным, является использование словообразовательных средств при актуализации еще одного реляционного признака — половой противоположности. Несмотря на то, что в диалектах

наблюдается довольно жесткая закрепленность определенных суффиксов для выполнения ими феминативной функции (это прежде всего суффиксы с консонантными элементами '-Х-, -К-, -Ц-: суф.=*их-а*,=*ух-а*, =*к-а*, =*иц-а*, ср. *бирючка* Нижегород., СРНГ, 2, с. 295; *ведмедиха* Калуж.; *ведмедиха* Курск., Смол., Дон., СРНГ, 4, с. 92; *волчаниха* Калуж.; *волчаница* Брян., СРНГ, 5, с. 78; *волчуха* Забайкал., СРНГ, 5, с. 82; *зайчаниха* Калуж., СРНГ, 10, с. 110; *кабануха* Амур., СРНГ, 12, с. 282; *лисавка* Арх., СРНГ, 17, с. 61; *лосица* Новг., СРНГ, 17, с. 150; *оленьюха* Кемер., СРНГ, 23, с. 185; *медвежиха* Ср. Урал., Свердлов., Вят., Том., Симб., Хабаров., Сиб., СРНГ, 18, с. 69), многие из имен, обозначающих животных, не имеют соответствующего коррелята для самки животного (ср. *белка*, *выдра*, *енот*, *крыса*, *куница*, *ласка*, *мышь*, *суслик*, *хорь* и др.). В то же время нельзя не отметить и тот факт, что стремление словообразовательно маркировать половой признак реализуется иногда в образовании маскулативов от соответствующих общих названий того или иного животного (ср. *лисовин* Южн. Краснояр., СРНГ, 17, с. 62; *лисун* ЛАРНГ 'самец лисы').

Названия диких животных формируют еще один номинативный участок, в котором активно используются словообразовательные средства, объективирующие также реляционный признак, но с семой 'принадлежность' — это названия охотников на определенного зверя (ср. *белковицк* Сиб., Волог., СРНГ, 2, с. 215; *белочник* Сиб., СРНГ, 2, с. 226; *волчатник* ЛАРНГ; *медвежак* Иркут.; *медвежник* СРНГ без указ. места, 18, с. 66, 69; *соболятник* Даль без указ. места, IV, с. 252). Об актуальности этой тематической группы имен для русского языкового сознания свидетельствует устойчивость словообразовательной модели и средств, используемых в номинации (попутно заметим, что в названиях диких птиц этот номинативный участок практически закрыт для словообразования, ср. единичные: *гусник* 'охотник на диких гусей' Якут., СРНГ, 7, с. 245; *утятник* 'охотник на уток' Сиб., Даль, IV, с. 520).

По-иному организована семантическая сфера домашних животных. Ценностно-целевые ориентации человека, про-

являющиеся особенно ярко в этой семантической сфере имен, ведут к объективации принципиально иных признаков, и прежде всего тех, которые имеют хозяйственно важное значение в жизни крестьянина.

Несмотря на то, что родовые названия домашних животных (так же, как и названия диких животных) в большинстве своем представлены непроеизводными именами (ср. *баран, бык, конь, корова, кот, лошадь, овца, свинья, собака* и т. д., которые иногда могут расширяться за счет присоединения к их основам словообразовательных элементов, ср. *козица* Влад., СРНГ, 14, с. 66; *коняка* Вят., СРНГ, 14, с. 279; *коровица* Новг., СРНГ, 14, с. 352), среди них имеется немало характеризующих имен, мотивировочные признаки которых отличаются аксиологической направленностью.

Прежде всего бросается в глаза, что среди огромного множества этих частнохарактеризующих имен значительная доля приходится на названия коровы и лошади как основных домашних животных, и в их названиях, пожалуй, ярче всего проявляется прагматическая ориентация русского словообразования.

Словообразовательные средства представлены, в частности, в именах:

— дающих общую оценочную характеристику животному (ср. *гладена* Саратов., Нижегород.; *гладёха* Пск., Твер., СРНГ, 6, с. 177–178 'упитанное животное'; *гладонья* 'упитанная корова' Олон., СРНГ, 6, с. 180; *гробыльница* 'старая корова, лошадь' Влад., СРНГ, 7, с. 147; *доброха* 'сильная, быстроходная лошадь' ЛАРНГ; *доброход* 'хорошо бегающий, рысистый конь' Казан., СРНГ, 8, с. 79; *изморыш* 'заморенное животное' Кемер., СРНГ, 12, с. 150; *кожурина* 'худая заморенная лошадь' Пск., СРНГ, 8, с. 53; *одирок* 'кляча' Ярослав., СРНГ, 23, с. 33; *охлябина* 'большая, костлявая лошадь' Ленингр., СРНГ, 25, с. 38 < *охлябнуть* 'обессилеть' Новг., Олон., Ленингр., Север., Перм., СРНГ, 25, с. 38; *падер* 'плохая, старая лошадь' Влад., Орл., Смол., Урал., Калуж., СРНГ, 25, с. 127; *падина* 'плохая, заморенная, старая лошадь' Арх., СРНГ, 25, с. 130; *плохышка*

‘хилое, болезненное домашнее животное’ СРНГ без указ. места, 27, с. 159);

— указывающих на способность или неспособность животного к воспроизводству (ср. *валух* ‘кастрированный бык’ Калуж., Смол., Орл., Курск., Липец., Ворон., Казан., СРНГ, 4, с. 31; *оревина* ‘нехолощенный бык’ Новг., СРНГ, 23, с. 334; *нетель* ‘молодая скотина, еще не телившаяся’ Вят., Арх., СРНГ, 21, с. 174; *переходница* ‘яловая корова’ Вост., Том., Кемер., Амур., Вят., Перм., Влад., Волог., Арх., СРНГ, 26, с. 264; *плодовик* ‘племенной бык’ Пск., Твер., СРНГ, 27, с. 245; *плодовуха* ‘плодовитая корова’ Новосиб., СРНГ, 27, с. 145; *яловка, яловица* Сиб. ‘яловая корова’ Даль, IV, с. 677);

— на возраст животного, особенно при обозначении молодых животных как неспособных еще к воспроизводству (ср. *молодка* ‘молодая корова, отелившаяся в первый раз’ Смол., Пск., СРНГ, 18, с. 225; *молодыш* ‘молодое животное’ Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 230; *молодяга* ‘молодая лошадь’ Арх., СРНГ, 18, с. 230; *подростыш* ‘молодое животное’ Твер., Пск., СРНГ, 28, с. 161) с последующей конкретизацией их по видам (ср. *бычишка* ‘молодой бык’ Том., СРНГ, 3, с. 357; *жеребка* ‘молодая лошадь’ Смол., СРНГ, 9, с. 136; *поросук* ‘молодая свинья’ СРНГ без указ. места, 30, с. 80; *ягница* ‘молодая овца’ Ворон., Тамб., Даль, IV, с. 672);

— на утилитарность, полезность животного, этот признак реализуется в основном в названиях, указывающих на дойность коровы (ср. *безмолчница* ‘корова, не дающая молока’ Арх., Перм., СРНГ, 2, с. 193; *доёна* Костром., Калинин.; *доёнка* Волог., Дон.; *доёха* Арх., СРНГ, 8, с. 90; *дойка* Твер., СРНГ, 8, с. 95 ‘дойная корова’; *издойка* ‘корова, кончающая давать молоко’ Сталингр., СРНГ, 12, с. 130; *недоёна* ‘недойная корова’ Костром., СРНГ, 21, с. 20; *поддоек* ‘корова, которая перед отелом дает мало молока’ Калинин., СРНГ, 27, с. 391) или на количество молока, которое она дает (ср. *ведерница* ‘корова, дающая после отела ведро и более молока в день’ Пск., Твер., Костром., Урал., Сиб., Влад., СРНГ, 4, с. 91);

— на назначение животного (ср. *выгонки* ‘молодой скот, оставленный на племя’ Урал., СРНГ, 5, с. 268; *кормнак* Пск., СРНГ, 14, с. 338; *откормыш* Пск., Твер., СРНГ, 24,

с. 196 'животное, откармливаемое на убой'), а также на выполняемую им работу (ср. *белочница* 'собака, которая используется при охоте на белок' Арх., Сиб., СРНГ, 2, с. 227; *водовозница* 'лошадь на которой возят воду' Арх., СРНГ, 4, с. 341; *возник* 'упряжная лошадь' СРНГ, 5, с. 27; *гончарка* 'гончая' Урал., СРНГ, 7, с. 113; *заячница* 'гончая' Перм., СРНГ, 11, с. 206; *звериница* 'собака, с которой охотятся на лося' Перм., СРНГ, 11, с. 215; *овчарух* 'собака, стерегущая овец' Тул., СРНГ, 22, с. 306).

Значительно реже (по сравнению с названиями диких животных) словообразовательные средства используются для характеристики поведения животного (ср. *бодунья* Свердл.; *бодучка* Пск., СРНГ, 3, с. 58 'бодливая корова'; *лягун* 'лягливая лошадь' Свердл., СРНГ, 17, с. 256; *неим* Арх., Перм.; *неималь* Перм., Свердл.; *неимань* Яросл.; *неимка* Ср. Урал., СРНГ, 21, с. 55 'норовистая лошадь').

Особенностью этой группы имен является также отсутствие среди них производных, указывающих на такие довольно распространенные среди названий диких животных признаки, как место обитания животного, особенности строения его тела, характер потребляемой им пищи, запах животного и др., хотя нельзя не отметить, что некоторые из них, в частности особенности окраса шерсти, шкуры животного, находят свою реализацию, и прежде всего в кличках животных (ср. клички лошадей: *Буланчик*, *Воронуха*, *Гнедко*, *Пеганка*, *Пегач*, *Серко*, а также апеллятивы: *пеган* 'пегий конь' Амур., СРНГ, 25, с. 312; или клички коров и овец: *Беляна*, *Белоха*, *Белка*, *Белуха*, *Бурена*, *Буренка*, *Серка*, *Чернуха*, *Чернушка* или апеллятивы: *белуха* 'корова белой масти' Арх., СРНГ, 2, с. 229; *бурена* 'корова бурой масти' Костром., Новг., Яросл., Волог., Вят., Перм., СРНГ, 3, с. 285; *красноха* 'корова бурой масти' Новг., Олон., СРНГ, 15, с. 186).

В то же время здесь встречаются производные, в основе которых лежат такие мотивировочные признаки, которые отсутствуют среди названий диких животных, а именно подзывные слова, особенно часто появляющиеся в названиях овец и свиней (ср., например, названия овец: *барька*

Свердл., СРНГ, 2, с. 126; *бырка* Ворон., Дон., Курск., СРНГ, 3, с. 347; *бьяшка* Волог., Новг., Влад., Калуж., Ряз., Курск., Тул., Сиб., СРНГ, 3, с. 360; *маська* Вят., Перм., Ср. Урал., Курган., Заурал., СРНГ, 18, с. 19, а также слова, которыми подзывают овец: *барь-барь*, *быр-быр*, *бьяша-бьяша*, *мась-мась* и др.; или свиней: *чухна* Ворон., Симб.; *чухнушка* Нижн.; *чухня* Волог., Даль, IV, с. 616 и подзывные слова для свиней: *чух-чух*, *чухоньки*, *чуш-чуш* и др.).

С помощью словообразовательных средств в этой тематической группе имен актуализируются в основном следующие признаки:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *ведряница* 'корова, дающая ведро молока за удой' Костром., СРНГ, 4, с. 94); *гладуха* 'упитанная корова' Сев.-Двин., СРНГ, 6, с. 181; *головник* 'лошадь, запрягаемая в оглобли' Урал., СРНГ, 9, с. 309; *житник* 'свинья, откармливаемая зерном' Смол., Калуж., СРНГ, 9, с. 191; *кожанка* 'худая заморенная лошадь' Пск., СРНГ, 14, с. 50; *лосятница* 'собака, с которой охотятся на лося' СРНГ, 17, с. 155; *молочница* 'молочная корова' Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 246; *мохнатка* 'мохнатая собака' Смол., СРНГ, 18, с. 309; *пеганка* 'пегая лошадь' Перм., Челяб., Свердл., Новосиб., Амур., Петерб., Моск., СРНГ, 25, с. 312);

— акторный (ср. *бырка* 'овца' Ворон., Дон., Курск., СРНГ, 3, с. 347; *дойница* 'дойная корова' Курск., СРНГ, 8, с. 96; *кормяк* 'боров, откармливаемый на убой' Смол., СРНГ, 14, с. 340; *недокормок* 'плохо откормленное домашнее животное' Пск., СРНГ, 21, с. 22; *падерина* 'плохая лошадь' Смол., СРНГ, 25, с. 129; *подрез* 'кастрированный самец домашнего животного' Кемер., СРНГ, 28, с. 156);

— акциональный (ср. *бодун* 'бодливый бык' Иван., Барнаул., Влад., Свердл., Тюмен., Ленингр., СРНГ, 3, с. 58; *кусунья* 'собака, которая часто кусается' Свердл., СРНГ, 16, с. 163; *маханец* 'конь, отличающийся быстротой в галопе' Иркут., СРНГ, 18, с. 45; *нетелица* 'молодая, ни разу не телившаяся корова' Пск., Новг., СРНГ, 21, с. 173; *переходница* 'яловая корова' Вост., Том., Кемер., Амур., Вят., Перм., Влад., Волог., Арх., СРНГ, 26, с. 264);

— функциональный (ср. *водовозница* 'лошадь на которой возят воду' Арх., СРНГ, 4, с. 341; *возник* 'упряжная лошадь' СРНГ, 5, с. 27; *волкорез* 'волкодав' Пск., СРНГ, 5, с. 42; *гонка* 'гончая' Калуж., СРНГ, 7, с. 7);

— реляционный с семей 'подобие' (ср. *лосица* 'тучная корова' Курск., СРНГ, 17, с. 150).

В отличие от названий диких животных, значительно более открытым для словообразования является и такой номинативный участок, как названия частей тела домашнего животного, особенно названия хвостов (ср., например, названия хвоста коровы: *вертун* Вост. Сиб., Нижегород., СРНГ, 4, с. 155; *махель* Влад., СРНГ, 18, с. 47; *охла* Свердл., СРНГ, 25, с. 23; хвоста собаки: *вилюн* Пск., СРНГ, 4, с. 284; *огон*, *огонка* Зап., СРНГ, 22, с. 338; *правило* Даль без указ. места, III, с. 378; хвоста лошади: *волосьянка* Твер., СРНГ, 5, с. 53); ср. также названия хребта: *наспина* Пск., Твер., СРНГ, 20, с. 164; гривы лошади: *завес* Волог., Орл., Вят., СРНГ, 9, с. 306; *навес* Урал., Волог., СРНГ, 19, с. 160; рогов коровы: *бодало* Тул., СРНГ, 3, с. 55; вымени и соска коровы: *брызгуха* Tobол., СРНГ, 3, с. 214; *дойка* Перм., Свердл., Курск., СРНГ, 8, с. 95; *дойло* Курск., СРНГ, 8, с. 95; рыла свиньи: *хрюкало* Даль без указ. места, IV, с. 567). Во всех этих названиях актуализируется, как правило, акциональный признак, реже качественно-характеризующий или локативный.

Активное использование словообразовательных средств наблюдается и при обозначении мяса или шкуры животного. Причем если названия мяса домашних животных каких-либо ярких особенностей, отличающих их от соответствующих названий у диких животных, не имеют (здесь, пожалуй, наблюдается лишь более последовательное использование одного суффикса, а именно суф. =*ин-а* и его расширенного варианта суф. =*ат-ин-а*, ср. *бычина* Нижегород., СРНГ, 3, с. 357; *копятина* Смол., Пск., Свердл., СРНГ, 14, с. 279; *коровина* Пск., Ленингр., СРНГ, 14, с. 352; *лошадина* Твер., Пск.; *лошадятина* Куйбыш., СРНГ, 17, с. 165—167; *овечина* Онеж., СРНГ, 22, с. 296 и т. д.), реже каких-либо иных суффиксов (ср. *овечья* Новосиб., СРНГ,

22, с. 296), то в названиях шкур домашних животных такие особенности имеются. Они связаны прежде всего с тем, что в этих названиях, кроме реляционного признака (ср. *баранок* Пск., СРНГ, 2, с. 106; *конина* Нижегород., Яросл., Иван., Твер., Вят., Свердл., СРНГ, 14, с. 256; *конюшина* Пск., Твер., СРНГ, 14, с. 277; *коровина* Камч., Свердл., СРНГ, 14, с. 352), с помощью словообразовательных средств актуализируется:

— темпоральный признак, особенно в названиях овечьей шерсти, в связи с чем более разнообразным является и набор словообразовательных средств. Кроме суффикса =*ин-а*, здесь широко представлены суффиксы с консонантными элементами -К-: суф. =*к-а*, =*ок*, =*ник*, =*ик-а*; -Г-: суф. =*иг-а* и -Ц-: суф. =*иц-а* (ср. *веснига* Том.; *весника* Свердл.; *веснина* Южн. Сиб., Енис., Том., Кемер., Урал., Заурал., Tobол., Челябин., Перм., Волог., Пск.; *вешника* Пенз., Ряз., Том., СРНГ, 4, с. 223 'овечья шерсть весенней стрижки'; *зимнина* Южн. Сиб., Арх., Волог., Пск., Моск., Влад., Яросл., Костром., Перм., Урал., Tobол., Новосиб.; *зимница* Иркут., Сиб.; *зимнинка* Перм., СРНГ, 11, с. 275 'овечья шерсть зимней стрижки'; *летнина* Южн. Сиб., Иркут., Енис., Краснояр., Кемер., Том., Tobол., Свердл., Перм., Новг., Арх., Ворон., Волог., Иван.; *летница* Краснояр., СРНГ, 17, с. 19–20 'овечья шерсть летней стрижки'; *осенина* Арх., Волог., Том., Твер., Новг., Дон.; *осенник* Ряз., СРНГ, 23, с. 366; *осенчина* Твер., Новг., Ворон.; *осенчук* Ворон., СРНГ, 23, с. 369 'овечья шерсть осенней стрижки');

— акторный признак (ср. *битика* Тул.; *битица* Калуж.; *битника* Курск., Тул., СРНГ, с. 297 'овечья шерсть осенней стрижки'; *опойка* Сталингр., Забайкал.; *опойник* Пск., Твер., СРНГ, 23, с. 272 'шкура теленка'), отсутствующий в названиях шкур диких животных.

Особенностью семантической участка «Домашние животные» является активное использование словообразовательных средств и при актуализации возрастного признака животного. В отличие от названий диких животных, этот признак объективируется не только в названи-

ях детенышей, но и старых, взрослых или молодых особей животных (ср. *бычишка* 'молодой бык' Том., СРНГ, 3, с. 357; *молодка* 'молодая корова, отелившаяся в первый раз' Смол., Пск., СРНГ, 18, с. 225; *молодяга* 'молодая лошадь' Арх., СРНГ, 18, с. 230; *молодяжка* 'молодое животное' Свердл., Арх., Калинин., СРНГ, 18, с. 230; *материца* 'старая овца' Волог., СРНГ, 18, с. 24; *матуха* 'старая кобыла' Симб., СРНГ, 18, с. 39; *подросток* Перм., Свердл., Киров., Новосиб., Краснояр.; *подростыш* Твер., Пск., СРНГ, 28, с. 161–162 'молодое животное'; *поросук* 'молодая свинья' СРНГ без указ. места, 30, с. 80; *старица* 'старая овца' Пск., Даль, IV, с. 317). С помощью словообразовательных средств актуализируется чаще всего качественно-характеризующий признак, реже акциональный или реляционный.

Следует отметить еще одну особенность номинативного участка «Детеныши животного», а именно его высокую семантическую расчлененность, поскольку обращение к словообразовательным средствам происходит не только тогда, когда нужно актуализировать сему 'родства', но и в тех случаях, когда требуется указать на:

— время рождения детеныша (ср. *весенник* 'жеребенок, родившийся весной' Ср. Урал., СРНГ, 4, с. 182; *вешник* 'детеныш, родившийся весной' Ср. Урал., СРНГ, 4, с. 223; *зимник* 'теленок, родившийся зимой' Твер., СРНГ, 11, с. 244; *летничка* 'телочка, родившаяся весной' Брян., СРНГ, 17, с. 20; *листопадник* 'детеныш, родившийся осенью' Пск., СРНГ, 17, с. 68 < *листопад* 'осеннее время, поздняя осень' Арх., Олон., СРНГ, 17, с. 68; *осёнок* 'ягненок осеннего приплода' Свердл., СРНГ, 23, с. 368; *осенчук* Костром., Волог.; Тамб., Новосиб., Том.; *осеныш* 'теленок осеннего приплода' Перм., СРНГ, 23, с. 369–370), причем маркироваться может не только время года, но и день рождения домашнего животного (ср. *вторена* Вят.; *втореха* Смол.; *вторька* Костром., СРНГ, 5, с. 230–232; *овторена* Вят., СРНГ, 22, с. 305 'корова, родившаяся во вторник'), даже время суток, что часто находит отражение в кличках животных, ср. (ср. *Вечерка*, *Воскресница*, *Зорька* 'клички коров');

— его возраст, ср., например, названия детенышей по первому году (ср. *молокопоек* 'новорожденный теленок' Ярослав., СРНГ, 18, с. 237; *первак* 'домашнее животное по первому году' Смол., СРНГ, 25, с. 351; *первогодник* 'жеребенок по первому году' Горьк., СРНГ, 26, с. 9; *присосок* 'теленки, сосущий матку' Твер., Пск., СРНГ, 31, с. 396; *сосун* 'теленки-сосунок' Даль без указ. места, IV, с. 277), причем отдельно маркируется признак 'отнятый от матери' (ср. *откидыш* Удм., СРНГ, 24, с. 202; *отнимыш* СРНГ без указ. места, с. 249; *поеница* Перм., СРНГ, 28, с. 285 'детеныш домашнего животного, отнятый от матери'); годовалого детеныша (ср. *годовушка* 'корова одного года' Волог., СРНГ, 6, с. 273; *летоходка* 'годовалая телка' Пск., СРНГ, 17, с. 24; *летошник* 'годовалый теленок' Дон., Пск., Твер., Брян. // 'годовалый жеребенок' Калинин., Новг., Пск., СРНГ, 17, с. 25; *молочник* 'годовалый теленок' Калинин., Иван., Влад., Горьк., СРНГ, 18, с. 245; *подсвинок* 'годовалый поросенок' Курск., СРНГ, 28, с. 174; *полеток* 'годовалый жеребенок' Новосибир., СРНГ, 29, с. 63); детеныша по второму году (ср. *двоегодок* Арх., Пск.; *двоелеток* Арх., СРНГ, 7, с. 287 'жеребенок двух лет'; *летоходец* 'теленки по второму году' Пск., СРНГ, 17, с. 24; *летошница* 'двухлетняя телка' Твер., СРНГ, 17, с. 25; *однотравок* 'теленки по второму году' Арх., Север., СРНГ, 23, с. 54). Возрастной признак является настолько существенным, что он отдельно маркируется в видовых названиях детенышей, и прежде всего в названиях жеребенка, теленка и поросенка (ср., например, названия жеребенка: *жеребчик* Кубан., СРНГ, 9, с. 137; *коняжонок* Чкал., Куйбыш., СРНГ, 14, с. 279; *полевик* Костром., СРНГ, 29, с. 47 'жеребенок до года'; *годовик* Новг., Иван., Арх., Перм., СРНГ, 6, с. 271; *летошник* Калинин., Новг., Пск., СРНГ, 17, с. 25; *нонешник* Брян., Пск., СРНГ, 21, с. 276; *озимок* Волог., СРНГ, 23, с. 94; *перволеток* Арх., Ворон., Свердл., Новосибир., СРНГ, 26, с. 11; *стриган* Ярослав.; *стригун* Тамб., Даль, IV, с. 340 'жеребенок по первому году'; *второгодок* Арх., СРНГ, 5, с. 231; *гуляк* Волог., СРНГ, 7, с. 222; *двоегодок* Арх., Пск.; *дволеток* Арх., СРНГ, 7, с. 286; *другак* Курск., Орл., Ка-

луж.; *друган* Пенз., Челяб., СРНГ, 8, с. 207 'жеребенок на втором году'; *боронник* Твер., СРНГ, 2, с. 117; *сошник* ЛАРНГ; *третьяк* Вост., Даль, IV, с. 431 'жеребенок на третьем году'; или теленка: *боровчак* Вост. Сиб., Вят., СРНГ, 3, с. 104; *годовичок* Волог., Курск.; *годушка* Куйбыш., Симб., СРНГ, 6, с. 273–274; *опоек* Калуж., СРНГ, 23, с. 270; *ососок* Север., Олон., Енис., СРНГ, 25, с. 45; *первотелок* Калинин., Киров., Волог., СРНГ, 26, с. 14 'теленка на первом году'; *зубняк* Урал., СРНГ, 11, с. 361; *мякинник* Яросл., Вят., СРНГ, 19, с. 78 'теленка на втором году');

— пол детеныша (ср. *жеребок* ~ *жеребка* 'молодая лошадь' Смол., СРНГ, 9, с. 136; *колосовик* ~ *колосовица* 'телушка на первом году' Яросл., СРНГ, 14, с. 176; *мякинник* ~ *мякинница* 'телушка на втором году' Яросл., СРНГ, 19, с. 78; *подтёл* ~ *подтёлка* 'телушка' Оренб., Кубан., Калинин., Новг., СРНГ, 28, с. 213; *ягнок* ~ *ягница* 'молодая овца' Ворон., Тамб., Даль, IV, с. 672);

— жизненную силу (ср. названия слабого детеныша: *дохлёнок* ЛАРНГ; *рыхлёнок* Даль без указ. места, IV, с. 115).

Своеобразие этой группы имен (в сравнении с названиями детенышей диких животных) проявляется и в том, что они могут образовываться от иной основы по отношению к видовому названию животного (ср. *бузавок* 'бычок в возрасте от одного до двух лет' Дон., Рост., СРНГ, 3, с. 253 < *бузать*, *бузавать* 'много и жадно пить'; *зеленчук* 'теленка на первом году' Курск., 11, с. 250; *зюзюга* 'поросенок' Свердл., СРНГ, 12, с. 42 < *зюзить* 'много пить'; *гулячок* 'двухгодовалый жеребенок' Волог., СРНГ, 7, с. 225), и в частности, от подзывных слов (ср. *бырка* Орл., СРНГ, 3, с. 347; *бляшка* Волог., СРНГ, 3, с. 360; *котьяка* Ряз., СРНГ, 15, с. 118 'ягненок' < *быр-быр*, *бьяша-бьяша*, *коть-коть* 'слова, которыми подзывают овец'; *косёк*, *косенёнок* 'жеребенок' ЛАРНГ < *кось-кось* 'слова, которыми подзывают лошадей'), хотя общий принцип номинации (название животного → название детеныша, с использованием, как правило, суф. =*онок*) сохраняется и проводится, может быть, даже последовательнее, чем в названиях диких животных (ср. *бараненок* Приирт., СРНГ, 2, с. 105; *кобыленок* Новг.,

СРНГ, 14, с. 18; *козененок* Смол., Зап., Брян., Новг., СРНГ, 14, с. 63; *кошённок* Дон., СРНГ, 15, с. 148; *лошаденок* Арх., СРНГ, 17, с. 165).

Особенностью семантической сферы «Домашние животные» является и то, что в ней практически закрыт для словообразования номинативный участок, связанный с обозначением пола взрослого животного: половой признак выражается, как правило, не с помощью словообразовательных средств, а супплетивно, разнокорневыми лексемами (ср. *кобыла* ~ *конь*, *корова* ~ *бык*, *овца* ~ *баран*, *сука* ~ *пес*, *свинья* ~ *кабан*.), хотя иногда давление системы наблюдается и в этих образованиях (ср. *баран* ~ *бараниха* Терск., СРНГ, 2, с. 106; *боров* ~ *боровиха* Свердл., СРНГ, 3, с. 105; *конь* ~ *конька* Перм., Урал., СРНГ, 14, с. 276; *котан* ~ *котанка* Арх., СРНГ, 15, с. 101; *пес* ~ *псица* Даль без указ. места, III, с. 105).

Интересно, что словообразовательные средства используются не столько для маркирования пола животного, сколько для указания на его витальность, плодородную силу, способность ~ неспособность приносить приплод. Особенно это относится к самкам животных, ср., например, наименования самки, имеющей детенышей (ср. *детятница* Брян., СРНГ, 8, с. 41; *матика* Олон., СРНГ, 18, с. 29; *матуха* Сиб., Арх., СРНГ, 18, с. 38) или самки, разрешившейся от бремени (ср. *жеребица* Влад.; *жеребуха* Tobol.; *жеребятница* Арх., СРНГ, 9, с. 136–138 'ожеребившаяся кобыла'; *телка*, *телуха*, *телушка* Даль без указ. места, IV, с. 396; 'отелившаяся корова'), причем отдельно выделяется квантитативно-характеризующий признак (ср. названия коровы, отелившейся впервые: *молодка* Пск., Смол., СРНГ, 18, с. 225; *новотелка* Бурят., СРНГ, 21, с. 225; *первсинка* Калин., Ленингр., Онеж., Олон., Пск., СРНГ, 26, с. 5; *перветка* Кубан., Дон., СРНГ, 26, с. 6; *первостка* Смол., СРНГ, 26, с. 13; *первотел* Костром., 26, с. 13; *первуха* Пск., Твер.; *первуша* Пск., Твер., СРНГ, 26, с. 14).

Небезынтересно в связи с этим отметить, что в оппозиции *беременное* ~ *яловое* животное словообразовательно детерминируется, как правило, второй член (ср. названия

яловой коровы: *боровчаниха* Забайкал., СРНГ, 3, с. 108 < *боровчан* 'кастрированный бык'; *недойка* Пск., Твер., Литв., СРНГ, 21, с. 21; *нетелица* Пск., Новг.; *нетелка* Волог., Олон., Арх., Новг., Яросл., Ленингр.; *нетелок* Смол.; *нетель* Олон., Калинин., Ставроп., Урал., Новосиб., Иркут., СРНГ, 21, с. 173–174; *яловка* Сиб., Даль, IV, с. 676), тогда как первый член оппозиции передается чаще всего описательной конструкцией (ср. *бережая кобыла*, *жеребана кобыла*, *жеребная кобыла*, *ожеребная кобыла*, *покрытая кобыла*; или *котная овца*, *объягнена овца*, *скотная овца*, *сукочая овца*, *суягная овца*).

Признак витальности животного маркируется и в названиях самцов, где с помощью словообразовательных средств актуализируется сема 'способность ~ неспособность к воспроизводству'. Причем словообразовательно маркируется прежде всего отрицательный признак (ср. названия кастрированного самца домашнего животного: *боровчан* Забайкал., СРНГ, 3, с. 108; *валах* Ворон., Новорос., СРНГ, 4, с. 21; *валыш* Вят., Яросл., СРНГ, 4, с. 31; *валюк* Ср. Урал., СРНГ, 4, с. 32; *кладенец* Арх., Волог., Перм.; *кладун* Арх.; *кладух* Калуж., Новосиб., Том.; *кладыш* Ср. Урал., Пск., Твер., Свердл., СРНГ, 13, с. 260–262; *чистяк* Арх., Даль, IV, с. 606), о чем свидетельствует не только количественный состав производных, но и тот факт, что положительный признак часто передается через негативирующую префиксацию производящей основы, обозначающей отрицательный признак (ср. *некладь* СРНГ без указ. места, 21, с. 58; *некладенец* Арх.; *некладок* Костром.; *некладыш* Калинин., СРНГ, 21, с. 58; *нерезь* Казан., Орл., Ворон., СРНГ, 21, с. 142 'некастрированный самец').

С помощью словообразовательных средств на этом номинативном участке актуализируются следующие признаки:

— темпоральный (ср. *вешняг* 'ягненок, родившийся весной' Волог., СРНГ, 4, с. 225; *годовик* 'годовалое животное' Перм., Яросл., Волог., Пск., Вят., Ворон., Том., СРНГ, 6, с. 271; *летник* 'домашнее животное, родившееся летом' Твер., Свердл., СРНГ, 17, с. 19; *нонечник* 'жеребенок на первом году' Брян., СРНГ, 21, с. 276; *осенник* 'домашнее

животное осеннего приплода' Калин., Иркут., СРНГ, 23, с. 367);

— акторный (ср. *валух* 'кастрированный баран, бык' Калуж., Смол., Орл., Курск., Липец., Ворон., Казан., СРНГ, 4, с. 31; *доулица* 'корова' Урал., СРНГ, 8, с. 95; *кладень* 'кастрированный самец домашнего животного' Том., Новосибир., Свердл., СРНГ, 13, с. 255; *нерез* 'некастрированный самец' Онеж., СРНГ, 21, с. 142; *отъемок* 'детеныш домашнего животного, отнятый от матери' Забайкал., СРНГ, 25, с. 14);

— качественно-характеризующий (ср. *зеленчук* 'теленок по первому году' Курск., СРНГ, 11, с. 250; *колосовица* 'телушка на первом году' Яросл., СРНГ, 14, с. 176; *молодка* 'корова, отелившаяся впервые' Пск., Смол., СРНГ, 18, с. 225; *молодыш* 'молодое животное' Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 230; *полевик* 'жеребенок до года' Костром., СРНГ, 29, с. 47; *яловица* 'яловая корова' Сиб., Даль, IV, с. 676);

— акциональный (ср. *бузавик* 'бычок в возрасте от одного до двух лет' Ворон., СРНГ, 3, с. 253 < *бузать*, *бузавать* 'много и жадно пить'; *высосок* 'теленок на первом году' Киров., СРНГ, 6, с. 26; *гуляк* 'двухгодовалый жеребенок' Волог., СРНГ, 7, с. 222; *летоходка* 'годовалая телка' Пск., СРНГ, 17, с. 24; *переходница* 'яловая корова' Киров., Нижегород., Костром., Влад., Волог., Яросл., Моск., Сиб., СРНГ, 26, с. 264);

— реляционный с актуализацией сем 'половая противоположность' (ср. названия детенышей: *жеребок* ~ *жеребка* 'молодая лошадь' Смол., СРНГ, 9, с. 136; *колосовик* ~ *колосовица* 'телушка на первом году' Яросл., СРНГ, 14, с. 176; *мякинник* ~ *мякинница* 'телушка на втором году' Яросл., СРНГ, 19, с. 78; *подтёл* ~ *подтёлка* 'телушка' Оренб., Кубан., Калин., Новг., СРНГ, 28, с. 213; *ягнок* ~ *ягница* 'молодая овца' Ворон., Тамб., Даль, IV, с. 672; а также взрослых особей: *баран* ~ *бараниха* 'овца' Терск., СРНГ, 2, с. 106; *боров* ~ *боровиха* 'свинья' Свердл., СРНГ, 3, с. 105; *конь* ~ *конька* 'кобыла' Перм., Урал., СРНГ, 14, с. 276; *котан* ~ *котанка* 'кошка' Арх., СРНГ, 15, с. 101; *пес* ~ *псица* 'сука' Даль без указ. места, III, с. 105) и 'родство' (ср. *бара-*

ненок Приирт., СРНГ, 2, с. 105; *кобыленок* Новг., СРНГ, 14, с. 18; *козененок* Смол., Зап., Брян., Новг., СРНГ, 14, с. 63; *кошённок* Дон., СРНГ, 15, с. 148; *лошаденок* Арх., СРНГ, 17, с. 165).

В семантической сфере «Домашние животные» выделяется еще один номинативный участок, связанный с местом обитания домашних животных. Словообразовательные средства довольно регулярно используются в названиях построек, где содержится скот (ср. общие названия хлева: *закутень* Твер., Курск.; *закутник* Ворон., СРНГ, 10, с. 183; *подклеть* Моск., Киров., Арх., Ряз., Олон., Волог., Яросл., Иркут., СРНГ, 28, с. 36; *скотинец* Даль без указ. места, IV, с. 206), среди которых немало характеризирующих имен, в образовании которых используются, как правило, суффиксы =*ник* и =*н-я* (ср. *коневник* Том., СРНГ, 14, с. 249; *конюшня* Саратов.; *конюшник* Куйбыш., СРНГ, 14, с. 277 'помещение для крупного рогатого скота'; *мелкоскотник* 'помещение для мелкого скота' Киров., СРНГ, 18, с. 100; *конюшень* 'конюшня' Орл., Куйбыш., СРНГ, 14, с. 277; *лошадня* 'конюшня' Калуж., СРНГ, 17, с. 166; *коровня* Влад., Новосибир., Курск., СРНГ, 14, с. 354; *коровятник* Перм., Терск., СРНГ, 14, с. 357 'коровник'; *овчаник* Твер.; *овчарка* Смол., Пск., Том.; *овчарух* Тамб., Курск., Тул., Орл., Брян., Ворон., СРНГ, 22, с. 306 'овчарня'; *свиных* 'свинарник' Пск., Твер., Даль, IV, с. 150), причем в диалектах может отдельно маркироваться признак, указывающий на предназначенность помещения для детенышей животных (ср. *жеребятник* 'хлев для жеребят' Калуж., СРНГ, 9, с. 138; *поросятник* 'хлев для поросят' Костром., СРНГ, 30, с. 81; *телятник* 'хлев для телят' Даль без указ. места, IV, с. 396), а иногда и для самцов (ср. *бычатник* 'хлев для быков' Рост., СРНГ, 3, с. 357; *кабанник* 'хлев для кабанов' Забайкал., СРНГ, 12, с. 282).

Обращение к словообразовательным средствам наблюдается и в том случае, когда нужно обозначить место выгона животных. Причем здесь также, кроме общего названия (ср. *пастбище* 'огороженный выгон в лесу или поле' Волог., СРНГ, 25, с. 261; *паственник* Волог., СРНГ, 25,

с. 261; *пастушина* Яросл., СРНГ, 25, с. 266; *пастушник* Моск.; *пастушня* Волог., Твер., Иван., Новг., СРНГ, 25, с. 267 'пастбище'; *подскотина* Волог., Новг., Яросл., Вят., Арх., Олон., СРНГ, 28, с. 182; *поскотина* Арх., Беломор., Печор., Олон., Волог., Костром., Калинин., Калуж., Ставроп., Вят., Свердл., Сиб., СРНГ, 30, с. 168 'пастбище'), имеются и видовые, обозначающие пастбища для конкретных животных (ср. *коневище* Киров., СРНГ, 14, с. 249; *конище* Ряз., СРНГ, 14, с. 258 'пастбище для лошадей'; *свиной* 'пастбище для свиней' Даль без указ. места, IV, с. 150 и т. д.).

В этих именах с помощью словообразовательных средств актуализируется, как правило, реляционный признак с семей 'пространственная смежность' (ср. *конюшина* 'конюшня' Чкал., СРНГ, 14, с. 277; *коровятник* 'коровник' Перм., Терск., СРНГ, 14, с. 357; *лошадник* 'конюшня' Ворон., Орл., Моск., СРНГ, 17, с. 166; *овчарень* 'овчарня' Курск., СРНГ, 22, с. 306), реже — локативный (ср. *закутень* 'хлев' Твер., Курск., СРНГ, 10, с. 181; *подклеть* 'помещение для домашних животных' Моск., Киров., Арх., Олон., Волог., Яросл., Ряз., Иркут., СРНГ, 28, с. 36) и акторный (ср. *паства* 'пастбище' Саратов., Волог., Арх., Сев.-Двин., СРНГ, 25, с. 261).

Названия домашних животных формируют еще один номинативный участок, открытый для словообразования, — названия лиц, ухаживающих за ними (ср. *бычатник* Краснодар.; *бычник* Ср. Урал., СРНГ, 3, с. 357 'скотник, ухаживающий за быками'; *конежник* Пск., СРНГ, 14, с. 249; *конюг* СРНГ без указ. места, 14, с. 276 'конюх'; *коровник* 'скотник, ухаживающий за коровами' Твер., Моск., СРНГ, 14, с. 353; *овчарник* 'скотник, ухаживающий за овцами' Новосибир., СРНГ, 22, с. 366), с характерной для них словообразовательной корреляцией по полу (ср. *конник* ~ *конница* Свердл., СРНГ, 14, с. 258; *конюх* ~ *конюшка* Ср. Урал., Свердл., СРНГ, 14, с. 278; *бычник* ~ *бычница* Арх., СРНГ, 3, с. 357; *овчар* ~ *овчарка* Новг., Ряз., Ленингр., Арх., Киров., Костром., Ср. Урал., Свердл., Сиб., СРНГ, 22, с. 306), а также лиц, пасущих скот: здесь, кроме

общего названия пастуха (ср. *опасчик* СРНГ без указ. места, 23, с. 242; *пастел* Смол., СРНГ, 25, с. 262; *пастушина* Олон., СРНГ, 25, с. 266; *пасун* Калин., СРНГ, 25, с. 270; *скотник* Даль без указ. места, IV, с. 206), имеются и видовые названия (ср. *баранник* 'пастух, пасущий баранов' Саратов., Воронеж., СРНГ, 2, с. 106; *конюх* Воронеж., Новгород., Ленингр., Калуж., Смол., СРНГ, 14, с. 276; *конюшник* Арх., Вят., СРНГ, 14, с. 278 'пастух, пасущий лошадей'; *коровник* 'пастух, пасущий коров' Воронеж., Курск., Ряз., Смол., Новгород., СРНГ, 14, с. 353; *крупняк* 'пастух, пасущий коров' Калин., СРНГ, 15, с. 321; *мелкошник* 'пастух, пасущий овец' Петерб., СРНГ, 18, с. 101; *овчарник* 'пастух, пасущий овец' Воронеж., Курск., Ср. Урал., СРНГ, 22, с. 306 и т. д.), в которых отдельно выделяются названия пастухов, пасущих молодых животных (ср. *телятник* 'пастух, пасущий телят' Пск., Даль, IV, с. 397). С помощью словообразовательных средств актуализируется, как правило, реляционный признак семой 'принадлежность'.

Особенностью семантической сферы «Домашние животные» является и то, что в ней открыт для словообразования такой ее номинативный участок, как совокупность животных одного вида (ср. *баранье* собир. 'бараны' Тобол., Твер., Костром., СРНГ, 2, с. 108; *конье* собир. 'кони' Перм., СРНГ, 14, с. 276; *конище* собир. 'табун лошадей' Ряз., СРНГ, 14, с. 258; *коровье* собир. 'коровы' Ряз., Великолукс., Арх., Волог., СРНГ, 14, с. 356; *лошадье* собир. 'лошади' Курск., Орл., Тул., Калуж., Смол., Ряз., Моск., Твер., Влад., Олон., СРНГ, 17, с. 167), хотя это значение может передаваться нередко лексически или синтаксически, ср. *стадо коров, табун лошадей*. Словообразовательные средства подключаются и в том случае, когда необходимо обозначить совокупное множество молодых животных, причем в основном это родовое название (ср. *молодак* Новосиб.; *молодежник* Волог., Иркут., СРНГ, 18, с. 220; *молодик* Ряз., Саратов.; *молодник* Новосиб., СРНГ, 18, с. 224; *молодяга* СРНГ без указ. места, 18, с. 231; *молодяк* Самар., Ряз.; *молодятина* Смол., Тамб.; *молодятник* Кемер., Орл., СРНГ, 18, с. 231 собир. 'молодняк').

Зато практически закрыта для словообразования семантическая группа *nomina singulativa* (ср. единичные образования, относящиеся к общему названию одного домашнего животного: *животинина* Пск., Твер., Олон., Новг., СРНГ, 9, с. 159; *скотинка* Даль без указ. места, IV, с. 206).

Своеобразие семантической сферы «Домашние животные» проявляется и в том, что здесь, в отличие от названий диких животных, более регулярным является использование словообразовательных средств для выражения субъективной оценки говорящего. Кроме экспрессивных образований общего названия домашних животных (ср. *животинушка*, *скотинушка*, *худобинка*), в диалектах имеется множество частнохарактеризующих имен (ср. *баранюшка* ласк. к баран Твер., СРНГ, 2, с. 108; *барашунька* ласк. к бараш 'баран' Твер., СРНГ, 2, с. 111; *бынюшка* Самар., СРНГ, 3, с. 347; *бысенька* Смол., СРНГ, 3, с. 349; *бычайка* Волог., Костром.; *бычаюшка* Костром., Влад., СРНГ, 3, с. 357 ласк. к бык; *козелька* ласк. к коза Смол., СРНГ, 14, с. 62; *козелок* ласк. к козел Арх., Волог., Тул., Самар., Перм., СРНГ, 14, с. 61; *конечик* Саратов., Беломор., СРНГ, 14, с. 254; *конька* Перм., Урал., СРНГ, 14, с. 276; *конячка* Дон., СРНГ, 14, с. 280 ласк. к конь; *коровца* ласк. к корова Смол., СРНГ, 14, с. 356; *лошадонька* ласк. к лошадь Вят., СРНГ, 17, с. 166 и т. д.). Эта ситуация во многом объясняется сферой распространения подобных имен: употребление их происходит чаще всего при обращении к животным, их кормлении, уходе за ними и т. д., что является еще одним свидетельством прагматической направленности словообразования.

Птицы

Семантическая сфера «Птицы» имеет несколько иную организацию, хотя здесь также отчетливо выделяются два номинативных участка — «Дикие птицы» и «Домашние птицы».

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что номинативный участок дикие птицы является значитель-

но более открытым для словообразования, чем соответствующий участок в названиях животных. Помимо общего названия дикой птицы (ср. *дикарка* Ворон., СРНГ, 8, с. 55; *дикуша* ЛАРНГ; *дичатина* Орл., Самар., Перм., Свердл.; *дичье* Пск., СРНГ, 8, с. 68; *полетятинна* Костром., СРНГ, 29, с. 65), словообразовательные средства активно участвуют при образовании родовых и видовых названий птиц (напомним, что в родовых названиях животных они практически не встречаются). С помощью словообразовательных средств объективируются самые различные признаки и свойства птиц, которые позволяют почувствовать своеобразие в мирозерцании и мировосприятии человеком природы. В зависимости от признака, положенного в основу номинации, одна и та же птица в диалектах часто называется по-разному (ср., например, названия тетерева *Tetrao urogallus* L.: *боровик* Арх., СРНГ, 3, с. 104; *глухарь* Вост. Сиб., Север., СРНГ, 6, с. 213; *косач* Север., Перм., Свердл., Сиб., СРНГ, 15, с. 47; *мошник* Север., Олон., Беломор., Волог., Новг., Пск., Петерб., Твер., Яросл., СРНГ, 18, с. 324; *пальник* Перм., Тобол., Том., Свердл., Краснояр., Енис., Иркут., Забайкал., Сиб., СРНГ, 25, с. 180 и т. д.).

Привлечение словообразовательных средств позволяет объективировать в названиях птиц следующие признаки:

— место обитания птицы, в частности, в определенных лесах (ср. *березовик* 'вальдшнеп, который водится в березовых лесах' СРНГ без указ. места, 2, с. 252; *березовка* 'пеночка желтобровка *Phylloscopus sibilatrix* Bechst.' Петерб., СРНГ, 2, с. 253; *боровок* 'тетерев *Tetrao urogallus* L.' Енис., СРНГ, 3, с. 108; *дубровик* 'дрозд белобровик *Turdus ilicus* L.' Яросл., СРНГ, 8, с. 241); в дупле дерева (ср. *дуплянка* 'названия некоторых птиц, которые гнездятся в дуплах' Олон., Яросл., Моск., Новг., СРНГ, 8, с. 262); на болоте (ср. *болотник* 'дикий гусь' Пск. // 'журавль' Яросл., СРНГ, 3, с. 79; *болотнянка* 'кулик *Tringa ochropus* L.' Сиб., Астрах., Ряз., Яросл., Перм., СРНГ, 3, с. 80); на лугу (ср. *луговка* 'чибис': «В лугах луговка живет, потому ее так и зовут» Моск., Дон., Петрогр., Новг., Влад. // 'утка луговая' Олон., Волог., СРНГ, 17, с. 175); в степи (ср. *степняк*,

степняга 'степной кулик' Вост., Даль, IV, с. 322); в определенных травах (ср. *камышник* 'овсянка камышовая *Eberiza schoeniclus* L.' Арх., СРНГ, 13, с. 33; *крапивница* 'зорянка *Erythaus rubecula* L.' Моск., СРНГ, 15, с. 169; *простянка* 'камышовый воробей *Parrus biarmicus* L.' Даль без указ. места, IV, с. 434; *травник* 'болотный куличок' Даль без указ. места, IV, с. 434); по берегам водоемов (ср. *береговик* 'курик-перевозчик' СРНГ без указ. места, 2, с. 245; *кряжевица* 'птица, которая гнездится в отвесных склонах берега' Арх., СРНГ, 15, с. 363); в песках (ср. *песочник* 'птица сем. ржанок *Totanus hypobaeus* L.' СРНГ без указ. места, 26, с. 307); в камнях (ср. *каменичник* Якут.; *каменка* Петерб., СРНГ, 13, с. 18 'дикая утка каменушка');

— способ передвижения, повадки, образ жизни; этот признак в названиях птиц маркируется значительно чаще, чем в названиях животных (ср. *бегун* 'птица из сем. дроф, вихляй *Otis macqueni*' Урал., СРНГ, 2, с. 171; *вертошейка* 'птица из сем. дятловых, вертишейка' Яросл., СРНГ, 4, с. 155; *вертун* 'кулик-зук': «Садясь на воду, вертится во все стороны», СРНГ без указ. места, 4, с. 155; *вертай* 'птица из сем. дроф *Chlamydotis undulata*' Урал., СРНГ, 4, с. 157; *вилюн* 'птица из сем. дроф, вихляй *Otis macqueni*' Урал., СРНГ, 4, с. 284; *вьюха* 'чайка *Larus* L.' СРНГ, 6, с. 70; *вьюшан* 'птица сем. чаек, крачка *Sterna fluviatilis* L.' Яросл., СРНГ, 5, с. 70; *дергунец* 'нырок' Перм., СРНГ, 8, с. 10; *курохватка* 'сорока' Курск., СРНГ, 16, с. 141; *лазейка* 'пищуха *Cetthia familiaris* L.' Яросл., СРНГ, 16, с. 243; *лежень* 'вальдшнеп' Кубан., СРНГ, 16, с. 323; *плавень* 'водоплавающая птица' Забайкал., СРНГ, 27, с. 67; *ползун* 'поползень' Яросл., Свердлов., СРНГ, 29, с. 67; *поползень* 'дятел' Яросл., СРНГ, 29, с. 330; *рыболовка* 'чайка' Влад., Даль, IV, с. 117; *трясучка* 'птица стрепет *Otis tetrah*' Даль без указ. места, IV, с. 439);

— цвет ее оперенья, в том числе отдельных частей тела (ср. *белушка* 'белая куропатка' Нижегород., СРНГ, 2, с. 229; *белошейка* 'ржанка *Arenaria interpres* L.' Перм., СРНГ, 2, с. 227; *желтобровка* 'пеночка *Phyllopeuste* L.' Тул., Моск., СРНГ, 9, с. 112; *желтушка* 'зорянка *Erythaeus rubecula* L.'

Новг., СРНГ, 19, с. 114; *зеленушка* 'синица *Parus major*' Свердлов., Тобол., СРНГ, 11, с. 249; *красноголовик* 'порода диких уток' Моск., СРНГ, 15, с. 181; *красногрудик* 'снегирь' Заурал., СРНГ, 15, с. 182; *краснозобка* 'снегирь' Тобол., Симб., Твер., СРНГ, 15, с. 182; *красногузка* 'дятел *Picus martius L.*' СРНГ без указ. места, 15, с. 182; *красноножка* 'щегол *Totanus fuscus L.*' Поволж., СРНГ, 15, с. 183; *красношейка* 'соловей *Erithacus colliore Pall.*' Енис., СРНГ, 15, с. 181; *лазорька* 'лазоревка' СРНГ без указ. места, 16, с. 246; *огнива* 'горихвостка' Урал., СРНГ, 22, с. 328; *пегануха* 'птица из сем. уток-нырков' Моск., СРНГ, 25, с. 312; *пеструшка* 'мухоловка *Miscicapa atricapilla L.*' Ярослав., СРНГ, 26, с. 319; *черногрудка* 'кулик *Tringa cindlus L.*' Даль без указ. места, IV, с. 595; *чернеть* 'утка-чернь' Сиб., Даль, IV, с. 595 и т. д.);

— характерную часть тела (ср. *вострохвост* 'шилохвост *Anas acuta*' Перм., Арх., Ср. Урал., Том., Тобол., СРНГ, 5, с. 149; *голован* 'турман *Fuligula fusca L.*' Тобол., СРНГ, 6, с. 301; *горлач* 'коростель' Вят., СРНГ, 7, с. 39; *гребенуха* 'водоплавающая птица сем. уток *Somateria spectabilis*' СРНГ без указ. места, 7, с. 121; *долгохвостик* 'птица сем. уток' Онеж., СРНГ, 8, с. 108; *дубоноска* 'дикая утка' Рост., СРНГ, 8, с. 239; *зобец* 'снегирь' Казан., СРНГ, 11, с. 323; *ушатка* 'ушатая сова' Вят., Даль, IV, с. 525; *шилоноска* 'приморский кулик *Recurvirostra avocetta*' Даль без указ. места, IV, с. 635);

— время появления птицы на свет или время ее охоты (ср. *зимородок* 'птица сем. воробьиных' Костром., СРНГ, 11, с. 281; *ночник* 'хищная птица, сова, козодой, летающая только ночью' Пск., СРНГ, 21, с. 303; *полуночица* 'козодой *Carpodacus europaeus*' Ярослав., Волог., Смол., Том., СРНГ, 29, с. 156);

— основной вид корма (ср. *жабник* 'журавль' Костром., СРНГ, 9, с. 50; *зайчатник* 'орел, который охотится на зайцев' Пск., Твер., Кубан., СРНГ, 10, с. 109; *кедровик* 'птица из сем. воробьиных, питающаяся кедровыми орехами' Иркут., СРНГ, 13, с. 174; *комарница* 'крачка малая' Пск., СРНГ, 14, с. 227; *коноплянка* 'серая славка' Ярослав.,

СРНГ, 14, с. 267; *конопляник* 'воробей, который, склевывая семя, обивает коноплю' СРНГ без указ. места, 14, с. 267; *курник* 'ястреб' Новг., СРНГ, 16, с. 136; *лягушатник* 'лунь болотный' Яросл., СРНГ, 17, с. 256; *мышатник* 'хищная птица лунь' Калуж., Тобол., СРНГ, 19, с. 68);

— способ добывания пищи (ср. *долбенек* Волог.; *долбила* Сиб.; *долбилка* Арх., СРНГ, 8, с. 103–104 'дятел'; *колотилко* 'дятел' Арх., СРНГ, 14, с. 179; *кырёк* Кубан.; *ныруха* Пск., СРНГ, 21, с. 323–325 'нырок');

— характерные звуки, издаваемые птицей (ср. *гагва* 'чибис' Урал., СРНГ, 6, с. 89; *гагун* 'полярная морская птица' Онеж., Арх., Север., Сиб., СРНГ, 6, с. 89; *гутач* 'сова' Север, Олон., СРНГ, 7, с. 249; *гугай* 'филин' Олон., СРНГ, 7, с. 198; *зинька* 'синица' Симб., Вят., Оренб., СРНГ, 11, с. 282; *каркуша* 'кукушка' Киров., СРНГ, 13, с. 92; *клокуша* 'утка *Anas glutans*' Сиб., СРНГ, 13, с. 302; *коковик* 'гагара *Colymbus artica* L.' Тобол., СРНГ, 14, с. 91; *коковица* Влад., СРНГ, 14, с. 91; *кокуша* Смол., Новг., Волог., Арх., Онеж., СРНГ, 14, с. 106 'кукушка'; *крехтун* 'бекас *Scolopax gallinago*' Южн., СРНГ, 15, с. 239; *крякаш* 'утка-кряква' Том., СРНГ, 15, с. 366; *кряковень* 'селезень' Волог., СРНГ, 15, с. 367; *свистун* 'кулик' Даль без указ. места, IV, с. 150; *ухала* 'выпь' Даль без указ. места, IV, с. 524; *шипун* 'лебедь' Даль без указ. места, IV, с. 633).

В семантической структуре этих имен выделяются не только реальные признаки или свойства птиц, но и ирреальные, т. е. те, которые им приписывает человек, но которые, однако, проливают свет на его восприятие внешнего мира. В этих названиях нередко просвечивают отношения подобия: с помощью словообразовательных средств объективируется признак сходства с человеком (ср. *иванец* 'синица' Пенз., СРНГ, 12, с. 55; *иванок* 'зимородок' СРНГ без указ. места, 12, с. 56; *кузнец* 'козодой' Сиб. // 'синица' Олон., СРНГ, 16, с. 24), с животными (ср. *барашек* 'бекас *Galinago galinago*' Олон. // 'хохлатая синица *Parus cristallum* L.' Яросл., СРНГ, 2, с. 109; *барсучок* 'камышовка *Acrocephalus schoenoboen* L.' Моск., СРНГ, 2, с. 121; *конек*

'стриж' Калинин., СРНГ, 14, с. 251), с самими птицами (ср. *воронки* 'стриж' Влад., Ворон., СРНГ, 5, с. 116; *петушок* 'турухтан *Totanus rugosus*' Тобол., Олон., СРНГ, 26, с. 334), с предметами домашнего обихода (ср. *серпик* 'стриж' ЛАРНГ, *топорка* 'приморская птица *Alca artica*' Даль без указ. места, IV, с. 417).

Эта множественность мотивации в названиях птиц, возможность манифестации одной и той же реалемы разными лексемами (ср. названия синицы *Parus major*: *белосик* Волог., СРНГ, 2, с. 225; *гусарик* Гурьев., СРНГ, 7, с. 241; *зеленушка* Свердл., Тобол., СРНГ, 11, с. 249; *зимушка* Перм., СРНГ, 11, с. 282; *зинька* Симб., Вят., Оренб., СРНГ, 11, с. 282; *иванчик* Дон., СРНГ, 12, с. 57 и т. д.), а также существование лексической омонимии, когда одна и та же лексема соответствует разным реалемам (ср. *глухарь* СРНГ, 6, с. 213: 1) 'тетерев *Tetrao urogallus* L.' Вост. Сиб., Север; 2) 'черноголовый хохотун *Larus ichthyetos* Pall.' Касп.; 3) 'дроф *Otis tetrix* L.' Саратов.; *горобец* СРНГ, 7, с. 54: 1) 'воробей' Ряз., Курск., Дон., Ворон., Тобол., Краснодар.; 2) 'соловей' Курск.), говорит о некоторой семантической и лексической неустойчивости этих названий. Однако подобные случаи встречаются крайне редко, поскольку использование словообразовательных средств, присоединяемых к одной и той же основе, позволяет дифференцировать разные виды птиц (ср. *березовик* 'тетерев' Влад., СРНГ, 2, с. 252 и *березовка* 'сова' Яросл., СРНГ, 2, с. 253; *береговуха* 'ласточка' и *побережник* 'кулик' ЛАРНГ; *рябец* 'рябчик' и *рябка* 'куропатка' Даль без указ. места, IV, с. 124).

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *белозобка* 'сорока' Яросл., Калуж., СРНГ, 2, с. 220; *березовик* 'тетерев' Влад., СРНГ, 2, с. 252; *желтушок* 'желтый чиж *Spinus Koch*' Калуж., СРНГ, 9, с. 116; *житник* 'ржанка *Charadrius pluvialis*, которая появляется в начале августа во время яровых посевов ржи' Смол., СРНГ, 9, с. 191; *кедровик* 'птица из сем. воробьиных, питающаяся кедро-

выми орехами' Иркут., СРНГ, 13, с. 174; *красноголовка* 'порода диких уток' Иркут., СРНГ, 15, с. 181; *космарь* 'дикая утка' Арх., СРНГ, 15, с. 55; *пеструха* 'тетерка' Арх., Беломор., Печор., Том., Краснояр., Иркут., Енис., Свердл., СРНГ, 26, с. 318; *снеговик* 'боровой кулик первого внешнего прилета, когда в лесу еще лежит снег' Даль без указ. места, IV, с. 250);

— акциональный (ср. *гукалица* 'выпь *Botaurus minutus*' Смол., СРНГ, 7, с. 211; *дергун* 'дергач' Ряз., Симб., Смол., Пск., Яросл., Петерб., Новг., Урал., Tobол., СРНГ, 8, с. 10; *долбень* 'дятел' Перм., Калуж., СРНГ, 8, с. 103; *каркун* 'ворон' Беломор., Влад., Калин., СРНГ, 13, с. 92; *клевец* 'дятел' Олон., Онеж., СРНГ, 13, с. 271; *крехтель* 'коро-стель' Смол., СРНГ, 15, с. 239; *летун* 'гусь' Брян., СРНГ, 17, с. 25; *пугач* 'филин' Даль без указ. места, III, с. 535; *трясохвостка* 'мухоловка *Motacilla L.*' Даль без указ. места, IV, с. 439);

— локативный (ср. *болотнянка* 'кулик *Tringa ochropus L.*' Сиб., Астрах., Ряз., Яросл., Перм., СРНГ, 3, с. 80; *дупляница* 'маленькая птичка, живущая в сгнивших дуплах' Пск., Твер., СРНГ, 8, с. 261; *луговка* 'утка луговая' Олон., Волог., СРНГ, 17, с. 175; *побережник* 'речной береговой кулик' Арх., Дон., СРНГ, 27, с. 193; *степняк* 'степной кулик' Вост., Даль, IV, с. 322);

— темпоральный (ср. *зимник* 'зимняя птичка' Оренб., СРНГ, 11, с. 274; *зимняк* 'орел-змееяд *Archibuteo lagopus L.*' Моск., СРНГ, 11, с. 277; *зимушка* 'синица' Перм., СРНГ, 11, с. 282; *ночница* 'козодой *Caprimulgus europaeus*' Новг., Волог., СРНГ, 21, с. 303; *полуночник* 'козодой' Поволж., Яросл., СРНГ, 29, с. 156);

— реляционный с объективацией семы 'подобие' (ср. *баранчик* 'бекас' Ворон., СРНГ, 2, с. 107; *вороненочек* 'стриж' Ряз., СРНГ, 5, с. 112; *иванчик* 'птица-рыболов' Калуж. // 'синица' Дон., СРНГ, 12, с. 57; *конек* 'стриж' Калин., СРНГ, 14, с. 251; *петушок* 'турухтан *Totanus rugnaх*' Tobол., Олон., СРНГ, 26, с. 334).

Словообразовательные средства довольно активно используется и при образовании названий птенцов. Кроме

общего названия (ср. *детеньш* Арх.; *детинец* Моск., СРНГ, 8, с. 37; *птышонок* Даль без указ. места, III, с. 534 'птенец лесной птицы'), они встречаются в различных конкретизирующих именах (ср. *пискаленок* Смол., Тул.; *пискляк* Пск., СРНГ, 27, с. 47 'птенец, которого еще кормит мать'), особенно в таких, где объективируется признак наличие ~ или скорее, отсутствие оперения (ср. *голенок* Брян., Курск.; *голец* Курск., СРНГ, 6, с. 291–292; *голыш* Курск., Орел; *голышонок* Курск., СРНГ, 6, с. 346–347 'неоперившийся птенец'; *оперок*, *оперыш* 'оперившийся птенец' СРНГ без указ. места, 23, с. 251; *порхун* 'неоперившийся птенец' Влад., СРНГ, 30, с. 113; *пуховичок* 'неоперившийся птенец' ЛАРНГ; *хлопунец* 'оперившийся птенец' ЛАРНГ), способность ~ неспособность летать (ср. названия птенца, только начинающего летать: *перелеток*, *перелётыш* Арх., СРНГ, 26, с. 143; *подлётыш* Пск., Смол., СРНГ, 28, с. 64; *порхлец* ЛАРНГ; *поршок* Волог., СРНГ, 30, с. 118; *слёток*, *слетыш* Даль без указ. места, IV, с. 220). Кроме того, они активно используются при образовании видовых названий птенцов, в которых употребляется чаще всего суф.=*онок* и его расширенные варианты (ср. *галенок* Твер., Пск., Новг., СРНГ, 6, с. 109; *галчененок* Курск., СРНГ, 6, с. 121; *грачененок* Южн., СРНГ, 7, с. 118; *дятлёнок* ЛАРНГ и т. д.), хотя нельзя не отметить, что в ряде случаев эта номинативная модель остается нереализованной, поскольку в диалектах встречаются и описательные конструкции (ср. *птенец зяблика*, *горлицы*, *куропатки*, *трясогузки*, *рябчика*, *цапли*, *чайки* и т. д.). С помощью словообразовательных средств актуализируется чаще всего реляционный признак с семей 'родство', реже акциональный и качественно-характеризующий.

Зато практически закрыт для словообразования номинативный участок «Части тела птицы» (ср. единичные названия клюва птицы: *дзюбка* Смол., СРНГ, 8, с. 46; *клюкша* Новг.; *клюмка* Смол., СРНГ, 13, с. 321; *пикулька* Волог., СРНГ, 27, с. 26), производные же наименования крыльев птицы (ср. *крылице* Новг., Смол., Тамб., СРНГ, 15, с. 342; *крылье* Арх., СРНГ, 15, с. 345) являются лишь суффик-

сальными расширениями соответствующих непроеизводных основ (ср. единичное *махало* 'крыло птицы' Арх., Печор., Якут., СРНГ, 18, с. 44).

Некоторая непоследовательность в использовании словообразовательных средств наблюдается и при объективации полового признака (ср., например, отсутствие *nomina feminativa* от таких названий птиц, как *галка*, *зяблик*, *иволга*, *коршун*, *кукушка*, *кулик*, *ласточка*, *синица*, *сова*, *сорока*, *трясогузка* и др.), хотя в целом этот номинативный участок открыт для словообразования (ср. *воробей* ~ *воробка* Курск., СРНГ, 5, с. 103; *грач* ~ *грачиха* Азарх, 1993; *журавель* ~ *журавлиха* ЛАРНГ; *кокуй* Свердл., Ср. Урал., СРНГ, 14, с. 103 ~ *кокуша* Смол., Новг., Волог., Арх., Онеж., СРНГ, 14, с. 106; *мошник* Арх., Мурман., Олон., Беломор., Волог., Петерб., Новг., Пск., Твер., Яросл. ~ *мошница* 'самка глухаря' Пск., СРНГ, 18, с. 324 и т. д.), здесь наиболее активно «работают» суффиксы =*их-а*, =*иц-а*, =*к-а*, и =*ш-а*.

В отличие от названий диких животных, номинативный участок «Совокупное множество птиц одного вида» (*nomina collectiva*) практически закрыт для словообразования. Использование здесь словообразовательных средств является вялым и непоследовательным (ср. единичные производные типа *вороньё* ЛАРНГ, *галоньё* Костром., Яросл., Новг., Пск.; *галочьё* Вят., Арх., Олон., Костром., СРНГ, 6, с. 117, *грачевьё* Яросл.; *грачьё* Пск., Смол., СРНГ, 7, с. 118 при отсутствии *nomina collectiva* от множества других птиц). Такая же картина наблюдается и при образовании сингулятивов. В то же время широко открыта для словообразования семантическая сфера экспрессивно-оценочных (причем преимущественно уменьшительно-ласкательных) образований, где довольно регулярным является использование суффиксов с консонантным элементом -К- (ср. *воробейка* Смол., Новг., Арх., Курск.; *воробейушка* Арх.; *воробешек* Новг., Яросл., Арх., СРНГ, 5, с. 102; *вороночка* Смол., СРНГ, 5, с. 117; *журавельчик* Курск.; *журавенька* Самар.; *журавонька* Арх., Самар., Казан., СРНГ, 9, с. 228–230; *кокушечка* Кубан., Курск., Смол., Влад.,

Костром., Новг., Том., Север, СРНГ, 14, с. 106; *кукушенька* Симб., Пск., СРНГ, 16, с. 47). Этот эмоциональный «модус» в названиях птиц является их отличительной особенностью по отношению к названиям диких животных.

Номинативный участок «Домашние птицы» имеет в принципе такую же организацию, что и «Дикие», т. е. с помощью словообразовательных средств здесь объективируются прежде всего возрастной и половой признаки. Вместе с тем прослеживаются и существенные различия.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что названия домашней птицы (о. н. *домашность* Урал., Свердл., Том., СРНГ, 8, с. 118; *дробина* Южн., СРНГ, 8, с. 187) в большинстве своем являются классифицирующими (ср. *гусь, утка, курица, индюк*), поэтому явление семантической или лексической неустойчивости, существующее в названиях диких птиц, здесь практически отсутствует. Вместе с тем в диалектах встречается немало характеризующих названий этих птиц, актуализирующих самые различные мотивировочные признаки.

Так, в частности, использование словообразовательных средств позволяет детализировать эти названия за счет объективации таких характерных признаков, как:

— звуки, издаваемые птицей (ср. *гаган* 'гусак' Самар., Новг., СРНГ, 6, с. 87; *гурлак* 'индюк' Калуж. СРНГ, 7, с. 299; *квокша* 'курица' Южн., Яросл., Тамб., Ср. Урал., 13, с. 169; *квохча* Калинин.; *квохша* Ср. Урал., СРНГ, 13, с. 170 'курица-наседка'; *кукарей* 'петух' Тамб., СРНГ, 16, с. 32);

— повадки птицы (ср. *ворчун* 'индюк' Влад., СРНГ, 5, с. 129; *клеву* 'петух, который клюется' Волог., СРНГ, 13, с. 272; *парунья* 'курица, которая сидит как наседка на гнезде, хотя в нем нет яиц' Волог., СРНГ, 25, с. 244; *певень* 'петух' Дон., Ворон., Курск., Саратов., Южн., Брян., Смол., Пск., Твер., Курган., Краснояр., Новосиб., СРНГ, 25, с. 310; *петунья* 'курица, поющая петухом' Урал., Новг., СРНГ, 26, с. 332);

— цвет оперения, причем чаще всего в названиях курицы (ср. *белаха* 'белая курица' Арх., СРНГ, 2, с. 207; *воронка* 'черная курица' Яросл., СРНГ, 5, с. 116; *пеструшка*

калка, квыкуха, Клепикова, 1981, с. 37) или в период высиживания цыплят (ср. *наседка, наседуха, парунья, паруха, паруша, седунка, седунья, седуха*, Клепикова, 1981, с. 46), для курицы, которая высиживает яйца без ведома хозяйки (ср. *самопарка, самосадка, самоседка*, Клепикова, 1981, с. 47), для курицы, которая водит цыплят (ср. *детинница, детиниха, детинуха, дитятница, цыпуха, цыпушка, цыплятница, цыплетуха, цыпотуха*, Клепикова, 1981, с. 45), для курицы, которая несетя (ср. *кладуха, кладуша, кладушка, несетка, несуха, несушка, несучка*, Клепикова, 1981, с. 46), причем особо выделяется курица, которая хорошо несетя (ср. *кладунья, кладуха, несётка*, Клепикова, 1981, с. 46). Все это не может не являться косвенным свидетельством прагматической направленности русского словообразования, поскольку, как видно из примеров, подключение словообразовательных средств происходило именно тогда, когда необходимо было обозначить такие качества и свойства домашней птицы, которые играют важную роль в хозяйстве крестьянина (ср. подобную ситуацию с названиями лошади и особенно коровы).

С помощью словообразовательных средств в названиях домашней птицы актуализируются в основном три признака:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *копеник* 'цыпленок, выведенный в июле, во время сенокоса' Иркут., СРНГ, 14, с. 288; *курятник* 'петух' Волог., СРНГ, 16, с. 153; *пестроха* 'пестрая курица' Пск., Твер., Петерб., СРНГ, 26, с. 318; *поганец* 'петух' Арх., СРНГ, 27, с. 281);

— функциональный (ср. *гусятница* 'курица, которая высиживает гусят' ЛАРНГ; *запарок* 'наседка на яйцах' Арх., СРНГ, 10, с. 303; *наседала* 'курица-наседка' Урал., СРНГ, 20, с. 156; *несучка* 'курица-несушка' Саратов., Пск., Смол., Нижегород., Казан., СРНГ, 21, с. 169; *парунья* 'домашняя птица, высиживающая яйца' Вят., Свердлов., СРНГ, 25, с. 244);

— акциональный (ср. *ворчун* 'индюк' Влад., СРНГ, 5, с. 129; *кладуха* Новг., Пск., Арх.; *кладуша* Твер. СРНГ, 13, с. 260 'курица, несущая много яиц'; *кокодей* 'петух'

Костром., СРНГ, 14, с. 92; *петун* 'петух' Твер., Пск., Новг., Петерб., Волог., Ярослав., Арх., Олон., Смол., Свердл., Байкал., Амур., Латв., Литв., Эст., СРНГ, 26, с. 332).

Значительно реже встречается темпоральный признак (ср. *поздышка* 'курица, которая поздно, под осень, высиживает цыплят' Свердл., СРНГ, 28, с. 330).

Различия прослеживаются и при означивании мяса птицы: если в названиях дикой птицы этот номинативный участок практически закрыт для словообразования, то в названиях мяса домашней птицы наблюдается активное использование словообразовательных средств, и прежде всего суф.=*ин-а* и его расширенного варианта =*ат-ин-а* (ср. *индючатина*, *индючина* Смол., СРНГ, 12, с. 199 'индюшечье мясо'; *курушати́на* 'индюшечье мясо' Челяб., СРНГ, 16, с. 147; *куря́ти* 'куриное мясо' СРНГ без указ. места, 16, с. 153; *петушати́на* Горьк.; *петушина* Олон., СРНГ, 26, с. 333 'петушиное мясо'; *цыпля́тина* 'мясо цыпленка' Даль без указ. места, IV, с. 576).

Регулярным является и использование словообразовательных средств при объективации полового признака, что также отличает эту группу имен от названий дикой птицы. Феминативные суффиксы (среди которых преобладают суффиксы с консонантным элементом -К- или -Х-) присоединяются, как правило, к неусеченной основе названия самца (ср. *гур* ~ *гурка* 'индейка' Калуж., Дон., СРНГ, 7, с. 238; *гусь* ~ *гусиха* Перм., Север., Арх., Волог., Вят., Нижегород., Том., Свердл., Новосиб., Кемер.; *гусина* Арх., Костром.; *гу́сица* Кемер., Том., Новосиб.; *гуска* Орл., Курск., Калуж., Ворон., Дон., Краснодар., СРНГ, 7, с. 244 'гусыня'; *индей* ~ *индейка* 'индейка' Tobол., СРНГ, 12, с. 198; *кан* ~ *канка* 'индейка' Ряз., Тул., Моск., Дон., Смол., Тамб., Ворон., Самар., Астрах., Нижегород., СРНГ, 13, с. 42; *каплун* ~ *каплунка* 'индейка' Пенз., Сиб., СРНГ, 13, с. 54; *кур* ~ *курка* 'курица' Южн. Сиб., Новосиб., Том., Иркут., Урал., Влад., Моск., Смол., Арх., Зап., Брян., Олон., СРНГ, 16, с. 130; *кура́н* ~ *кура́нка* 'индейка' Пск., СРНГ, 16, с. 111; *кура́ш* ~ *кура́шиха* 'индейка' Пск., СРНГ, 16, с. 112; *курух* ~ *курушка* 'индейка' Симб.,

Челяб., Урал., Вост., Пенз., Оренб., СРНГ, 16, с. 147), реже — к усеченной (ср. *качур* ~ *качка* 'утка' Южн., Смол., Зап. Брян., Кубан., Новорос., Перм., Свердл., Тобол., Краснояр., СРНГ, 13, с. 145). Об открытости этого номинативного участка для словообразования свидетельствуют и встречающиеся здесь иногда маскулативы, образуемые с помощью словообразовательных средств от соответствующего феминатива (ср. *утак* 'селезень' ЛАРНГ).

Открыт для словообразования и номинативный участок «Возраст домашней птицы», в котором с помощью словообразовательных средств актуализируется качественно-характеризующий признак (ср. *матерка* 'утка-мать' Урал., СРНГ, 18, с. 25; *молодка* Ряз., Пенз., Тамб., Саратов., Ворон., Курск., Калуж., Костром., Смол., Новг., Петерб., Сиб., Твер., Ярослав., Влад., Нижегород., Перм., Урал., СРНГ, 18, с. 225; *молодуха* Новг., Перм., Ср. Урал., Свердл.; *молодушка* Новг., Арх., Волог., Твер., Свердл., СРНГ, 18, с. 228 'молодая, еще не несущаяся курица'; *старица* 'старая дворовая птица' Даль без указ. места, IV, с. 316).

Особенно активно словообразовательные средства участвуют в образовании названий птенцов домашней птицы, в которых актуализируется реляционный признак с семей 'родство', причем в отличие от названий дикой птицы, здесь нет каких-либо исключений. Основным словообразовательным средством является суф. =онок и его расширенный вариант =ен-онок (ср. *гусененок* Пск., Твер., Ленингр., Смол., Орл., Том., Курск., Калуж., Влад., Иван., Свердл., СРНГ, 7, с. 242; *гусеныш* Олон., СРНГ, 7, с. 243; *гусятенок* Астрах.; *гусятко* Онеж., СРНГ, 7, с. 248; *индеенок* Вят., Том., Иркут., Влад., СРНГ, 12, с. 198; *индыченок* Зап., Брян., СРНГ, 12, с. 299; *каненок* 'индюшонок' Тул., Ряз., СРНГ, 13, с. 41; *качененок* 'утенок' Южн., Зап., СРНГ, 13, с. 144; *курашонок* 'индюшонок' Пск., СРНГ, 16, с. 113; *куренок* Новг., Олон., Пск., Ворон., Твер., Смол., Калуж., Брян., Дон., Курск., Саратов., Ряз., Иван., Вят., Перм., Казан., Сиб., Влад., СРНГ, 16, с. 119; *курча* Зап., Южн., Кубан.; *курченя* Зап., Южн., СРНГ, 16,

с. 148 'цыпленок'; *курушонок* 'индюшонок' Самар., Дон., СРНГ, 16, с. 147 и т. д.).

Другое отличие имен с общим значением невзрослости связано с тем, что в них актуализируется не только реляционный признак, но и акторный: с помощью словообразовательных средств маркируется сема 'витальность' (ср. *дохляк* 'задохнувшийся, не вылупившийся из яйца цыпленок' Смол., СРНГ, 8, с. 160; *заморух* Курск., Орл., Ворон., Калуж.; *заморыш* Пск., Смол., Литв., Лятов., СРНГ, 10, с. 258 'задохнувшийся, не вылупившийся из яйца цыпленок'; *недопарок* 'цыпленок, вылупившийся из яйца слабым' Свердл., Ср. Урал., СРНГ, 21, с. 27), а также темпоральный (ср. *позденок* 'птенец позднего выводка' Свердл., СРНГ, 28, с. 325; *поздыш* 'птенец, появившийся позже обычного срока' Свердл., Арх., Ср. Урал., Южн. Сиб., Ворон., Курск., СРНГ, 28, с. 330; *поздышок* 'поздний цыпленок' Куйбыш., Свердл., Перм., СРНГ, 28, с. 327). Среди названий птенцов дикой птицы подобные образования не встречаются.

Своеобразие семантической сферы «Домашние птицы» проявляется и в открытости для словообразования номинативного участка, связанного с обозначением совокупного множества птиц одного вида (напомним, что в названиях диких птиц использование словообразовательных средств при образовании собирательных имен является вялым и непоследовательным). Словообразовательные средства (и прежде всего суффиксы =*j-o*, =*в-а*, =*от-а*, =*н-я*) довольно регулярно употребляются для образования *nomina collectiva* (ср. *гусота* Курск., Орл., СРНГ, 7, с. 245; *гусьва* Курск., Орл., СРНГ, 7, с. 248; *гусьё* ЛАРНГ собир. 'гуси'; *курва* Краснодар., СРНГ, 16, с. 113; *курота* Курск., СРНГ, 16, с. 141; *курё* Волог., Казан., СРНГ, 16, с. 151 собир. 'куры'; *кочетьё* собир. 'петухи' Арх., Костром., Симб., СРНГ, 15, с. 132), в то же время номинативный участок *nomina singulativa* в целом закрыт для словообразования (в этом случае используются описательные конструкции).

Зато открыт для словообразования номинативный участок субъективной оценки, причем так же, как и в на-

званиях диких птиц, словообразовательные средства (и прежде всего суффиксы с консонантным элементом -К-) используются в основном для образования гипокористик (ср. *гагушка* ласк. 'гусь' Пск., СРНГ, 6, с. 89; *гусенок* ласк. 'гусь' Арх., СРНГ, 7, с. 242; *гусочка* ласк. 'гусыня' Ворон., Дон., СРНГ, 7, с. 245; *гусюшки* ласк. 'гуси' Дон., СРНГ, 7, с. 248; *кочеток* ласк. 'петух' Самар., Пенз., Тамб., Ряз., Моск., Ворон., Курск., Влад., Горьк., Костром., Чкал., Енис., СРНГ, 15, с. 130; *курушка* ласк. 'курица' Олон., Арх., Перм., Орл., Том., СРНГ, 16, с. 147 и т. д.).

Названия домашней птицы формируют еще один номинативный участок — «Помещение, где содержится птица» (ср. о. н. *птичня*, *птичник* Даль без указ. места, III, с. 534), представленный многочисленными производными, в которых с помощью словообразовательных средств (главным образом — суф.=ник и =н-я) актуализируется реляционный признак с семой 'пространственная смежность' (ср. *гусевница* Волог., СРНГ, 7, с. 241; *гусятник* Смол., Пск.; *гусятня* СРНГ без указ. места, 7, с. 248–249 'гусятник'; *индюшник*, *индюшатник* 'помещение для индюков' ЛАРНГ; *курник* 'курятник' Пск., Твер., Моск., Ворон., Дон., Курск., Куйбыш., Сталингр., Кубан., Краснодар., Рост., Тамб., Ряз., Орл., Брян., СРНГ, 16, с. 136; *куросадня* 'курятник' Пск., СРНГ, 16, с. 141; *курушник* 'курятник' Свердл., СРНГ, 16, с. 147; *куръец* 'курятник' КАССР, СРНГ, 16, с. 151; *утятня*, *утятник* Даль без указ. места, IV, с. 520 'утятник').

С этой группой имен тесно связаны названия места, где несетя домашняя птица (ср. *гнездовище* Свердл., СРНГ, 6, с. 238; *зобня* Перм., СРНГ, 11, с. 325; *сиделка* ЛАРНГ), а также места, где она спит (ср. названия насеста: *куросадня* Брян., СРНГ, 16, с. 140; *курошест* Том., СРНГ, 16, с. 143; *курятник* Ряз., СРНГ, 16, с. 153; *насед* Кемер.; *наседала* Свердл.; *наседалка* Приамур.; *наседло* Новосиб.; *наседка* Костром., Киров., Дон.; *наседло* Новосиб., Свердл., СРНГ, 20, с. 155; *насесть* Твер., Ряз., Тул., Яросл.; *насестье* Твер., Ворон., Дон., СРНГ, 20, с. 160; *нашестка* Яросл., Волог.; *нашесть* Ленингр., Пск., Смол., Новг.,

Твер., Свердл., Вост. Сиб., Влад., Моск., Тул., Твер., Ряз., Нижегород., Пенз., Ворон., Урал., Кемер, СРНГ, 20, с. 296–297; *перемет* Дон., Курск., СРНГ, 26, с. 159; *седалка* ЛАРНГ).

Интересно, что номинативный участок «Лицо, ухаживающее за птицей» практически закрыт для словообразования (ср. обратную ситуацию с названиями домашних животных), что свидетельствует о несущественности этого признака в хозяйстве крестьянина (кроме общего названия *птичник* ~ *птичница*, можно привести лишь единичные *гусарь* ~ *гусарка* ЛАРНГ, *курятник* ~ *курятница* Новг., Свердл., Ср. Урал., Новосиб., Том., СРНГ, 16, с. 154).

Закрыт в целом для словообразования (причем не только в названиях домашней птицы, но и в названиях домашних животных) и такой типичной для этой семантической сферы участок, как названия нечистот (ср. единичные образования *курик* 'куриный помет' Брян., СРНГ, 16, с. 126; *колоколина* 'голубиный помет' Яросл., СРНГ, 14, с. 165; *коровяк* Курск., СРНГ, 14, с. 309; *коровяк* Курск., Калуж., Смол., Калин., Том., СРНГ, 14, с. 356 'коровий навоз'; *овечник* 'овечий навоз' Арх., СРНГ, 22, с. 296), тогда как в южно- и западнославянских языках (причем даже в литературных) наблюдается активное использование словообразовательных средств для образования этой группы имен (ср. слн. *gosjak*, *kokošjak*, *kozjak*; сх. *кокошињак*, *мишјак*, *козјак*; в-луж. *kašenc*, *kruwjanс*; чеш. *husinес*, *kobylinес*, *kravinес*; слц. *holubinес*, *kozacinес*, *tušacinес*).

В семантической сфере «Домашние птицы» выделяется небольшая, но тематически связанная с названиями птицы группа имен, обозначающих яйцо. Кроме общего названия яйца (ср. *гладуш* ЛАРНГ, *кожух* Арх., СРНГ, 14, с. 54; *кокнышко* Влад., СРНГ, 14, с. 90), словообразовательные средства участвуют в видовых названиях (ср., например, названия куриного яйца: *белокорка* Екатериносл., СРНГ, 2, с. 221; *гладыш* Дон., СРНГ, 6, с. 82; *кокан* ЛАРНГ; *кобочка* Курск., Смол., СРНГ, 14, с. 100), а также в детализирующих, обозначающих не просто яйцо, а *яйцо без зародыша* (ср. *болтень* Курск., Орл., Калуж., Дон., Тул.,

СРНГ, 3, с. 81; *пустыш* Даль без указ. места, III, с. 540; *свистун* Даль без указ. места, IV, с. 150), **яйцо без скорлупы** (ср. *выплавок* СРНГ без указ. места, 5, с. 329; *выпадок* Курск., Ворон., СРНГ, 5, с. 322; *голышок* Самар., СРНГ, 6, с. 347; *недоносок* Бурят., СРНГ, 21, с. 27; *недосидка* Пск.; *недосидыш* Пск., СРНГ, 21, с. 30; *недоходыш* Свердл., Урал., СРНГ, 21, с. 36; *полевок* Ряз., СРНГ, 29, с. 53), а также части яйца (ср. *белток* Петерб., Пск., Смол., Новг., Ср. Урал., Литв., Латв., Эст., СРНГ, 2, с. 227; *белудок* Пск.; *белуток* Пск., СРНГ, 2, с. 228; *белыш* Арх., Волог., Перм., Том., Кемер., Барнаул., Калинин., Костром., СРНГ, 2, с. 233 'белок'; *желтушка* Свердл., СРНГ, 9, с. 115; *желтыш* Олон., Волог., Твер., Новг., Костром., Перм., Сиб., Свердл., Том., Тобол., СРНГ, 9, с. 118; *желудок* Пск., СРНГ, 9, с. 119 'желток'; *зарод* Якут., Тобол.; *зародух* Ряз., Калуж.; *зародушек* Калуж.; *зародчик* Краснояр., СРНГ, 10, с. 386 'зародыш'; *заростуш* Ср. Урал.; *заростыш* Ср. Урал., СРНГ, 11, с. 6 'зародыш'; *семенок* 'зародыш' Даль без указ. места, IV, с. 378; *кожура* Ср. Урал., Краснояр., Енис.; *кожурка* Свердл., СРНГ, 14, с. 53 'скорлупа'; *колтыш* 'скорлупа' Перм., СРНГ, 14, с. 198; *курлуша* Забайкал., Иркут., Том.; *курлушка* Том., СРНГ, 16, с. 131; *куруша* Иркут., СРНГ, 16, с. 147 'скорлупа'; *выпарки* Свердл., СРНГ, 5, с. 324; *колкица* Вят., СРНГ, 14, с. 138 'скорлупа, оставшаяся после выхода птенца').

С помощью словообразовательных средств в этой группе имен актуализируется чаще всего два признака — качественно-характеризующий (ср. *голыш* 'яйцо без скорлупы' Влад., Костром., Твер., Самар., Олон., Арх., Перм., Урал., Енис., СРНГ, 6, с. 346; *желтуш* 'желток' Свердл.; СРНГ, 9, с. 114; *кругляша* 'яйцо' Олон., СРНГ, 15, с. 302; *свежак*, *свежун* 'только что снесенное яйцо' ЛАРНГ) и акциональный (ср. *болтух* 'яйцо без зародыша' Ворон., Олон., Калуж., Дон., СРНГ, 3, с. 82; *выливок* Курск., СРНГ, 5, с. 304; *выносок* 'яйцо без скорлупы' Ворон., СРНГ, 5, с. 320; *свистун* 'яйцо без зародыша' Даль без указ. места, IV, с. 150).

Насекомые

Семантическая сфера «Насекомые» имеет принципиально иную лексико-словообразовательную организацию. Многие из названий, входящих в эту семантическую сферу, являются классифицирующими, и в их образовании словообразовательные средства не участвуют (ср. *жук*, *клещ*, *клоп*, *комар*, *муха*, *оса*, *пчела*, *шмель* и т. д.), хотя в диалектах некоторые из этих производных имен имеют суффиксальные расширители (ср. *жуковина* Арх.; *жуковочка* Урал.; *жукола* Урал.; *жуколица* Нижегород., СРНГ, 9, с. 224–225 'жук'; *клещук* 'клещ' Орл., Чкал., СРНГ, 13, с. 294; *мушина* 'муха' Твер., Пск., Смол., Новг., Ленингр., СРНГ, 19, с. 44; *оводень* 'овод' Брян., Курск., Калуж., СРНГ, 22, с. 300).

Однако наряду с немотивированными названиями насекомых, в диалектах существует множество мотивированных, характеризующих названий, позволяющих проникнуть в механизм восприятия человеком этого вида представителей фауны. Словообразовательные средства участвуют прежде всего в образовании общего названия насекомых (ср. *жужелка* Свердл., Арх.; *жужулка* Свердл., СРНГ, 9, с. 222), а также в образовании множества частнохарактеризующих имен. В этих названиях словообразовательно маркируется:

— звук, издаваемый насекомым (ср. *жужга* 'навозный жук' Перм., СРНГ, 9, с. 221; *журжалка* 'муха' Ворон., СРНГ, 9, с. 230; *звенец* 'комар' Пск., СРНГ, 11, с. 214; *зинец* Дон.; *зинчик* 'кузнечик' Дон., СРНГ, 11, с. 283; *зыкалка* 'стрекоза' Смол., СРНГ, 12, с. 35; *чиркун* 'кузнечик' Новг., Твер., Даль, IV, с. 606; *цвиркун* 'сверчок' Южн., Даль, IV, с. 606);

— характерный окрас насекомого, в том числе отдельных частей тела (ср. *желтопузка* 'кузнечик' Дон., СРНГ, 9, с. 112; *зеленка* 'зеленый кузнечик' Дон., СРНГ, 11, с. 248);

— характерная часть тела (ср. *рогач* 'жуколень *Lucanus*' Даль без указ. места, IV, с. 99; *рогохвост* 'насекомое *Sirex*' Даль без указ. места, IV, с. 99);

— способность издавать запах (ср. *бздунья* 'клоп ягодный' Калуж., СРНГ, 2, с. 287; *вонючка* 'жужелица' Дон., СРНГ, 5, с. 94);

— место обитания насекомого (ср. *боровки* 'дикие пчелы, живущие в дуплах деревьев в боровом лесу' СРНГ без указ. места, 3, с. 105; *верхотучник* 'овод' Том., СРНГ, 4, с. 170; *говенница* 'навозный жук' Олон., СРНГ, 6, с. 253; *закорыш* 'жук-короед' Арх., Волог., Ленингр., Твер., Ср. Урал., Тобол., СРНГ, 10, с. 155; *застрешник* 'сверчок' Ряз., СРНГ, 11, с. 67; *лесник* 'лесной клещ' Курск., Ворон., Тамб., Тул., СРНГ, 16, с. 372);

— способ перемещения в пространстве (ср. *бегун* 'жук' ЛАРНГ; *полетушка* 'бабочка' Челябин., СРНГ, 29, с. 64; *ползун* 'гусеница' Арх., СРНГ, 29, с. 67; *порхунок* 'мотылек' ЛАРНГ; *скакунок* 'кузнечик' Даль без указ. места, IV, с. 191);

— действие (или воздействие) насекомого (ср. *жегун* 'непарный шелкопряд, ядовитая пыльца которого вызывает сильный зуд' Самар., СРНГ, 9, с. 99; *листоед* 'жучок-вредитель' Пск., СРНГ, 17, с. 68; *медоносицы* 'пчелы' Казан., СРНГ, 18, с. 73; *облипень* 'овод' Пск., СРНГ, 22, с. 101; *сикляха* 'муравей' Пск., Даль, IV, с. 184; *слепень*, *слепыш* 'слепень' Даль без указ. места, IV, с. 229);

— продукт, вырабатываемый насекомым (ср. *медовица* Новг., Олон., Пск., СРНГ, 18, с. 71; *медуница* Арх., Беломор., Олон., Сев.-Двин., Волог., Перм., Свердл., Енис., СРНГ, 18, с. 73 'пчела'; *медовик* 'дикая пчела' Арх., Олон., СРНГ, 18, с. 71).

При этом следует отметить, что такие признаки, как окраска насекомого, характерная часть тела или способность издавать запах словообразовательно маркируются значительно реже, чем остальные, что позволяет предположить, что они являются несущественными, поскольку не позволяют правильно идентифицировать насекомое.

Интересно, что иногда в семантической структуре названий насекомых просвечивают и отношения подобия: метафорическое словообразование объективирует ирреальные свойства и качества насекомого, приписываемые ему

человеком, и дает возможность выявить особенности его мировосприятия. Метафорические переносы основаны на сходстве с различными реалиями внешнего мира, а именно с животными (ср. *кобылка* 'сверчок' Вят. // 'стрекоза' Сиб., СРНГ, 14, с. 21; *козлик* 'стрекоза' Свердл., СРНГ, 14, с. 67; *конёк* 'стрекоза' Арх., Костром., Иркут. // 'кузнечик' Волог., Арх., Яросл., Костром., Свердл., Урал., СРНГ, 14, с. 251; *лошадка* 'кузнечик' Костром., СРНГ, 17, с. 166), с предметами хозяйственного назначения (ср. *иголка* 'стрекоза' Перм., СРНГ, 12, с. 63; *коромысик* Симб., Саратов.; *коромыслица* Тул., Новг., СРНГ, 14, с. 363 'стрекоза'), с самим человеком (ср. *рыболов* 'стрекоза' ЛАРНГ).

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— акциональный (ср. *бздюль* 'клоп древесный' Смол., СРНГ, 2, с. 288; *жигалка* 'оса' Арх., СРНГ, 9, с. 163; *жужник* 'майский жук' Костром., СРНГ, 9, с. 222; *липняк* 'тля, водящаяся на садовых деревьях' Ворон., СРНГ, 17, с. 56; *липушки* 'мелкие мушки, липнущие к рукам и лицу перед дождем' Ворон., СРНГ, 17, с. 59; *пискун* 'комар' Киров., Пск., Арх., СРНГ, 27, с. 49; *скачок* 'кузнечик' Даль без указ. места, IV, с. 191);

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *гнурина* 'гусеница' Север, Вост., Сиб., СРНГ, 6, с. 250; *деревеник* 'древесный жук' Волог., Север, СРНГ, 8, с. 11; *дождевик* 'слепень' Дон., СРНГ, 8, с. 91; *коровник* 'мелкий черный слепень' Пск., СРНГ, 14, с. 354; *лодочник* 'стрекоза' Иркут., СРНГ, 17, с. 106; *медовник* 'пчела' КАССР, СРНГ, 18, с. 71; *поганка* 'овод' Перм., Ворон., СРНГ, 27, с. 287);

— реляционный с актуализацией семы 'подобие' (ср. *иголка* 'стрекоза' Перм., СРНГ, 12, с. 63; *коник* 'кузнечик' Кубан., Дон., Краснодар. // 'стрекоза' Дон., СРНГ, 14, с. 256; *кораблик* 'водяной паук' Ряз., СРНГ, 14, с. 309);

— локативный (ср. *верхотучник* 'овод' Том., СРНГ, 4, с. 170; *закорыш* 'жук-короед' Арх., Волог., Ленингр., Твер., Ср. Урал., Тобол., СРНГ, 10, с. 155; *застрешник* 'сверчок' Ряз., СРНГ, 11, с. 67).

Следует, однако, отметить, что несмотря на сравнительно небольшой набор маркируемых признаков, в названиях насекомых имеются такие, которые выделяют эту группу имен среди других представителей русской фауны (ср., например, такой признак, как вырабатываемый насекомым продукт или характер потребляемой пищи, а точнее названия растений, животных или насекомых на которых они нападают, ср. *горохлянка* 'гороховый жук *Bruchus pisorum*' Курск., СРНГ, 7, с. 66; *капустянка* 'насекомое, подьедающее корни капусты' Краснодар., СРНГ, 13, с. 61; *листоед* 'жучок-вредитель' Пск., СРНГ, 17, с. 68; *мухан* 'водяной паук' Ворон., СРНГ, 19, с. 36; *муховор* 'паук' Новг., Север, СРНГ, 19, с. 37; *коровник* 'слепень' Пск., СРНГ, 14, с. 354).

Названия насекомых, как ни один другой вид животного мира, часто отличаются семантической и лексической неустойчивостью, о чем свидетельствует не только множественность мотивации одной и той же реалемы (ср. названия стрекозы: *бабурка* Южн., СРНГ, 2, с. 29; *веретенник* Ленингр., СРНГ, 4, с. 136; *веретешко* Перм., СРНГ, 4, с. 138; *жигалка* Вост. Сиб., СРНГ, 9, с. 163; *зыкалка* Смол., СРНГ, 12, с. 35; *иголка* Перм., СРНГ, 12, с. 35; *кобылка* Сиб., СРНГ, 14, с. 21; *конек* Арх., Костром., Иркут., СРНГ, 14, с. 251; *коромысик* Симб., Саратов., СРНГ, 14, с. 363 или *сверчка*: *застрешиник* Ряз., СРНГ, 11, с. 67; *кобылка* Вят., СРНГ, 14, с. 21; *цвиркун* Южн., Даль, IV, с. 606 и т. д.), но и случаи междиалектной омонимии, когда одна и та же лексема соответствует разным реалемам (ср. *кобылка* СРНГ, 14, с. 21: 1) 'сверчок' Вят.; 2) 'стрекоза' Сиб.; или *звенец* СРНГ, 11, с. 214: 1) 'муха' Пск.; 2) 'комар' Пск.; *жузга* СРНГ, 9, с. 221: 1) 'овод' Новг.; 2) 'навозный жук' Перм. и т. д.). Однако стремление к разграничению и идентификации этих (пусть даже и незначительных) реалий ведет к дифференцированному использованию словообразовательных средств, которые, присоединяясь к одной и той же основе, дают, как правило, разные названия (ср. *жузга* 'навозный жук' Перм., СРНГ, 9, с. 221; *жужник* 'майский жук' Костром., СРНГ, 9, с. 222;

жужелица 'паук' Волог., Костром., Перм., Свердл., Челяб., Арх., СРНГ, 9, с. 222; *липок* 'мотылек' Якут., Волог., Сиб., Новг., СРНГ, 17, с. 57; *липучки* 'мелкие мушки, липнущие к рукам и лицу перед дождем' Ворон., СРНГ, 17, с. 59).

Словообразовательные средства участвуют также и в означивании 'совокупного множества насекомых'. Кроме общих собирательных имен (типа *гнусина* Север., Вост., Сиб., Том.; *гнусота* Амур., СРНГ, 6, с. 250–251 'мошкара, комары, оводы'; *мошкар* Моск.; *мошкарня* Пск.; *мошкарье* Свердл.; *мошкота* Сиб., Свердл., Волог., Костром., СРНГ, 18, с. 323 'мошкара'), в диалектах имеется немало *nomina collectiva*, обозначающих совокупное множество насекомых одного вида (ср. *блохота* Том.; *блошня* Иван.; *блошьё* Арх., Моск., СРНГ, 3, с. 27–28 собир. 'блохи'; *клоповьё* собир. 'клопы' Калуж., СРНГ, 13, с. 305; *комарня* Новг., Пск.; *комашня* Курск., Южн., СРНГ, 14, с. 227–228 собир. 'комары'; *мурашьё* собир. 'муравьи' Иркут., СРНГ, 18, с. 353; *мухота* Том., Орл., Ульянов., Куйбыш., Саратов., Курск., Брян., Ср. Урал., Кемер., Омск., Свердл., Чкал., Сиб.; *мухотва* Киргиз.; *мухотня* Том., Киргиз., СРНГ, 19, с. 39; *мушьё* Иркут., СРНГ, 19, с. 46 собир. 'мухи'; *оводина* собир. 'жалящие двукрылые насекомые, которые летом причиняют беспокойство скоту' Иркут., СРНГ, 22, с. 300). Кроме известных уже по названиям животных и птиц суффиксов собирательности =*j-o*, =*ot-a*, здесь используются также суффиксы =*n-я*, =*ин-а*, =*в-а* и др.

Все остальные участки этой номинативной сферы (такие, например, как части тела насекомого, признак половой противоположности или родства) практически закрыты для словообразования (ср., например, единичные производные, обозначающие жало насекомого: *жегало* Пск., Олон., Арх., Новг.; *жегло* Пск., СРНГ, 9, с. 98; *жигучка* Пск., СРНГ, 9, с. 168). Зато открыт для словообразования номинативный участок экспрессивно-оценочных имен (ср. гипокористики типа *жучок*, *паучок*, *комарик* при отсутствии, однако, таковых от следующих названий: *клещ*, *кузнечик*, *моль*, *овод*, *оса*, *слепень*, *сверчок* и др., а также аугментативы типа *вшака* 'большая вошь' Ворон., СРНГ,

5, с. 242; *мухина* Твер., Пск., Смол., Моск., СРНГ, 19, с. 36; *мушака* Смол., СРНГ, 19, с. 43 'большая муха'), что также составляет специфику этой тематической группы имен.

Пресмыкающиеся

Эту семантическую сферу имен представляют немногочисленные образования, большинство из которых уже немотивированные. Встречающиеся в диалектах производные от этих имен являются, по сути дела, лишь их суффиксальными расширителями (ср. *змеевка* Том., СРНГ, 11, с. 298; *змеяка* Новг., СРНГ, 11, с. 303 'змея'; *ужака* 'уж' Ворон., Тамб., Даль, IV, с. 476). Более интересными с точки зрения внутренней формы являются характеризующие названия, позволяющие проникнуть в особенности восприятия и оценки этих реалий человеком. Характерно, что большинство их связано с обозначением змеи как наиболее опасной из всех пресмыкающихся.

Использование словообразовательных средств при номинации пресмыкающихся позволяет объективировать в них такие признаки и свойства, как:

— способ передвижения (ср. *веретеница* 'ящерица' Орл., Ворон., Курск., Липец., Тул. // 'змея' Пск., Калуж., СРНГ, 4, с. 136; *веретенка* 'ящерица' Ворон., Орл., СРНГ, 4, с. 136; *вертыночка* 'уж' Курск., СРНГ, 4, с. 156; *ползучка* 'змея' Урал., СРНГ, 29, с. 68);

— повадки (ср. *боясница* 'ящерица' Олон., СРНГ, 3, с. 146; *еретник* Пск.; *еретница* Пск., СРНГ, 9, с. 23 'змея' < *еретиться* 'беситься' Пск., СРНГ, 9, с. 23; *жигалка* Олон., Арх.; *жигальница* Арх.; *жигалюха* Арх., Печор., Тул., Курск., Смол., Ленингр., Новг., Дон., СРНГ, 9, с. 163–165 'ящерица' < *жигать* 'быстро бегать, метаться' Смол., СРНГ, 9, с. 166);

— характерные звуки (ср. *жупелица* 'черная змея, водящаяся во мху' Арх., СРНГ, 9, с. 227 < *жупеть* 'шипеть' Олон., СРНГ, 9, с. 227);

— окрас, характер поверхности кожи (ср. *гладуш* 'змея' Калуж., Брян., Смол., Курск., СРНГ, 6, с. 181; *желтобрюх* 'безногая ящерица *Ophiosaurus serpentinus*' Дон., СРНГ, 9, с. 112; *медянка* 'змеевидная ящерица' Олон., Волог., Свердл., Тул. // 'ядовитая змея' Смол., Калуж., Перм., Краснояр., Новг.: «Змеи делятся на медянки или гадюки и светлушки» Волог., СРНГ, 18, с. 77; *огневка* 'красная змея' Краснояр., Новосиб., Том., Кемер., СРНГ, 22, с. 324; *пеструшка* 'ядовитая змея щитомордник' Хабар., СРНГ, 26, с. 319);

— характерная часть тела (ср. *головенка* Перм., Свердл.; *головешка* Волог., СРНГ, 6, с. 303–304 'змея'; *горлянка* 'змея' Ср. Урал., Том., Перм., СРНГ, 7, с. 45);

— место обитания (ср. *болотяница* 'змеевидная ящерица' Пск., СРНГ, 3, с. 80; *коренница* 'ящерица' Моск., СРНГ, 14, с. 317; *подколодуха* 'змея' Новг., СРНГ, 28, с. 42).

С помощью словообразовательных средств актуализируются в основном три признака:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *гладуш* 'змея' Калуж., Брян., Смол., Курск., СРНГ, 6, с. 181; *головня* 'змея' Иркут., Сиб., Свердл., Енис., Забайкал., СРНГ, 6, с. 311; *желтопуз* 'уж' Дон. // 'ядовитая змея' Терск., СРНГ, 9, с. 112; *медяшка* 'змея' Пск., СРНГ, 18, с. 77; *огнянка* 'красная змея' Том., СРНГ, 22, с. 331; *поганица* 'змея' Пск., Твер, СРНГ, 27, с. 287),

— акциональный (ср. *веретельница* 'ящерица' Волог., Арх., Сев.-Двин., СРНГ, 4, с. 135; *выползень* 'детеныш змеи' Смол., СРНГ, 5, с. 330; *еретик* Пск.; *еретица* Пск., СРНГ, 9, с. 22 'змея'; *жигалица* 'ящерица' Арх., СРНГ, 9, с. 163; *ползун* 'змея' Пск., Новг., Симб., СРНГ, 29, с. 67);

— локативный (ср. *болотянка* 'змея-медянка', Пск., СРНГ, 3, с. 80; *подколодуха* 'змея' Новг., СРНГ, 28, с. 42).

Словообразовательные средства участвуют также в актуализации реляционного признака, в частности семы 'родство', при обозначении детенышей пресмыкающихся (ср. *змевиш* Печор.; *змеенок* Новг., Волог., Костром., Яросл.; *змейничка* Барнаул., СРНГ, 11, с. 298–299 'детеныш змеи'; *змятки* 'детеныши змеи' Костром., СРНГ, 11, с. 303; или

гаденяты 'детеныши змей' Эст., Латв., СРНГ, 6, с. 90; *уженыш, уженок* 'детеныш ужа' Даль без указ. места, IV, с. 476; *ящеренка, ящеренок, ящереныш* 'детеныш ящерицы' Даль без указ. места, IV, с. 683).

Все остальные номинативные участки этой семантической сферы практически закрыты для словообразования. Так, в частности, нерегулярным является использование словообразовательных средств при актуализации признака половой противоположности (с известной натяжкой сюда можно отнести такие пары, как *змей* ~ *змеица* Свердл., Пск.; *змеиха* Саратов., СРНГ, 11, с. 300; или *гад* ~ *гадица* Латв.; *гадыня* Смол., Пск., СРНГ, 6, с. 91–92; при отсутствии таких коррелятивных пар в названиях ужа и ящерицы), а также эмоционально-экспрессивной оценки (среди имеющихся экспрессивов можно привести лишь эмоционально-аугментативные образования от названий змей: *змеище* Арх., Беломор., Олон.; *змеинище* Симб., Олон.; *змейчище* Олон.; *змеюга* Зап., Брян.; *змеюща* Смол., СРНГ, 11, с. 299–302 при отсутствии таковых от названий ящерицы и ужа; и единичные уменьшительные от названий детенышей: *змеенышек* Арх.; *змеенятки* Смол.; *змееняточки* Смол., СРНГ, 11, с. 299).

Нерегулярным является и использование словообразовательных средств при образовании *nomina collectiva* (ср., например, собирательные *гадовняк* Новг.; *гадовье* Олон., Ленингр., Новг., Пск.; *гадьё* Новг., СРНГ, 6, с. 92, обозначающие совокупное множество змей, при невозможности их образования от названий ящерицы и ужа).

Земноводные

Сходную лексико-словообразовательную организацию имеет и семантическая сфера земноводных, хотя здесь встречается значительно больше характеризующих имен и соответственно более разнообразен набор мотивировочных признаков. С помощью словообразовательных средств объективируются, в частности:

— особенности окраса кожи, а также ее поверхности (ср. *зеленяк* 'лягушка' Пск., СРНГ, 11, с. 251; *коропавка* 'жаба' ЛАРНГ < *корепаный* 'шероховатый' Яросл., СРНГ, 14, с. 324; *маслюк* 'улитка с раковиной' ЛАРНГ; *склизень*, *слизень*, *слизняк* 'улитка без раковины' Даль без указ. места, IV, с. 202);

— характерные для земноводных звуки (ср. названия лягушки: *вакуша* Сев.-Двин., Арх., Волог.; *вакушка* Арх., СРНГ, 4, с. 19; *кваковка* Перм., Урал., СРНГ, 13, с. 157; *квокча* Калин., СРНГ, 13, с. 169; *клоктуха* Арх.; *клоктуша* Арх., СРНГ, 13, с. 302–303);

— способ передвижения, повадки (ср. *вертешка* Влад., СРНГ, 4, с. 152; *вертушка* Яросл., Влад., Волог., СРНГ, 4, с. 156 'личинка лягушки, головастик'; *лягашка* Ряз., Калуж.; *лягодка* Новг.; *ляготка* Твер.; *лягоха* Петерб., Пск.; *лягошка* Петерб., Казан.; *лягуха* Пск., Твер., Новг., Олон., Онеж., Беломор., Волог., Арх., Вят., Яросл., Тул., Смол., Латв., Литв., Эст.; *лягуш* Якут., Новосиб., СРНГ, 17, с. 255–256 'лягушка'; *ползуха* 'жаба' ЛАРНГ; *скакуша* 'жаба' Арх., Даль, IV, с. 190);

— характерная часть тела (ср. *жерлянка* 'лягушка' Смол., СРНГ, 9, с. 142 < *жерло* 'горло, рот' СРНГ, 9, с. 142);

— место обитания (ср. *водянка* 'головастик' Пск., СРНГ, 4, с. 350; *земляк* 'дождевой червь' ЛАРНГ);

— способ добывания пищи (ср. *пивица* 'пиявка' Сиб., Даль, III, с. 115).

С помощью словообразовательных средств актуализируются в основном три признака:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *дождяник* 'дождевой червь' СРНГ без указ. места, 8, с. 92; *жерлянка* 'лягушка' Смол., СРНГ, 9, с. 142; *зеленак* 'лягушка' Пск., Твер., СРНГ, 11, с. 246; *коровница* 'жаба' Моск., СРНГ, 14, с. 354; *оголец* 'головастик' Калуж., СРНГ, 22, с. 334; *рогатка* 'улитка с раковиной' ЛАРНГ);

— акциональный (ср. *вертёха* 'головастик' Влад., СРНГ, 4, с. 152; *выползень* 'дождевой червь' ЛАРНГ; *квакалка* 'лягушка' Ряз., СРНГ, 13, с. 157; *лягва* Ворон., Тамб., Твер., Тул., Калуж., Курск., Петерб., Новг., Яросл., Саратов., Ку-

бан., Краснодар., Волог.; *лягуша* Перм., СРНГ, 17, с. 255–256 ‘лягушка’; *пивалка* ‘пиявка’ Твер., Даль, III, с. 115; *скакуха* ‘жаба’ Арх., Даль, IV, с. 190);

— локативный (ср. *водянка* ‘головастик’ Пск., СРНГ, 4, с. 350; *земляк* ‘дождевой червь’ ЛАРНГ).

Все остальные участки этой номинативной сферы практически закрыты для словообразования, лишь при актуализации семы родства (причем только в названиях лягушки) наблюдается использование словообразовательных средств (ср. *вакушонок* ‘лягушонок’ Сев.-Двин., СРНГ, 4, с. 19; *лягушатка*, *лягушнятка* ‘лягушонок’ ЛАРНГ). Так же непоследовательно реализуется признак половой противоположности, причем маркируется только название самца и только в названиях лягушки (ср. *лягун* Орл.; *лягур* Дон., СРНГ, 17, с. 256).

Иногда с помощью словообразовательных средств актуализируется другой реляционный признак — ‘посессивный’, и как это не покажется странным, — в названиях мяса лягушки (ср. *лягва* Твер.; *лягуша* Перм., СРНГ, с. 255–256). Однако эти названия в целом не характерны для русских говоров, о чем свидетельствует не только их единичность, но и словообразовательная модель, которая отличается от традиционной русской модели с суффиксами =*ин-а* и =*ат-ин-а*.

Рыбы

Семантическая сфера «Рыбы» имеет принципиально иную лексико-словообразовательную организацию. Несмотря на то, что среди этих имен немало заимствований и утративших прозрачность своей внутренней формы имен (особенно среди классифицирующих названий, ср. *ерш*, *карп*, *лещ*, *лινь*, *налим*, *окунь*, *сиг*, *судак*, *щука*, *язь*), в диалектах сохранилось огромное множество характеризующих названий с ярко выраженными мотивировочными признаками. В этих именах, в отличие от названий пресмыкающихся или земноводных, хорошо просматривается

прагматическая ориентированность: все объективируемые признаки так или иначе связаны с промысловой деятельностью человека, с его интересами как рыбака.

Обращение к словообразовательным средствам при образовании названий рыб происходило чаще всего в тех случаях, когда необходимо было указать на:

— состояние рыбы, живая она или уже уснувшая (ср. *живняг* Пск.; *живность* Ворон., Тобол., СРНГ, 9, с. 152; *живорыбинка* Онеж., СРНГ, 9, с. 156; *живье* Вят., Олон., СРНГ, 9, с. 162 'живая рыба'; *мертвец* 'неживая, снулая рыба' Пск., СРНГ, 18, с. 122);

— величину рыбы (ср. названия мелкой рыбы: *малевка* Свердл., Ср. Урал., СРНГ, 17, с. 320; *малечек* Ср. Урал., СРНГ, 17, с. 325; *мальга* Пск., СРНГ, 17, с. 342; *малява* Свердл., Костром., Яросл., Волог., СРНГ, 17, с. 347; или крупной: *большина* Пск., Смол., СРНГ, 3, с. 90; *крупнина* Пск., КАССР, СРНГ, 15, с. 320);

— особенности окраса чешуи рыбы, отдельных частей тела или ее мяса (ср. *белушка* 'сиг *Coregonus lavaretus*' Вят., СРНГ, 2, с. 229; *белоглазка* 'уклейка *Alburnus lucidus* Heck' Оренб., СРНГ, 2, с. 217; *красноперик* 'красноперка *Scardinius erythrophthalmus*' Перм., Урал., СРНГ, 15, с. 184; *краснохвостка* 'окунь' Сиб., СРНГ, 15, с. 186; *краснощечка* 'речная сельдь *Clupea pontica*' Волж., СРНГ, 15, с. 187; *краснуха* 'лосось *Salmo salar*' Волж., СРНГ, 15, с. 188; *пеструшка* 'белая пятнистая салака' Арх. // 'русская быстрянка' Казан., СРНГ, 26, с. 319), а также особенности ее поверхности (ср. *гладуха* 'белоглазка *Abramis sara*' Костром., СРНГ, 6, с. 192; *голыш* 'гольян *Phoxinus phoxinus*' Крым. // 'беломорская корюшка *Osmerus eperlanus* Lentex' Помор. // 'бельдюга *Zoarces viviparus* L.' Пск., СРНГ, 6, с. 347; *голышок* 'беломорская корюшка' Помор., СРНГ, 6, с. 347; *нагыш* 'беломорская корюшка' Арх., Печор., СРНГ, 19, с. 219; *оголец* 'голец *Nemachellus barbatulus*' Симб., Тул., Моск., Ряз., Горьк., Калуж., Волж., Тамб., Кама, Пенз., СРНГ, 22, с. 334);

— особенности в строении тела (ср. *головач* 'бычок-подкаменщик *Cottus gobio* L.' Волж., СРНГ, 6, с. 302; *гола-*

вель 'голавль' Орл., Калуж., Курск., Смол., Твер., Влад., СРНГ, 6, с. 282; *горбун* 'сибирский сиг *Coregonus lavaretus*' Анадыр., СРНГ, 7, с. 23; *горбыль* 'сазан' Ряз., Астрах., СРНГ, 7, с. 25; *зобач* 'жирная рыба-сазан, чебак' Дон., СРНГ, 11, с. 322; *зубатка* 'лосось' Сахалин., Амур., Сиб., СРНГ, 11, с. 358; *лобан* 'глазач *Abramis sapa*' Самар. // 'сельдь *Alosa reissleri pontica*' Черномор., Азовск., Дон., Днепр., СРНГ, 17, с. 94; *мордак* 'сиг *Coregonus lavaretus*' Чудск., Онеж., СРНГ, 18, с. 258; *носырь* 'донской ерш *Aurina rossica*' Смол., Брян., СРНГ, 21, с. 294);

— место обитания рыбы (ср. *верховодка* 'мелкая рыба, плавающая в верхних слоях воды' Новг., Смол., Калуж., Арх., СРНГ, 4, с. 165; *песочник* 'мелкий судак, обитающий обычно близ берега, песка' Ср. и Нижн. Урал., СРНГ, 26, с. 307; *подкаменник* 'бычок-подкаменщик *Cottus gobio*' Онеж., СРНГ, 28, с. 26; *подплитыш* 'бычок-подкаменщик' Пск., СРНГ, 28, с. 140);

— характер поведения или способ обитания (ср. *бежак* 'крупная сельдь' Нижн. Дон., СРНГ, 2, с. 179; *вертун* 'маленький налим' Костром., СРНГ, 4, с. 155; *вьюн* 'щиповка *Cobitis taenia*' Иркут., Ряз., Новг. // 'налим *Lota lota*' Южн. Ворон. // 'речной угорь *Anguilliformes*' Калуж., Ворон., Забайкал., СРНГ, 6, с. 65; *игрунок* 'снеток, играющий около берега в хорошую погоду' Волхов, Ильмень, СРНГ, 12, с. 74; *лежень* 'рыба, обитающая на дне водоемов' Калинин., Пск., СРНГ, 16, с. 332; *пескорой* 'речной угорь' Курск., СРНГ, 26, с. 303; *подройка* 'мелкий карась' Юго-Зап., СРНГ, 28, с. 160; *щипарь* 'мелкий окунь' Твер., Даль, IV, с. 657);

— способность издавать звуки (ср. *пискун* 'вьюн' Новг., Великолукск., Калинин., Смол., Перм., Свердл. // 'угорь' Калинин. // 'щиповка' Ильмень, Волхов, СРНГ, 27, с. 49; *пискуля* 'сырть' Волхов., Ильмень, СРНГ, 27, с. 49; *ревяк* 'рамша *Cottus*' Арх., Даль, IV, с. 88);

— вид основного корма (ср. *мошкарка* 'ряпушка' КАССР, Ладож., Волхов., СРНГ, 18, с. 323; *мошкарь* 'онежский сиг *Coregonus lavaretus*' Север, СРНГ, 18, с. 323; *мошколов* 'сиг' Сиб., Вост. // 'пелядь' Сиб., СРНГ, 18, с. 324);

— вкус рыбы (ср. *горьва* 'мелкая плотва *Neuciscus rutilus*' Пск., СРНГ, 7, с. 80; *горькуша* Юго-Зап., СРНГ, 7, с. 82; *горчанка* Юго-Зап., СРНГ, 7, с. 74; *горчак* Черное море, СРНГ, 7, с. 74 'горчак *Rhodeus amarus* Bl.');

— время, когда рыба мечет икру (*вербак* Южн.; *вербич* Южн.; *вербовник* Южн.; *вербок* Южн., СРНГ, 4, с. 121–123 'лещ, который мечет икру во время цветения вербы'; *колосовик* 'лещ, который мечет икру во время колошения ржи' Твер., СРНГ, 14, с. 176; *колосовка* 'уклейка, которая мечет икру во время колошения ржи' Твер., СРНГ, 14, с. 176);

— время лова рыбы (ср. *вешняк* 'снеток весеннего улова' Пск., СРНГ, 4, с. 226; *колосовица* Олон., Онеж.; *колосовуха* Олон., Онеж., СРНГ, 14, с. 176 'ряпушка, вылавливаемая в июне, когда колосится рожь'; *летник* 'мелкий окунь' Пск., Чудское оз., СРНГ, 17, с. 19; *листопадка* 'ряпушка *Coregonus albula*, ловится осенью, когда с деревьев падает лист' Олон., СРНГ, 17, с. 68; *листопадник* 'онежский сиг *Coregonus lavaretus*' Онеж., СРНГ, 17, с. 68).

С помощью словообразовательных средств актуализируются следующие признаки:

— качественно- или предметно-характеризующий (ср. *белявка* 'мелкая рыба' Симб., Яросл., СРНГ, 2, с. 238; *глазач* 'красноперка' Яросл., СРНГ, 6, с. 187; *глазунья* 'белоглазка *Abramis sara*' Астрах., Костром., СРНГ, 6, с. 191; *горькавка* 'плотва *Cyprinus idus*' Пск., СРНГ, 7, с. 80; *костлявка* 'лещ' Урал., СРНГ, 15, с. 76; *лобарь* 'русский осетр *Acipenser gulden*' Кама, СРНГ, 17, с. 95; *малыш* 'окунь *Perca fluviatilis*' Пск., СРНГ, 17, с. 342; *моховик* 'крупный старый судак или лещ как бы обросший мхом' Волог., СРНГ, 18, с. 311; *носарь* 'сиг *Coregonus lavaretus*' Онеж., Север., СРНГ, 21, с. 286);

— акциональный (ср. *бежак* 'крупная сельдь' Нижн. Дон., СРНГ, 2, с. 179; *бузун* 'окунь' Перм., Олон., Волог. // 'ерш' Олон., СРНГ, 3, с. 258; *вьюнец* 'щиповка' Волог., СРНГ, 6, с. 66; *кусака* 'щиповка' Ворон., Перм., Волхов., СРНГ, 16, с. 135; *лежак* 'рыба, обитающая на дне водо-

емов' Яросл., Латв., Литв., СРНГ, 16, с. 326; *мошколов* 'сиг' Сиб., Вост. // 'пелядь' Сиб., СРНГ, 18, с. 324; *подроек* 'сазан или карп' Нижн. Дон., Южн., СРНГ, 28, с. 160);

— темпоральный (ср. *веснина* 'снеток весеннего улова' Пск., СРНГ, 4, с. 184; *летник* 'мелкий окунь' Пск., Чудское оз., СРНГ, 17, с. 19);

— локативный (ср. *верховодица* 'мелкая рыба, плавающая в верхних слоях воды' Беломор., СРНГ, 4, с. 165; *заледка* 'семга, сельдь, которые ловятся всегда после вскрытия рек' Арх., Онеж., Беломор., Помор., СРНГ, 10, с. 197; *подкаmeshница* 'бычок-подкаменщик *Cottus gobio*' Печора, СРНГ, 28, с. 26; *подплитник* 'бычок-подкаменщик' Пск., СРНГ, 28, с. 140);

— реляционный с актуализацией семы 'подобие' (ср. *лепеха* 'подлещик' Калин., СРНГ, 16, с. 363; *подсудак* 'рыба берш *Lucioperca volgensis*' Казан., СРНГ, 28, с. 205);

— количественный, причем преимущественно в обозначении мелкой рыбы (ср. *малушка* Ср. Урал., 17, с. 339; *мальва* Ряз. Курск., Орл., Зап. Брян., СРНГ, 17, с. 342; *малявка* Тамб., Тул., СРНГ, 17, с. 347 'мелкая рыба'; *ершок* 'мелкий ерш' Пск., СРНГ, 9, с. 24; *лещотка* 'мелкий лец' Твер., СРНГ, 17, с. 38; *налимец* 'мелкий налим' Коми, СРНГ, 20, с. 17), реже крупной (ср. *крупнина* Пск., КАССР, СРНГ, 15, с. 320);

— экзистенциальный при обозначении состояния рыбы (ср. *живняк* Пск., Олон., СРНГ, 9, с. 152; *живорыбинка* Онеж., СРНГ, 9, с. 156; *живье* Вят., Олон., СРНГ, 9, с. 162 'живая рыба'; *мертвец* 'неживая, снулая рыба' Пск., СРНГ, 18, с. 122).

Интересно, что номинативный участок «Части тела рыбы» практически закрыт для словообразования, ср. единичные производные обозначающие жабры (*щелья* Перм., Даль, IV, с. 654), чешую (*блестна* Дон., СРНГ, 2, с. 20), хребет (*горбушка* Урал., СРНГ, 7, с. 25) и плавники рыбы (*перье* Арх., СРНГ, 26, с. 298; *плавки* Камч., СРНГ, 27, с. 69; *плавун* Свердл., СРНГ, 27, с. 73).

В названиях рыб довольно широко распространено явление семантической и лексической неустойчивости, что легко

объясняется многообразием и обилием как самих реалий, так и их характеризующих признаков. Иллюстрацией этого явления может служить, с одной стороны, множественность мотивации одной и той же реалемы, а отсюда и многообразие ее названий (ср., например, названия **бычка** *Cottus gobio*: *головастик* Олон., СРНГ, 6, с. 302; *лежень* Новг., Казан., СРНГ, 16, с. 332; *подкамешница* Печора, СРНГ, 28, с. 26; *подплитыш* Пск., СРНГ, 28, с. 140; *ревец* Арх., Даль, IV, с. 88; **плотвы** *Neuciscus rutilus*: *верхушка* Калуж., СРНГ, 4, с. 171; *горькавка* Пск., СРНГ, 7, с. 80; *красноглазка* Калуж., Новг., Пенз., СРНГ, 15, с. 181; *краснокрылка* Пск., СРНГ, 15, с. 183; *листопадка* Онеж., СРНГ, 17, с. 68; или **окуня** *Perca fluviatilis*: *бузун* Перм., Олон., Волог., СРНГ, 3, с. 258; *краснохвостка* Сиб., СРНГ, 15, с. 186; *летник* Пск., Чудское оз., СРНГ, 17, с. 19; *малыш* Пск., СРНГ, 17, с. 342; *щипарь* Твер., Даль, IV, с. 657), а с другой — междиалектная лексическая омонимия, когда одна и та же лексема соответствует нескольким реалемам (ср. *лежень* СРНГ, 16, с. 332: 1) 'налим *Lota lota*' Ярослав., Киров., Твер., Пск., Новг., Воронеж.; 2) 'пескарь *Gobio gobio*' Чудское оз., Пск., Смол.; 3) 'голец *Cobitis barbatula*' Ярослав., Волог., Новг.; 4) 'усач *Barbus branchycephalus*' Вят.; 5) 'бычок *Cottus gobio*' Новг., Казан.; **краснокрылка** СРНГ, 15, с. 183: 1) 'красноперка *Scardinius erythrophthalmus*' Пск., Чудское оз., Урал.; 2) 'плотва *Neuciscus rutilus*' Пск.; 3) 'карась' Пск. и т. д.).

Своеобразие номинативной сферы «Рыбы» проявляется и в том, что здесь оказывается практически закрытым для словообразования такой номинативный участок, как названия мяса рыбы (ср. единичные: *карасятна*, *щученина* ЛАРНГ).

Нерегулярным является и использование словообразовательных средств для актуализации реляционного признака с семей родства. В этом случае маркируется, как правило, сема 'молодой', а не 'детеныш' (ср. *кострюк* 'молодой осетр' Том., СРНГ, 15, с. 83 < *костра* 'осетр' Волж., СРНГ, 15, с. 79; *окунчик* 'молодой окунь' СРНГ без указ. места, 23, с. 174; *подгъязь* 'молодой язь' Онеж., Свердл., СРНГ, 28, с. 267 и т. д.).

Практически закрытым для словообразования оказывается и номинативный участок, связанный с обозначением половой противоположности, хотя общие названия самки и самца рыбы в говорах встречаются (ср. *икрянка* 'самка рыбы' Сиб., Камч., СРНГ, 12, с. 183; *молочник* 'самец рыбы' Свердл., СРНГ, 18, с. 245; ср. также *белужина* 'самец белуги' Кубан., СРНГ, 2, с. 228; *осетрина* 'самец рыбы осетр' Краснодар., СРНГ, 23, с. 374).

Неактуальным для русского языкового сознания является и образование экспрессивно-оценочных форм от видовых названий рыб.

Словообразовательные средства, однако, подключаются, когда нужно обозначить совокупное множество рыб (ср. *молы* собир. 'мелкая свежая рыба разных сортов' Волог., Онеж., СРНГ, 18, с. 250), в том числе рыб одного вида (ср. *лещѣ* 'лещи' Твер., СРНГ, 17, с. 38; *окунѣ* 'окуни' Волог., Новг., Арх., Вят., СРНГ, 23, с. 174; *снетовѣ* 'снетки' Пск., Даль, IV, с. 245). Помимо широко распространенного в этих образованиях суф.=*j*-, здесь используются и менее известные в этой функции суффиксы, а именно: суф.=*ец* (*окунец* собир. 'молодые окуньки' Пск., Орл., СРНГ, 23, с. 174), =*ин-а* (*снетовина* собир. 'снетки' Пск., Даль, IV, с. 245), =*в-а* (*мальва* собир. 'рыбная молодь' Терск., СРНГ, 17, с. 342), хотя в целом регулярным это употребление словообразовательных средств назвать нельзя, ср. отсутствие подобных образований от таких названий рыб, как *бычок*, *голавль*, *голец*, *каarp*, *плотва*, *треска* и др.

В семантической сфере «Рыбы» выделяется еще один номинативный участок, открытый для словообразования, — это названия лиц, промысляющих рыбой, причем кроме общих названий рыбаков (ср. *водопахарь* СРНГ без указ. места, 4, с. 344; *ловейка* Арх., СРНГ, 17, с. 99; *ловец* Твер., Пск., Новг., Ленингр., Арх., Беломор., Олон., Север., Саратов., Астрах., Урал., Эст., КАССР, СРНГ, 17, с. 100; *наловщик* Том., СРНГ, 22, с. 21; *рыбалка* Южн.; *рыбарь* Новг.; *рыбас* Дон.; *рыбник* Пск., Даль, IV, с. 116), в диалектах существуют их видовые названия, в которых объективируется признак 'вид рыбы' (ср. *омулятник* Сиб.;

омулевщик Забайкал., СРНГ, 23, с. 205 'рыбак, занимающийся ловлей омулей').

Ихтионимы формируют также небольшой номинативный участок, связанный с обозначением рыболовных сетей для ловли рыбы определенного вида (ср. *ершовица* Новг., Твер.; *ершовка* Новг., Твер., СРНГ, 9, с. 37 'сеть для ловли ершей'; *карасевка* 'сеть для ловли карасей' Иркут., СРНГ, 13, с. 76; *лещевик* Симб., Беломор., Новосиб.; *лещинка* Пск.; *лещовник* Перм.; *лещовье* КАССР, СРНГ, 17, с. 36–37 'сеть для ловли лещей'; *окуневка* Обь, Енис., Том., Новосиб.; *окуневник* Пск., СРНГ, 23, с. 173 'сеть для ловли окуней'; *омулевка* 'сеть для ловли омулей' Байкал., Арх., СРНГ, 23, с. 205 и т. д.), в которых актуализируется реляционный признак с семой 'принадлежность'.

Итак, как можно судить из приведенного материала, в семантической сфере «Животный мир» когнитивно-прагматическая ориентированность словообразования выражена еще ярче, чем в сфере «Растительный мир», особенно при обозначении домашних животных и птиц.

Прежде всего обращает на себя внимание разнонаправленность мотивировочных признаков, актуализируемых в акте словообразования, в названиях животных и растений. Специфика форм существования животных повлияла, в частности, на объективацию таких признаков, как характер издаваемых звуков, особенности поведения, способ добывания пищи и ее вид, способ обитания и т. д., которых нет в названиях растений.

Расхождения прослеживаются и в аффективных оценках природной среды: если в семантической сфере «Растительный мир» преобладающими среди сенсорных оценок являются такие, которые покоятся на зрении (что позволяет говорить о символической изобразительности производного слова), то в семантической сфере «Животный мир» на первый план выходят не столько визуальные, сколько акустические оценки (особенно в названиях птиц и насекомых, где ярко выражена звуковая изобразительность слова, ср. *гутач* 'сова' Север., Олон., СРНГ, 7, с. 249; *жужга* 'навозный жук' Перм., СРНГ, 9, с. 221; *журжалка* 'муха' Во-

рон., СРНГ, 9, с. 230; *каркуша* 'кукушка' Киров., СРНГ, 13, с. 92; *кукарей* 'петух' Тамб., СРНГ, 16, с. 32). Все остальные виды аффективных оценок либо находятся на периферии (например, вкусовые оценки, которые представлены в основном в названиях рыб, ср. *горчанка* 'горчак *Rhodeus amarus* Bl.' Юго-Зап., СРНГ, 7, с. 74; *горькуша* 'мелкая плотва *Neuciscus rutilus*' Пск., СРНГ, 7, с. 80), либо практически отсутствуют (ср. например, единичные осязательные оценки: *гладуш* 'змея' Калуж., Брян., Смол., Курск., СРНГ, 6, с. 181; *маслюк* 'улитка с раковиной' ЛАРНГ; или обонятельные: *вонючка* 'жужелица' Дон., СРНГ, 5, с. 94).

Что касается оценок-когнитивов, то здесь представлены в основном **рационалистические** оценки, ср., например, пространственные оценки, в которых актуализируется сема 'место', характерные в основном для диких животных и птиц (ср. *дуплянка* 'белка, живущая в дупле' Перм., СРНГ, 8, с. 262; *поречна* 'норка' Урал., СРНГ, 30, с. 58; *степняк* 'степной кулик' Вост., Даль, IV, с. 322); функциональные, распространенные главным образом в номинативной сфере «Домашние животные», где они указывают на назначение домашнего животного (ср. *водовозница* 'лошадь, на которой возят воду' Арх., СРНГ, 4, с. 341; *волкорез* 'волкодав' Пск., СРНГ, 5, с. 42) или птицы (*паруха* 'курица, которая высиживает цыплят' Вят., Волог., Новг., Петерб., Пск., Твер., Моск., Перм., Урал., Новосибир., Амур., СРНГ, 25, с. 246), а также утилитарные, указывающие на полезность домашнего животного или птицы (ср. *ведерница* 'корова, дающая после отела ведро и более молока в день' Пск., Твер., Костром., Урал., Сиб., Влад., СРНГ, 4, с. 91; *кладуха* 'курица, несущая много яиц' Новг., Пск., Арх., СРНГ, 13, с. 260).

Расхождения в выборе маркируемых признаков прослеживаются и в самой семантической сфере «Животный мир». Так, совершенно очевидно, что в названиях птиц чрезвычайно важную роль играют звук и цвет, тогда как в названиях животных (особенно диких) акустический признак находится явно на периферии.

В то же время небезынтересно отметить, что в семантической сфере «Животный мир» прослеживается та же типологическая закономерность, что и в семантической сфере «Растительный мир», а именно словообразовательное маркирование в оппозиции *свой ~ чужой* получает прежде всего «чужое». Именно этим, по-видимому, объясняется тот факт, что родовые названия домашних животных представлены в основном производными именами, тогда как в названиях диких животных (особенно причиняющих вред человеку, ср., например, названия волка или медведя, нападающих на домашний скот: *кобылятник* 'волк, нападающий на лошадей' Смол., СРНГ, 14, с. 22; *комятник* 'медведь, нападающий на крупный скот' Смол., СРНГ, 14, с. 279) словообразовательные средства используются довольно активно.

Если сравнить набор мотивировочных признаков, актуализируемых в акте словообразования в названиях диких и домашних животных, то среди них можно выделить принципиально различные, говорящие о разных подходах к наименованию этих животных. В названиях домашних животных актуализируются прежде всего такие признаки, которые имеют хозяйственно важное значение, а именно:

1) витальность:

— способность ~ неспособность к воспроизводству (ср. *валух* 'кастрированный баран, бык' Калуж., Смол., Орл., Ворон., Курск., Липец., Казан., СРНГ, 4, с. 31; *заводчик* 'племенной бык' Южн., СРНГ, 9, с. 327; *кладень* 'кастрированный самец домашнего животного' Том., Новосиб., Свердл., СРНГ, 13, с. 255; *нетелица* Пск., Новг.; *нетель* Олон., Калинин., Ставроп., Урал., Новосиб., Иркут., СРНГ, 21, с. 173 'яловая корова'; *плодовик* 'племенной бык' Пск., Твер., СРНГ, 27, с. 245; *плодовуха* 'плодовитая корова, овца' Новосиб., СРНГ, 27, с. 145; *переходница* 'яловая корова' Киров., Нижегород., Костром., Влад., Волог., Ярослав., Моск., Сиб., СРНГ, 26, с. 264; *яловка* 'яловая корова' Сиб., Даль, IV, с. 676);

— возраст животного, особенно при обозначении молодых животных как неспособных к воспроизводству (ср. *мо-*

лодыш 'молодое животное' Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 230; *подростыш* 'молодое животное' Твер., Пск., СРНГ, 28, с. 161; с последующей конкретизацией по видам: *бычишка* 'молодой бык' Том., СРНГ, 3, с. 357; *жеребка* 'молодая лошадь' Смол., СРНГ, 9, с. 136; *молодка* 'молодая овца' Новосибир., СРНГ, 18, с. 225; *молодыга* 'молодая лошадь' Арх., СРНГ, 18, с. 230; *поросук* 'молодая свинья' СРНГ без указ. места, 30, с. 80; *ягница* 'молодая овца' Ворон., Тамб., Даль, IV, с. 672). Этот признак является настолько существенным, что словообразовательно маркируются даже различные возрастные периоды животного, в том числе и время его рождения (ср. *вешняг* 'ягненок, родившийся весной' Волог., СРНГ, 4, с. 225; *летник* 'домашнее животное, родившееся летом' Твер., Свердл., СРНГ, 17, с. 19; *осенник* 'домашнее животное осеннего приплода' Калин., Иркут., СРНГ, 23, с. 367; *годовик* 'годовалое животное' Перм., Яросл., Волог., Пск., Вят., Ворон., Том., СРНГ, 6, с. 271; *двоегодок* Арх., Пск.; *двоелеток* Арх., СРНГ, 7, с. 287 'жеребенок двух лет'). Об актуальности этого признака свидетельствует и тот факт, что он получает конкретизацию в названиях различных видов домашних животных (ср. *первогодник* 'жеребенок по первому году' Горьк., СРНГ, 26, с. 9; *первотелок* 'теленок на первом году' Калин., Киров., Волог., СРНГ, 26, с. 14; *подсвинок* 'годовалый поросенок' Курск., СРНГ, 28, с. 174; *стригун* 'жеребенок на первом году' Тамб., Даль, IV, с. 340; *зубняк* 'теленок на втором году' Урал., СРНГ, 11, с. 361; *мякинник* 'двухгодовалый теленок' Вят., Яросл., СРНГ, 19, с. 78). Интересно, что в названиях котят или щенят этот признак не актуализируется, что является еще одним, хотя и косвенным, доказательством прагматической ориентации словообразования;

— сила, выносливость животного, в основном в названиях лошадей (ср. *доброха* 'сильная, быстроходная лошадь' ЛАРНГ; *доброход* 'хорошо бегающий, рысистый конь' Казан., СРНГ, 8, с. 79; *изморыш* 'заморенное животное' Кемер., СРНГ, 12, с. 150; *падер* Влад., Орл., Смол., Урал., Калуж., СРНГ, 25, с. 127; *падерина* Смол.; *падина* Арх., СРНГ, 25, с. 129–130 'плохая, старая лошадь'; *пло-*

хышка 'хилое, болезненное домашнее животное' СРНГ без указ. места, 27, с. 159);

2) функциональное назначение домашнего животного или птицы (ср. *водовозница* 'лошадь на которой возят воду' Арх., СРНГ, 4, с. 341; *волкорез* 'волкодав' Пск., СРНГ, 5, с. 42; *головник* 'лошадь, запрягаемая в оглобли' Урал., СРНГ, 9, с. 309; *гонка* 'гончая' Калуж., СРНГ, 7, с. 7; *детинуха* 'курица, которая водит цыплят' Пск., Смол., Ср. Урал., СРНГ, 8, с. 30; *лосятница* 'собака, с которой охотятся на лося' СРНГ, 17, с. 155; *паруха* 'курица, которая высиживает цыплят' Вят., Волог., Новг., Петерб., Пск., Твер., Моск., Перм., Урал., Новосиб., Амур., СРНГ, 25, с. 246; *цыплятница* 'курица, которая водит цыплят' Даль без указ. места, IV, с. 575 и т. д.);

3) утилитарность, полезность животного; этот признак реализуется в основном в названиях, указывающих на дойность коровы (ср. *доёна* Костром., Калин.; *доенка* Волог., Дон.; *доёха* Арх., СРНГ, 8, с. 90–91; *дойка* Твер., СРНГ, 8, с. 95 'дойная корова'; ср. обратный признак: *безмолочница* Арх., Перм., СРНГ, 2, с. 193; *издойка* Сталингр., СРНГ, 12, с. 130; *недоена* Костром., СРНГ, 21, с. 20; *поддоек* 'корова, которая перед отелом дает мало молока' Калин., СРНГ, 27, с. 391) или носкость курицы (ср. *кладуха* Новг., Пск., Арх.; *кладуша* Твер., СРНГ, 13, с. 260 'курица, несущая много яиц'; *несуха* Рост., Калин., Пск.; *несучка* Саратов., Пск., Смол., Нижегород., Казан., Урал., СРНГ, 21, с. 169 'курица, несущая много яиц'), причем актуализируется, как правило, позитивная оценка.

Все другие аксиологически значимые признаки находятся на периферии этой семантической сферы, в связи с чем они маркируются значительно реже (ср., например, такие признаки, как поведение животного или способ передвижения в пространстве, которые в названиях диких животных находятся среди основных).

В названиях же диких животных актуализируются признаки, указывающие на:

1) место обитания (ср. *дуллянка* 'белка, живущая в дупле' Перм. СРНГ, 8, с. 262; *полевица* 'полевая мышь'

Пск., Твер., СРНГ, 29, с. 47; *поречна* 'выдра' Иркут., Урал. // 'норка' Урал., СРНГ, 30, с. 58);

2) способ существования животного (ср. *бродень* 'медведь, который не спит в берлоге' Иркут., Якут., СРНГ, 3, с. 185; *землеройка* 'крот' Ворон., Ряз., СРНГ, 11, с. 256);

3) поведение животного, способ передвижения в пространстве (ср. *валун* 'большой медведь' ЛАРНГ; *выторопень* 'заяц' Смол., Орл., СРНГ, 6, с. 41; *пестун* 'медведь-пестун' Иркут., Камч., Арх., СРНГ, 26, с. 322; *полетуха* 'белка-летяга' СРНГ без указ. места 29, с. 64);

4) особенности его шкуры (ср. *космач* 'медведь' ЛАРНГ; *мохнашка* 'соболь с густой, пушистой шерстью' Камч., СРНГ, 18, с. 310), в том числе ее окраса (ср. *беляйка* 'заяц-беляк' Олон., СРНГ, 2, с. 239; *белодушка* 'белка с белой грудкой' Енис., СРНГ, 2, с. 219; *краснохвостка* 'белка с рыжевато-красным хвостом' Арх., СРНГ, 15, с. 186; *краснушка* 'рыжая лиса' Ср. Урал., СРНГ, 15, с. 188), в названиях же домашних животных этот признак реализуется лишь в их кличках (ср. *Гнедко*, *Буланчик*, *Сивка*, *Белка*);

5) особенности какой-либо части тела (ср. *ушкан* 'заяц' Арх., Сиб., Оренб., Даль, IV, с. 526; *хвостуха* 'лиса' Даль без указ. места, IV, с. 547);

6) вид потребляемой пищи (ср. *кобылятник* 'волк, нападающий на лошадей' Смол., СРНГ, 14, с. 22; *куроедка* 'хорь' ЛАРНГ; *муравейник* 'небольшой медведь, который ест муравьев' Смол., Пск., Твер., Перм., Новг., СРНГ, 18, с. 348; *овсяник* 'заяц, истребляющий овес' Север., СРНГ, 33, с. 303);

7) а иногда и запах животного (ср. *бздюх* 'хорь' Пск., Зап., Твер., Смоя., СРНГ, 2, с. 288; *вонючка* 'хорь' ЛАРНГ).

Совершенно очевидно, что обе группы имен при всем их несомненном сходстве представляют собой разноаспектные номинации.

Разноаспектность проявляется и в характере оценок в сфере домашних и диких животных. Если среди названий диких животных ярче всего выражены оценки-когнитивы, то в сфере домашних животных такую же важную роль играют оценки-аффективы, связанные прежде всего со зри-

тельным и слуховым восприятием домашних животных (особенно ярко это проявляется в кличках животных, а также в многочисленных производных, в основе которых лежат звукоподражательные или подзывные слова, ср. клички коров *Белоха*, *Бурена*, *Чернуха* или лошадей *Гнедко*, *Пеганка*, *Серко*, а также апеллативы: *красноха* 'корова бурой масти' Новг., Олон., СРНГ, 15, с. 186; *пеган* 'пегий конь' Амур., СРНГ, 25, с. 312; или названия овец, в основе которых лежат подзывные слова: *барька* Свердл., СРНГ, 2, с. 126; *бьяшка* Волог., Новг., Влад., Калуж., Ряз., Курск., Тул., Сиб., СРНГ, 3, с. 360; *маська* Вят., Перм., Ср. Урал., Курган., Заурал., СРНГ, 18, с. 19, а также слова, которыми подзывают овец: *барь-барь*, *бьяша-бьяша*, *мась-мась*).

В целом следует отметить, что среди множества признаков, актуализируемых в этой семантической сфере, ведущими являются два — качественно-характеризующий (ср. *гладуха* 'упитанная корова' Сев.-Двин., СРНГ, 6, с. 181; *кедровка* 'белка' Урал., Том., СРНГ, 13, с. 174; *кожанка* 'худая заморенная лошадь' Пск., СРНГ, 14, с. 50; *огнянка* 'лиса' СРНГ без указ. места, 22, с. 331; *поганка* 'мышь' Пск., СРНГ, 27, с. 287; *сиводушка* 'сибирская порода красной лисы' Сиб., Даль, IV, с. 181) и акциональный (ср. *бодун* 'бодливый бык' Иван., Барнаул., Влад., Свердл., Тюмен., Ленингр., СРНГ, 3, с. 58; *бурелом* 'самый большой медведь' Смол., СРНГ, 3, с. 285; *кусунья* 'собака, которая часто кусается' Свердл., СРНГ, 16, с. 163; *переходница* 'яловая корова' Вост., Том., Кемер., Амур., Вят., Перм., Влад., Волог., Арх., СРНГ, 26, с. 264). Интересно, что если в названиях ландшафта одним из ярко выраженных признаков является акторный, т. е. земля предстает как пассивный объект, испытывающий на себе действие иной силы, то среди названий растительного и особенно животного мира одним из таких признаков является акциональный, что связано, как представляется, с отражением древних анимистических воззрений русского народа на природу.

Заключение

Эмпирические наблюдения над аксиологической ориентацией русского словообразования свидетельствуют о том, что язык является своеобразной моделью природных и мыслительных процессов, а словообразовательный акт, в ходе которого устанавливается связь между предметом мысли и языковым знаком, является, по сути дела, когнитивным актом, раскрывающим тайны механизма взаимодействия жизни и языка. Причем это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, дающее систему ориентиров в предметном мире. Именно этим объясняется факт словообразовательной избирательности: в языке как духовной «памяти народа» семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет практическую и познавательную ценность в его повседневной жизни, т. е. познавательное и ценностное как бы сливаются в акте номинации.

Экстраполируя положения интерпретирующей лингвистики с синтаксиса на словообразование, следует признать, что в производном слове как в языковой структуре представления знаний ярче, чем в других, немотивированных словах, высвечивается такой семиотический концепт, введенный Ч. Пирсом, как «интерпретант», поскольку именно здесь нагляднее всего эксплицируется результат предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности человека, обладающего свободой выбора «стратегии интерпретирования». Благодаря производному слову мы можем обратиться к исследованию мышления человека, его восприятию и членению универсума, так как именно производное слово позволяет понять, «какое концептуальное или когнитивное образо-

вание подведено под «крышу» знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» (Кубрякова, 1993, с. 23). Сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово, таким образом, дает возможность узнать, *о чем и как* думает тот или иной народ, отсылая к его концептуализации мира. А поскольку эта концептуализация носит системный характер, то выбор словообразовательно маркируемых реалий и их актуализируемых признаков также не является случайным и тем более хаотичным, а носит системный характер, давая представление о мировидении, мироощущении и мирозерцании народа.

Представление человека об окружающем его мире, и в частности о природе, формируют глубинную основу системы его ценностей. Отношение русского народа к «вмещающей и кормящей» (Гумилев, 1992, с. 11) его природе отразилось в чрезвычайно богатом и детализированном словаре, характеризующемся множественностью в наименовании одних и тех же реалий, различающихся способами семантического и словообразовательного маркирования. О ценностном отношении к природе как к источнику добра или зла и шире — жизни или смерти говорит факт существования в каждом языке избирательности в словообразовательной детерминации явлений природы и выбора совершенно определенных мотивировочных признаков, актуализируемых в акте словообразования. Не случайно словообразовательному маркированию подлежат прежде всего такие природные явления, которые связаны с биологическим выживанием человека (ср., например, использование во всех славянских языках словообразовательных средств для обозначения плохой погоды и практическое отсутствие их в названиях хорошей).

Следует отметить при этом, что словообразовательные средства привлекаются, как правило, для означивания только тех реалий, которые *могут оцениваться*, когда необходимо актуализировать признаки, имеющие практическое значение для человека в его освоении мира, причем не только такие, которые имеют хозяйственно важное значение, но и такие, которые помогают ему ориентироваться в сложном и многоликом мире природы. Словообразовательно детерминированная лексика являет собой своеобразную классификацию человеческого опыта, поэтому изучение ее с позиций аксиологии позволяет выявить ценности как некую

систему значимостей, обладающих этнокультурной спецификой. Среди огромного множества производных имен, входящих в семантическую сферу «Природа» и образующих своеобразный макрокосм русского народа, отчетливо выделяются следующие группы, представляющие различные виды отношений человека к окружающему его миру:

— имена, отражающие практическое овладение явлениями действительности (ср., например, многочисленные названия, связанные с обозначением ландшафта, особенно болот и оврагов как мест непригодных для земледелия или названия пашни на месте леса);

— имена, эксплицирующие познавательное отношение к действительности (ср., например, огромный пласт производной лексики, относящийся к миру флоры и фауны);

— имена, выявляющие ценностное отношение к действительности, обозначающие реалии с точки зрения их соответствия интересам и потребностям человека (ср., например, многочисленные названия леса, идущего на строительство домов, мостов, лодок, заборов и проч.).

В словообразовательном маркировании предметов и явлений внешнего мира, в самом выборе определенных мотивировочных признаков прослеживается отчетливая избирательность, обусловленная культурно-исторически и социально, что позволяет, с одной стороны, увидеть своеобразие языковой картины мира русского народа, а с другой — выявить систему его ценностей и ориентиров в этом мире.

Системный подход к изучению производной лексики позволил постепенно эксплицировать те знания о мире, тот совокупный общественный опыт, который имплицитно присутствует в каждом производном слове. Особенно благодатным явился материал диалектного словообразования, который дал возможность увидеть предмет или явление действительности с разных точек зрения, ср., например, актуализацию вкусовых, визуальных и др. признаков в названиях яблони и ее плодов, где представлены такие виды оценок, как **аффективная** (*кислуха* Моск., СРНГ, 13, с. 233 — вкус; *краснушка* Ворон., СРНГ, 15, с. 188 — зрение; *мякыш* Пск., Твер., СРНГ, 19, с. 23 — осязание), **когнитивная** (рационалистическая оценка, обнаруживающаяся в объективации таких мотивировочных признаков, как темпоральный

с актуализацией семы 'время созревания плодов', ср. *житовка* 'сорт яблони, плоды которой созревают в период поспевания ржи' Брян., СРНГ, 7, с. 193; акциональный *лежня* 'сорт яблок' Ворон., СРНГ, 16, с. 337; локативный с актуализацией семы 'место, где был выведен сорт яблони или где она преимущественно растет', ср. *белкино* 'сорт больших и сладких яблок' Твер., СРНГ, 2, с. 215; антропонимический с актуализацией семы 'имя садовода, выведшего сорт яблони', ср. *антоновка* и т. д.) и даже эстетическая (ср. *красавка* 'сорт яблок' Омск., СРНГ, 15, с. 172). Это разнообразие мотивировочных признаков производного слова позволяет выявить не только основание оценки, но, что, пожалуй, более ценно, — различия в мироощущении, мирочувствовании, мирозерцании и мирооценке русского народа. Эти различия в своей совокупности и формируют целостную картину его мировидения.

Изложенный выше материал делает возможной попытку представить репертуар мотивировочных признаков русского макрокосма в каждой его семантической сфере, которые являются, по сути дела, гносеологическими параметрами концептуальной модели семантических отношений в той или иной сфере. Эти признаки позволяют как бы упорядочить знания об окружающей мире. Среди них:

1. Качественно- или предметно-характеризующий признак, указывающий на физические свойства предметов или явлений внешнего мира, а именно:

— характерные особенности окраски листьев деревьев (ср. *белолистка* 'тополь серебристый' Том., СРНГ, 2, с. 221), травы (ср. *зелок* 'молодая ярко-зеленая трава' Ярослав., Волог., СРНГ, 11, с. 253), леса (ср. *зеленик* 'зеленый негорелый лес' Краснояр., Волог., СРНГ, 11, с. 247), цветка (ср. *голубоцветник* 'василек' Ворон., СРНГ, 6, с. 341), ягоды (ср. *красниха* 'клюква' Арх., СРНГ, 15, с. 179), шляпки гриба (ср. *желтик* 'гриб моховик' Арх., Иртыш., СРНГ, 9, с. 111), шкуры животного (ср. *краснушка* 'рыжая лиса' Ср. Урал., СРНГ, 15, с. 188; *пеган* 'пегий конь' Амур., СРНГ, 25, с. 312), оперения птицы (ср. *зеленушка* 'синица *Parus major*' Свердлов., Тобол., СРНГ, 11, с. 249), чешуи или мяса рыбы (ср. *пеструшка* 'белая пятнистая салака' Арх. // 'русская быстрянка' Казан., СРНГ, 26, с. 319; *краснуха* 'лосось *Salmo*

saral' Волж., СРНГ, 15, с. 188), частей тела насекомого (ср. *желтопузка* 'кузнечик' Дон., СРНГ, 9, с. 112), пресмыкающегося (ср. *желтобрюх* 'безногая ящерица *Ophiosaurus serpentinus*' Дон., СРНГ, 9, с. 112), земноводного (ср. *зеленак* 'лягушка' Пск., Твер., СРНГ, 11, с. 246) почвы (ср. *красник* 'глинистая почва' Свердл., СРНГ, 15, с. 175), воды в водоеме (ср. *мутница* 'мутная вода в реке' Сев.-Двин., Арх., Беломор., СРНГ, 18, с. 28), горы (ср. *белогорье* 'горы, покрытые снегом' Сиб., СРНГ, 2, с. 219) и т. д.;

— особенности формы цветка, травы (ср. *игольник* 'гвоздика-травянка *Dianthus deltoides* L.' Петерб., Волог., Твер., Калуж., СРНГ, 12, с. 64; *кубышечник* 'кубышка желтая *Nuphar luteum* L.' Твер., СРНГ, 15, с. 386), шляпки гриба (ср. *морщевик* 'гриб строчок' Новг., СРНГ, 18, с. 280), рыбы (ср. *облуха* 'плотва *Rutilus rutilus*' Ильмень, Волхов, СРНГ, 22, с. 112 < *облый* 'круглый' СРНГ, 22, с. 114), поляны (ср. *кругловина* 'круглая поляна' Пск., Твер., Ряз., СРНГ, 15, с. 298), оврага (ср. *кругляк* 'овраг' Ворон., Дьякова, 1992, с. 56), поля (ср. *длинник* 'длинное узкое поле' Волог., Тамб., Ворон., Тул., Курск., Орл., СРНГ, 8, с. 69; *круговик* 'поле округлой формы' Том., Иркут., СРНГ, 15, с. 303) и т. д.;

— особенности поверхности шляпки гриба (ср. *масляй* 'масленок' Новг., Олон., СРНГ, 18, с. 14), поверхности земноводного (ср. *коропавка* 'жаба' ЛАРНГ; *маслюк* 'улитка без раковины' ЛАРНГ) и т. д.;

— особенности структуры почвы (ср. *галечник* 'каменистая почва' Урал., СРНГ, 6, с. 110), дна реки (ср. *каменка* 'река с каменистым ложем' Пск., Южн., СРНГ, 13, с. 18), плода ягоды (ср. *каменица* 'костяника' Твер. // 'морощка' Твер., СРНГ, 13, с. 18), травы (ср. *молоканка* 'молочай *Euphorbia procera* auct.' Дон., СРНГ, 18, с. 234; *молочай* 'осот *Sonchus argvensis* L.' Ленингр., Пск., Екатер., Нижегород., Курск., Дон., Брянск., Ряз., Саратов., СРНГ, 18, с. 243), рыбы (ср. *костявка* 'лещ' Урал., СРНГ, 15, с. 76) и т. д.;

— запах травы (ср. *вонюка* 'название растений сем. зонтичных, имеющих неприятный запах' Курск., Липец., СРНГ, 5, с. 93; *пахучка* 'душистый вереск' СРНГ без указ. места 25, с. 298), гриба (ср. *вонючка* 'мелкий летний гриб' Тамб., СРНГ, 5, с. 94), яблок (ср. *липка* 'сорт некрупных скороспелых яблок с запахом цветущей липы' Пенз., СРНГ, 17, с. 55), животного (ср.

вонючка 'хорь' ЛАРНГ), насекомого (ср. *вонючка* 'жужелица' Дон., СРНГ, 5, с. 94) и т. д.

— вкус травы (ср. *горькуха* 'одуванчик' Пск., СРНГ, 7, с. 82; *медовник* 'клевер' Саратов., Арх., Волог., СРНГ, 18, с. 71), ягоды (ср. *кислица* 'костяника' Новосиб., СРНГ, 13, с. 232), гриба (ср. *горькуша* 'съедобный гриб с горьким вкусом' Твер., СРНГ, 7, с. 82), яблок (ср. *кислица* 'яблоки с дикорастущей яблони' Дон., Кубан., СРНГ, 13, с. 231), рыбы (ср. *горькуша* 'горчак *Rhodeus amarus* L.' Юго-Зап., СРНГ, 7, с. 82), воды в реке (ср. *солоница* 'река с соленой, горькой водой' Даль без указ. места, IV, с. 268) и т. д.;

— степень зрелости ягод, плодов деревьев, кустарников или овощей, особенно если они незрелые (ср. *зеленец* 'незрелый плод' Нижегород., Костром., Моск., Волог., Сев.-Двин., Арх., Прикамье, Том., Краснояр., Перм., СРНГ, 11, с. 246; *зеленчук* 'незрелый плод' Куйбыш., СРНГ, 11, с. 250);

— характерные особенности строения животного (ср. *ушкан* 'заяц' Арх., Сиб., Оренб., Даль, IV, с. 526), птицы (ср. *горлач* 'коростель' Вят., СРНГ, 7, с. 39), рыбы (ср. *носырь* 'донской ерш *Aurina rossica*' Смол., Брян., СРНГ, 21, с. 294), насекомого (ср. *рогач* 'жуколень' Даль без указ. места, IV, с. 99), земноводного (ср. *жерлянка* 'лягушка' Смол., СРНГ, 9, с. 142 < *жерло* 'горло') и т. д.

— вид потребляемой пищи животным (ср. *муравейник* 'небольшой медведь, который ест муравьев' Смол., Пск., Твер., Перм., Новг., СРНГ, 18, с. 348), птицей (ср. *жабник* 'журавль' Костром., СРНГ, 9, с. 50), насекомым (ср. *мухан* 'водяной паук' Ворон., СРНГ, 19, с. 36), рыбой (ср. *мошкарь* 'онежский сиг' Север, СРНГ, 18, с. 323) и т. д.;

— температура ветра (ср. *тепляк* 'теплый южный ветер' Пск., Даль, IV, с. 399; *холодик* 'холодный северный ветер' Даль без указ. места, IV, с. 559), воздуха при определении погоды (ср. *тепёлок* Пск., Даль, IV, с. 399; *теплота* Орл., СМЛОГ, с. 23 'теплая погода') и т. д.;

2. Л о к а т и в н ы й признак, актуализирующий семы 'место' и 'направление':

— место обитания животного (ср. *дуплянка* 'белка, живущая в дупле' Перм. СРНГ, 8, с. 262), птицы (ср. *степняк* 'степной кулик' Вост., Даль, IV, с. 322), рыбы (ср. *подплитыш* 'бычок-подкаменщик' Пск., СРНГ, 28, с. 140), насекомого (ср. *закорыш*

'жук-короед' Арх., Волог., Ленингр., Твер., Ср. Урал., Tobол., СРНГ, 10, с. 155), земноводного (ср. *земляк* 'дождевой червь' ЛАРНГ), пресмыкающегося (ср. *подколодуха* 'змея' Новг., СРНГ, 28, с. 42) и т. д.

— место произрастания леса (ср. *поречник* 'лес, растущий по берегам рек' Забайкал., СРНГ, 30, с. 58), дерева (ср. *боровуша* 'сосна, растущая в бору' Смол., СРНГ, 3, с. 108), травы (ср. *поречь* 'трава (осока, резуха, очерет) по болотистым или песчаным берегам реки' Арх., СРНГ, 30, с. 58), ягоды (ср. *поземка* 'земляника' Юго-Зап., Пск., СРНГ, 28, с. 332), гриба (ср. *попутяй* 'груздь' Моск., СРНГ, 30, с. 21) и т. д.

— местоположение оврага (ср. *приярок* 'овраг, соседствующий с другим оврагом' Ворон., Дьякова, 1992, с. 52), равнины (ср. *подозерица* 'заболоченная приозерная равнина' Верх. Поволж., СРНГ, 28, с. 112), опушки леса (ср. *подлесье* 'опушка леса' Новг., Свердл., СРНГ, 28, с. 63), луга (ср. *подболотица* 'небольшой луг, переходящий в болото' Яросл., Моск., СРНГ, 27, с. 341), дороги (ср. *задворок* 'дорога за воротами деревни' Олон., СРНГ, 10, с. 47), поля (ср. *загумёнок* 'поле за гумном' Пск., Твер., СРНГ, 10, с. 37), огорода (ср. *одворина* 'огород при доме' Ленингр., Калинин., СРНГ, 23, с. 7) и т. д.

— направление и характер ветра (ср. *западник* 'западный ветер' Арх., Новг., Касп., СРНГ, 10, с. 297), дождя (ср. *косохлест* 'сильный дождь, идущий наклонно' Орл., СМЛЮГ, с. 76), метели (ср. *понизуха* 'низовая метель' Пенз., СРНГ, 29, с. 260), течения реки (ср. *верховище* 'верхнее течение реки' Север., Сев.-Двин, СРНГ, 4, с. 164), дороги (ср. *паозерок* 'дорога по льду озера' Пск., Твер., СРНГ, 25, с. 203) и т. д.

3. Экзистенциальный признак, указывающий на:

— состояние погоды (ср. *наносица* 'плохая погода' Пск., Твер., СРНГ, 20, с. 51); неба (ср. *наволок* 'облачное небо' Симб., Ряз., Моск., Урал., Краснояр., Арх., СРНГ, 19, с. 180), реки (ср. *водотопа* 'половодье' Тюмен., СРНГ, 4, с. 346), ключа (ср. *живец* 'незамерзающий ключ' Tobол., Том., Краснояр., Енис., Сиб., СРНГ, 9, с. 150), дороги (ср. *некать* 'плохая дорога' Якут., Камч., Свердл., СРНГ, 21, с. 58), рыбы (ср. обозначение живой рыбы или уснувшей: *живняк* Пск., Олон., СРНГ, 9, с. 152 *живорыбинка* Онеж., СРНГ, 9, с. 156 'живая рыба'; *мертвец* 'неживая, снулая рыба' Пск., СРНГ, 18, с. 122) и т. д.

— способ существования животного (ср. *бродень* 'медведь, который не спит в берлоге' Иркут., Якут., СРНГ, 3, с. 185), птицы (ср. *дремлюга* 'сова' ЛАРНГ), рыбы (ср. *лежень* 'рыба, обитающая на дне водоемов' Калинин., Пск., СРНГ, 16, с. 332) и т. д.

— способ передвижения в пространстве животных (ср. *полетуша* 'белка-летяга' СРНГ без указ. места, 29, с. 64), птиц (ср. *плавень* 'водоплавающая птица' Забайкал., СРНГ, 27, с. 67), насекомых (ср. *ползун* 'гусеница' Арх., СРНГ, 29, с. 67), шресмыкающихся (ср. *ползучка* 'змея' Урал., СРНГ, 29, с. 68), земноводных (ср. *скакуша* 'жаба' Арх., Даль, IV, с. 190), а также распространения в пространстве, в основном в названиях травы (ср. *катунь* 'растение перекасти-поле' Том., СРНГ, 13, с. 134; *летун* 'сорняк, мелкий овес' Арх., Сев.-Двин., СРНГ, 17, с. 25; *ползунка* 'стелющееся растение' Брян., СРНГ, 29, с. 67) и т. д.

— способ добывания пищи представителями фауны (ср. *дерун* 'медведь' ЛАРНГ; *ныруха* 'нырок' Пск., СРНГ, 21, с. 325; *мошколов* 'сиг' Сиб., Вост., СРНГ, 18, с. 324) и т. д.

— способ применения трав (ср. *запарница* 'зверобой' Перм., СРНГ, 10, с. 303), приготовления грибов (ср. *мочайка* 'гриб, пригодный только для соления' Влад., СРНГ, 18, с. 318; *отваруха* 'грибы, годные только для засола' Моск., СРНГ, 24, с. 131), овощей (ср. *паренуха* 'брюква' Новг., СРНГ, 25, с. 223) и т. д.

4. Темпоральный признак, указывающий на:

— время появления звезды на небе (ср. *вечерница* 'вечерняя звезда Венера' СРНГ без указ. места, 4, с. 215), ветра (ср. *зарник* 'утренний ветер' Енис., СРНГ, 10, с. 384), снега (ср. *вешник* 'весенний снег' Твер., СРНГ, 4, с. 223), травы или цветка (ср. *майноцветка* 'майник *Maianthemum bifolium* L.' Урал., СРНГ, 17, с. 305), ягоды (ср. *вешница* 'клюква, перезимовавшая под снегом' Ярослав., СРНГ, 4, с. 224), птицы (ср. *зимородок* 'птица сем. воробьиных, выводит птенцов зимой' Костром., СРНГ, 11, с. 281), детеныша животного (ср. *осёнок* 'ягненок осеннего приплода' Свердл., СРНГ, 23, с. 368), время появления или охоты животного, птицы (ср. *ночевка* 'летучая мышь' Арх., СРНГ, 21, с. 298; *полуночница* 'козодой *Sargitulgus euroraеus*' Ярослав., Волог., Смол., Том., СРНГ, 29, с. 156), время лова рыбы (ср. *вешняк* 'снеток весеннего улова' Пск., СРНГ, 4, с. 226; *листопадка* 'ряпушка *Coregonus albula*, ловится осенью, когда с деревьев падает лист'

Олон., СРНГ, 17, с. 68 < *листопад* 'осеннее время, поздняя осень' Арх., Олон., СРНГ, 17, с. 68) и т. д.

— время вспашки или засева поля (ср. *осенина* 'поле, вспаханное осенью' Амур., СРНГ, 23, с. 366), время посева растений промышленного значения (ср. *весновка* 'яровой хлеб' Том., Кемер., СРНГ, 4, с. 185; *зимка* 'озимый хлеб' Латв., СРНГ, 11, с. 272) и т. д.

— время (и срок) созревания сельскохозяйственных культур (ср. *зимница* 'груша, плоды которой созревают поздней осенью' Брян., СРНГ, 11, с. 276; *поздняк* 'поздно созревающие овощи' Пск., Смол., СРНГ, 28, с. 327; *сорокодневка* 'сорт картофеля' ЛАРНГ) и т. д.

— время стрижки шерсти овец (ср. *вешника* 'овечья шерсть весенней стрижки' Пенз., Ряз., Том., СРНГ, 4, с. 223; *осенчина* 'овечья шерсть осенней стрижки' Твер., Новг., Ворон., СРНГ, 23, с. 369) и т. д..

— возраст леса (ср. *молодик* 'молодой лес' Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 223; *матерняк* 'старый лес' Олон., СРНГ, 18, с. 23), дерева (ср. *дубец* 'молодой дубок' Калуж., Смол., Уфим., Оренб., СРНГ, 8, с. 234; *елшина* 'молодая ель' Волог., СРНГ, 8, с. 350), русла реки (ср. *старуха* Новг., Влад., *старица*, Ряз., Тул., Орл., Даль, IV, с. 317 'старое русло реки'), домашних животных и птиц (ср. *старица* 'старая овца' Пск., Даль, IV, с. 317; *молодушка* 'молодая, еще не несущаяся курица' Новг., Арх., Волог., Твер., Свердлов., СРНГ, 18, с. 228) и т. д.

— фазы луны (ср. *молодык* Калуж., СРНГ, 18, с. 231; *намолодик* СРНГ без указ. места, 20, с. 40; *новец* Петерб., Арх., Новг., Пск., Перм., Олон., СРНГ, 21, с. 253 'молодой месяц'; *подновок* 'луна в первой четверти' Пск., Твер., СРНГ, 28, с. 101; *ветошь* 'последняя фаза луны, луна на ущербе' Арх., СРНГ, 4, с. 199) и т. д.

5. **К в а н т и т а т и в н ы й** признак, актуализирующий сему 'мера' в названиях, указывающих на:

— величину водоема (ср. *уречище* 'небольшая река' ЛАРНГ), горы или возвышенности (ср. *горица* 'небольшая гора' Самар., Тамб., Курск., СРНГ, 7, с. 37; *горбылек* 'небольшая возвышенность' Тюмен., СРНГ, 7, с. 26), оврага (ср. *овражина* 'большой овраг' Пск., Смол., СРНГ, 22, с. 302; *падщина* 'глубокий овраг' Перм., Сиб., СРНГ, 25, с. 131 < *падь* 'овраг' Иркут., Том., Новосибир., Амур., Камч., Бел. и Касп. моря, Урал., Перм., Волог., Пск.,

Смол., СРНГ, 25, с. 138), долины (ср. *падушка* 'небольшая долина' Сиб., Урал., Иркут., Забайкал., Амур., СРНГ, 25, с. 137), болота (ср. *болотажка* Калинин., *болотовина* Новг., СРНГ, 3, с. 78 'небольшое болото'), леса (ср. *лесик* Калинин., Ср. Приобье, Том., Латв., СРНГ, 16, с. 369; *лесичек* Пск. СРНГ, 16, с. 371 'небольшой лес'), дерева (ср. *деревлё* 'большое дерево' Урал., СРНГ, 8, с. 13; *деревяга* 'небольшой кусок дерева' Арх., СРНГ, 8, с. 15), гриба (ср. *грибавик* 'большой гриб' Смол., СРНГ, 28, с. 48), рыбы (ср. *малушка* Ср. Урал., 17, с. 339; *мальва* Курск., Орл., Зап. Брян., Ряз., СРНГ, 17, с. 342; *малявка* Тамб., Тул., СРНГ, 17, с. 347 'мелкая рыба'; *ерешок* 'мелкий ерш' Пск., СРНГ, 9, с. 24 и т. д.). Оппозиции *большой* - *маленький*, *крупный* - *мелкий*, *глубокий* - *мелкий* с актуализацией чаще всего второго члена;

— силу ветра (ср. *ветриво* 'сильный, порывистый ветер' Дон., СРНГ, 4, с. 201), дождя (ср. *дожжака* 'ливень' Ворон., СРНГ, 8, с. 92), мороза (ср. *морозища* Арх., Тул., *морозьяка* Дон., Калуж., СРНГ, 18, с. 270-271 'сильный мороз') и т. д.

— нерасчлененное множество, *nomina collectiva*: звёзды (ср. *звездье* собир. 'звезды' Пск., СРНГ, 11, с. 213), поляны (ср. *полянье* собир. 'поляны' Олон., СРНГ, 29, с. 192), горы (ср. *горье* собир. 'горы' Арх., СРНГ, 7, с. 80), деревья (ср. *деревьё* собир. 'деревья' Арх., Брян., Орл., Тул., Вят., Ярослав., СРНГ, 8, с. 15; *березье* собир. 'березовый лес' Ярослав., Смол., Ленингр., Новг., СРНГ, 2, с. 254), кустарники (ср. *кустоняг* собир. 'кусты' Новг., Пск., СРНГ, 16, с. 162; *кисличник* собир. 'кусты красной смородины' Иркут., СРНГ, 13, с. 232), ягоды (ср. *бруснижник* собир. 'заросли брусники' Влад., СРНГ, 3, с. 207; *глубенижник* собир. 'кусты клубники' Свердл., Ср. Урал., СРНГ, 6, с. 205), овощи (ср. *борканье* собир. 'морковь' Петерб., СРНГ, 3, с. 100; *картофье* собир. 'картофель' Том., Костром., Пск., СРНГ, 13, с. 102), животные (ср. *ведьмедье* собир. 'медведи' Тул., СРНГ, 4, с. 92; *лошадье* собир. 'лошади' Курск., Орл., Тул., Калуж., Смол., Ряз., Моск., Твер., Влад., Олон., СРНГ, 17, с. 167), птицы (ср. *галочье* собир. 'галки' Вят., Арх., Олон., Костром., СРНГ, 6, с. 117; *гусота* собир. 'гуси' Курск., Орл., СРНГ, 7, с. 245), рыбы (ср. *окунье* собир. 'окунь' Волог., Новг., Арх., Вят., СРНГ, 23, с. 174), насекомые (ср. *мошка* собир. 'мошкара' Сиб., Свердл., Волог., Костром., СРНГ, 18, с. 324) и т. д.

— единичность, *nomina singulativa*: деревья (ср. *деревина* 'одно лесное дерево' Твер., Пск., Свердл., Самар., Новг., Печор., Сиб., СРНГ, 8, с.12; *елина* 'одно еловое дерево' Орл., Смол., Саратов., Дон., Перм., Свердл., Сиб., Пск., СРНГ, 8, с.341), ягоды (ср. *брусничина* 'одна ягода брусники' Твер., СРНГ, 3, с.208; *клубничина* 'одна ягода клубники' Калин., СРНГ, 13, с.310), овощи (ср. *картовина* Новг., Калин., Свердл., Пенз., Арх., СРНГ, 13, с.100; *картофина* Пск., Арх., Калин., Ленингр., Влад., Моск., СРНГ, 13, с.104 'одна картофелина') и т. д.

6. Ф у н к ц и о н а л ь н ы й признак, указывающий на:

— назначение леса (ср. *дровяник* 'лес, идущий на дрова' Пск., Твер., Моск., Калуж., Арх., Перм., Свердл. СРНГ, 8, с.194; *мостовняк* 'лес, употребляемый на настил моста' Новг., СРНГ, 18, с.293), дерева (ср. *мочальник* 'мелколистная липа, кора которой идет на изготовление мочал' Вят., Симб., Свердл., СРНГ, 18, с.316; *корзиночник* 'ива прутьевидная, которая используется для изготовления корзин' Южн., СРНГ, 4, с.331), травы (ср. *лечебник* 'подорожник *Plantago L.*' СОГ, 6; *мухоморник* 'льнянка *Linaria vulgaris Mill.*': «Трава така — мух травят», Кемер., СРНГ, 19, с.38), гриба (ср. *мухоморка* 'мухомор' Ворон., Калин., СРНГ, 19, с.39), домашнего животного (ср. *водовозница* 'лошадь, на которой возят воду' Арх., СРНГ, 4, с.341; *волкорез* 'волкодав' Пск., СРНГ, 5, с.42) или птицы (ср. *детинуха* 'курица, которая водит цыплят' Пск., Смол., Ср. Урал., СРНГ, 8, с.30; *паруха* 'курица, которая высиживает цыплят' Вят., Волог., Новг., Петерб., Пск., Твер., Моск., Перм., Урал., Новосиб., Амур., СРНГ, 25, с.246) и т. д.

7. А к ц и о н а л ь н ы й признак, указывающий на:

— действие, оказываемое или производимое ветром (ср. *валун* 'сильный ветер с дождем и градом' Орл., СМЛОГ, с.39; *листодер* 'сильный осенний ветер' Арх., СРНГ, 17, с.68), дождем (ср. *пугач* 'кратковременный дождь' Орл., СМЛОГ, с.84; *сеножной* 'мелкий продолжительный дождь во время сенокоса' Влад., Поволж., Ладог.-Тихвин., Кондратенко, 1994; Орл., СМЛОГ, с.84), снегом (ср. *облепиха* 'густые хлопья мокрого снега' Ворон., СРНГ, 22, с.94; *сечка* 'снежная крупа' Орл., СМЛОГ, с.85), вьюгой или метелью (ср. *завивоха* Свердл., СРНГ, 9, с.314; *закрутелица* Пск., Твер., СРНГ, 10, с.168; *заметуха* Курск., Орл., Брян, СРНГ, 10, с.245), тучей (ср. *водолей* 'туча' Орл., СМЛОГ, с.60; *перевалка*

'грозовая туча' Волог., Перм., Свердл., СРНГ, 26, с. 41), звездой (ср. *летун* 'падающая звезда' Саратов., СРНГ, 17, с. 25), болотом (ср. *водососина* 'топкое место' Твер., СРНГ, 4, с. 346; *затяжина* 'небольшое болото, находящееся рядом с крупным' Том., СРНГ, 11, с. 123), дорогой (ср. *вывод* 'дорога, по которой можно выйти из леса' Свердл., СРНГ, 5, с. 255), водоворотом (ср. *втяжня* Арх., СРНГ, 5, с. 237; *заманиха* Нижегород., СРНГ, 10, с. 232), рекой (ср. *водотоп* Тюмен., СРНГ, 4, с. 346; *подтопель* Цск., Твер., СРНГ, 28, с. 218 'половодье'), лесом (ср. *дурман* 'густой, непроходимый лес' Свердл., СРНГ, 8, с. 267) деревом (ср. *засади́ха* 'дикая вишня' Смол., СРНГ, 11, с. 18), травой (ср. *жальница* 'крапива' Свердл., СРНГ, 9, с. 68; *телорез* 'резун *Statioties* L.' Даль без указ. места, IV, с. 449), грибом (ср. *натек* 'гриб-трутовик' Арх., СРНГ, 20, с. 217), животным (ср. *землеройка* 'крот' Ворон., Ряз., СРНГ, 11, с. 256; *сеноставец* 'род мыши или земляного зайчика, который ставит на зиму копешки отборного сена' Перм., Сиб., Даль, IV, с. 380), птицей (ср. *дергун* 'дергач' Ряз., Симб., Смол., Яросл., Петерб., Новг., Пск., Урал., Тобол., СРНГ, 8, с. 10; *кокодей* 'петух' Костром., СРНГ, 14, с. 92), насекомым (ср. *жегун* 'непарный шелкопряд, ядовитая пыльца которого вызывает сильный зуд' Самар., СРНГ, 9, с. 99; *облипень* 'овод' Пск., СРНГ, 22, с. 101; *слепыш* 'слепень' Даль без указ. места, IV, с. 229), змеей (ср. *ползун* 'змея' Пск., Новг., Симб., СРНГ, 29, с. 67), рыбой (ср. *бежак* 'крупная сельдь' Нижн. Дон., СРНГ, 2, с. 179; *подройка* 'мелкий карась' Юго-Зап., СРНГ, 28, с. 160) и т. д.

— звуки, издаваемые животным (ср. *пискун* 'суслик' Урал., СРНГ, 27, с. 49), птицей (ср. *гутач* 'сова' Север, Олон., СРНГ, 7, с. 249; *кокуша* 'кукушка' Смол., Новг., Волог., Арх., Онеж., СРНГ, 14, с. 106; *ухала* 'выпь' Даль без указ. места, IV, с. 524; *кукарей* 'петух' Тамб., СРНГ, 16, с. 32; *квокша* 'курица' Южн., Яросл., Тамб., Ср. Урал., 13, с. 169), насекомым (ср. *жужга* 'навозный жук' Перм., СРНГ, 9, с. 221; *журжалка* 'муха' Ворон., СРНГ, 9, с. 230), пресмыкающимся (ср. *жупелица* 'черная змея, водящаяся во мху' Арх., СРНГ, 9, с. 227 < *жупеть* 'шипеть' Олон., СРНГ, 9, с. 227), земноводным (ср. *вакуша* Сев.-Двин., Арх., Волог., СРНГ, 4, с. 19; *кваковка* Перм., Урал., СРНГ, 13, с. 157 'лягушка'), рыбой (ср. *пискун* 'вьюн' Новг., Великолукск., Калин., Смол., Перм., Свердл. // 'угорь' Калин. // 'щиповка' Ильмень, Волхов, СРНГ, 27,

с. 49), грибом или травой при их разрыве (*скрипень* 'иван-чай *Epilobium angustifolium*' Даль без указ. места, IV, с. 209; *скрылица* 'гриб подорешник *Agaricus procerus*' Даль без указ. места, IV, с. 209) и т. д.

— особенности поведения представителей фауны (ср. *бодунья* 'бодливая корова' Свердл., СРНГ, 3, с. 58; *выторопень* 'заяц' Смол., Орл., СРНГ, 6, с. 41; *игрунок* 'снеток, играющий около берега в хорошую погоду' Волхов, Ильмень, СРНГ, 12, с. 74; *клевун* 'петух, который клюется' Волог., СРНГ, 13, с. 272; *курохватка* 'сорока' Курск., СРНГ, 16, с. 141; *кусунья* 'собака, которая часто кусается' Свердл., СРНГ, 16, с. 163; *пестыш* 'медведь-пестун' Новг., СРНГ, 27, с. 319) и т. д.

8. Акторный признак, актуализирующий сему 'результат действия' в названиях:

— оврагов (ср. *завал* Моск., СРНГ, 9, с. 91; *намой* СРНГ без указ. места, 20, с. 39 'овраг'), ям (ср. *водороина* Ворон., Перм., Ср. Урал., СРНГ, 4, с. 346; *вымоина* Даль без указ. места, I, с. 302 'рытвина, прорытая водой'), долин или низин (ср. *затоп* 'низина, заливаемая в половодье' Арх., СРНГ, 11, с. 99), дорог, тропинок (ср. *затопь* 'тропинка в лесу, проложенная впервые' Арх., СРНГ, 11, с. 101; *наездок* 'торная дорога' Пск., Твер., СРНГ, 19, с. 262), отмелей (ср. *намой* 'отмель' Арх., СРНГ, 20, с. 39), леса (ср. *ветробой* Сев.-Двин., СРНГ, 4, с. 202; *вывал* Свердл., СРНГ, 5, с. 251 'лес, поваленный бурей, ветром'), деревьев (ср. *порубень* 'срубленное дерево' Забайкал., СРНГ, 30, с. 102), огорода (ср. *загород* 'огород' Яросл., Олон., СРНГ, 10, с. 22), пашни (ср. *паханина* 'распаханная земля, пашня' Вят., Киров., Арх., Перм., Ворон., Дон., СРНГ, 25, с. 286), зерновых культур (ср. *жатка* 'сжатый хлеб' Моск., СРНГ, 9, с. 86), домашних животных (ср. *подрез* 'кастрированный самец домашнего животного' Кемер., СРНГ, 28, с. 156) и т. д.

9. Реляционный признак, указывающий на отношения:

— родства: детеныши животных (ср. *бирючонок* 'волчонок' Нижегород., СРНГ, 2, с. 295; *зайченя* 'зайчонок' Южн., СРНГ, 10, с. 109; *козененок* 'козленок' Смол., Зап., Брян., Новг., СРНГ, 14, с. 63; *кошёненок* 'котенок' Дон., СРНГ, 15, с. 148; *лошаденок* 'жеребенок' Арх., СРНГ, 17, с. 165), птиц (ср. *галчененок* 'галчонок' Курск., СРНГ, 6, с. 121; *гусятенок* 'гусенок' Астрах., СРНГ, 7,

с. 248; *индеенок* 'индюшонок' Вят., Том., Иркут., Влад., СРНГ, 12, с. 198), пресмыкающихся (ср. *змеевиш* Печор.; *змеенок* Новг., Волог., Костром., Ярослав.; *змейничиха* Барнаул., СРНГ, 11, с. 298–299 'детеныш змеи'), земноводных (ср. *вакушонок* 'лягушонок' Сев.-Двин., СРНГ, 4, с. 19) и т. д.

— половой противоположности: самки животных (ср. *бирючка* 'волчица' Нижегород., СРНГ, 2, с. 295; *ведмедиха* 'медведица' Курск., Смол., Дон., СРНГ, 4, с. 92; *бараниха* 'овца' Терск., СРНГ, 2, с. 106; *конька* 'кобыла' Перм., Урал., СРНГ, 14, с. 276), птиц (ср. *воробка* 'воробиха' Курск., СРНГ, 5, с. 103; *гурка* 'индейка' Калуж., Дон., СРНГ, 7, с. 238; *гусиха* 'гусыня' Перм., Север., Арх., Волог., Вят., Нижегород., Свердл., Новосиб., Том., Кемер., СРНГ, 7, с. 244), реже самцы (ср. *лисовин* 'самец лисы' Южн. Краснояр., СРНГ, 17, с. 62; *лягун* Орл.; *лягур* Дон., СРНГ, 17, с. 256 'самец лягушки'), иногда этот признак актуализируется и в названиях растений (ср. *бранец* 'мужская особь конопли' Калуж., СРНГ, 3, с. 149 ~ *бранка* 'женская' Азарх, 1993);

— классификационной отнесенности: в названиях видов лесных деревьев (ср. *глушина* 'береза бородавчатая *Betula verrucosa* Ehrh' Пск., Олон., Смол., Волог., СРНГ, 6, с. 218), а также плодовых (ср. *владимирка*, *шубинка*, *калужанка* 'сорта вишни' Азарх, 1993), сортов сельскохозяйственных культур (ср. *балканец* Костром., СРНГ, 2, с. 82; *бухарка* Калуж., Ряз., СРНГ, 3, с. 320; *великанка* Ленингр., Ряз., СРНГ, 4, с. 107; *мериканка* Том., Ср. Приобье, Костром., Литв., СРНГ, 18, с. 118; *нецветушка* Том., СРНГ, 21, с. 205 'сорта картофеля'; *коломенка* Ярослав., СРНГ, 14, с. 169; *кудряшка* Кемер., СРНГ, 16, с. 16; *курчавка* Новосиб., СРНГ, 16, с. 148 'сорта капусты'; *белоколоска* Нижегород., Перм., Тюмен., Свердл., Том., СРНГ, 2, с. 220; *булгарка* Дон., СРНГ, 3, с. 268; *бухарка* СРНГ без указ. места, 3, с. 320; *кособрюховка* Ставроп., СРНГ, 15, с. 62; *кубанка* СРНГ без указ. места, 17, с. 328; *малиновка* Ставроп., СРНГ, 17, с. 328; *усатка* Даль без указ. места, IV, с. 517 'сорта пшеницы') и т. д.

— принадлежности: шкуры и мяса в названиях диких и домашних животных (ср. *барсучина* 'шкура барсука' Перм., СРНГ, 2, с. 121; *векошь* 'шкура белки' Пск., СРНГ, 4, с. 104; *волчина* 'шкура волка' Байкал., Свердл., СРНГ, 5, с. 80; *баранок* 'шкура барана' Пск., СРНГ, 2, с. 106; *конина* 'шкура лошади' Нижегород.,

Яросл., Иван., Твер., Вят., Свердл., СРНГ, 14, с.256; *зверина* 'мясо диких зверей' Иркут., Якут., Сиб., СРНГ, 11, с.215; *заячина* 'мясо зайца' Олон., Волог., СРНГ, 11, с.206; *медведина* 'мясо медведя' Краснояр., СРНГ, 18, с.64; *бычина* 'мясо быка' Нижегород., СРНГ, 3, с.357; *лошадина* 'конина' Твер., Пск., СРНГ, 17, с.165; *овечина* 'баранина' Онеж., СРНГ, 22, с.296 и т.д.), мяса в названиях домашних птиц (ср. *куруштина* 'индюшечье мясо' Челябин., СРНГ, 16, с.147; *курапти* 'куриное мясо' СРНГ без указ. места, 16, с.153; *петушина* 'петушиное мясо' Олон., СРНГ, 26, с.333); плодов деревьев и кустарников (ср. *вишина* 'плод вишни' Пск., СРНГ, 4, с.311; *грушина* 'плод груши' Пск., Смол., Литв., Латв., Эст., СРНГ, 7, с.172; *кружовина* 'ягода крыжовника' Пск., СРНГ, 15, с.309; *малинина* 'ягода малины' Новг., СРНГ, 17, с.327); сока, коры, веток, листьев лесных деревьев (ср. *березчина* 'березовая кора, береста' Самар., СРНГ, 2, с.254; *дубняк* 'дубовые листья' Моск., СРНГ, 8, с.238; *дубовина* 'дубовая кора' Пск., СРНГ, 8, с.258; *кленовика* 'кленовый сок' Курск., Ворон., СРНГ, 13, с.277); бревна, палки, дубины, дров дерева определенной породы (ср. *ольшина* 'ольховое бревно' Курск., СРНГ, 23, с.194; *березина* 'березовая палка' Перм., Олон., СРНГ, 2, с.251; *еловник* 'еловые дрова' Перм., СРНГ, 4, с.344) и т.д.

— пространственной смежности: лес по произрастающим в нем деревьям, грибам (ср. *дубня* 'дубовый лес' Пск., Твер., СРНГ, 8, с.239; *елач* 'ельник' Урал., Тюмен., Том., СРНГ, 8, с.338; *елхарь* 'ольховый лес' Казан., СРНГ, 8, с.350; *кедраш* 'кедровый лес' Байкал., СРНГ, 13, с.174; *груздище* 'лес, в котором растут груздья' Орл., СРНГ, 7, с.165); болото по произрастающей на нем растительности (ср. *мошняк* 'болото, поросшее мхом' Орл., СРНГ, 18, с.312; *олешье* 'болото, заросшее ольхой' Пск., СРНГ, 23, с.187); поле по засеянной или убранной сельскохозяйственной культуре (ср. *гречушище* 'поле, с которого убрана гречиха' Челябин., Свердл., СРНГ, 7, с.137; *ленник* 'поле, засеянное льном' Киров., Перм., СРНГ, 16, с.354); сад по произрастающим в нем деревьям (ср. *вишняк* Дон., Ворон., Курск.; *вишняг* Пск., СРНГ, 4, с.311 'вишневый сад'); огород или его участок по выращиваемым на нем овощам (ср. *картовница* 'грядка, на которой посажен картофель' Свердл., СРНГ, 13, с.101; *морковник* 'участок огорода, засеянный морковью' Ворон., 18, с.265); помещение, где содержатся домашние животные

и птица (ср. *коровятник* 'коровник' Перм., Терск., СРНГ, 14, с. 357; *лошадня* 'конюшня' Калуж., СРНГ, 17, с. 166; *гусевница* 'гусятник' Волог., СРНГ, 7, с. 241; *курник* 'курятник' Пск., Твер., Моск., Ворон., Дон., Курск., Куйбыш., Сталингр., Кубан., Краснодар., Рост., Тамб., Ряз., Орл., Брян., СРНГ, 16, с. 136) и т. д.

— подобия (сходства) в названиях звезд (ср. *грудки* 'стожары' Симб., Нижегород., Урал., Свердл., СРНГ, 7, с. 161; *коромыслица* 'созвездие Большая Медведица' Орл., СРНГ, 14, с. 363), месяца (ср. *козерог* 'месяц на ущербе' Том., СРНГ, 14, с. 63), облаков (ср. *бычки* 'небольшие облака' Свердл., СРНГ, 3, с. 358; *перышко* 'перистые облака' Арх., СРНГ, 26, с. 298), гор (ср. *городище* 'гора' Арх., Коми, СРНГ, 7, с. 59), излучин реки (ср. *рожок* 'излучина' Даль без указ. места, IV, с. 99), леса (ср. *осколок* 'небольшой лесок' Урал., СРНГ, 24, с. 13), трав (ср. *березка* 'вьюнок полевой *Convolvulus arvensis* L.' Курск., Брян., Симб., Костром., Перм., Свердл., СРНГ, 2, с. 251; *звездочка* 'звездчатка злачная *Stellaria graminea* L.' Арх., СРНГ, 11, с. 212), грибов (ср. *козленок* 'козляк *Boletus bovinus*' Моск., Яросл., СРНГ, 14, с. 66; *конек* 'гриб подгруздок *Russula telica*' Арх., СРНГ, 14, с. 251; *коровка* 'белый гриб' Влад., Твер., Новг., Костром., Пск., Яросл., Нижегород., Моск., Орл., СРНГ, 14, с. 353), животных (ср. *медведка* 'крот' Олон., СРНГ, 18, с. 64), птиц (ср. *баранчик* 'бекас' Ворон., СРНГ, 2, с. 107; *петушок* 'турухтан *Totanus ripnaix*' Тобол., Олон., СРНГ, 26, с. 334), насекомых (ср. *кораблик* 'водяной паук' Ряз., СРНГ, 14, с. 309; *коник* 'кузнечик' Кубан., Дон., Краснодар. // 'стрекоза' Дон., СРНГ, 14, с. 256), рыб (ср. *лепеха* 'подлецик' Калинин., СРНГ, 16, с. 363) и т. д.

— оценки с актуализацией чаще всего второго члена оппозиции *положительный - отрицательный* в названиях погоды (ср. *беспогодица* 'плохая погода' Барнаул., СРНГ, 2, с. 272), дороги (ср. *незапутица* 'плохая дорога' Пск., СРНГ, 21, с. 48), растений (ср. *плохушь* 'о плохо растущем, чахлом растении' СРНГ без указ. места, 27, с. 159), домашнего животного (ср. *доброха* 'хорошая лошадь' ЛАРНГ; *плохышка* 'хилое, болезненное домашнее животное' СРНГ без указ. места, 27, с. 159), ср. также эмоционально-экспрессивные оценки в названиях практически всех реалий, принадлежащих к семантической сфере «Природа».

10. П а р т и т и в н ы й признак, актуализирующий значение части (или составляющих частей) в названиях:

— оврага (ср. *отвершек* 'отрог оврага' СРНГ без указ. места, 24, с. 134); дерева (ср. *деревинка* 'кусок дерева' Арх., Перм., СРНГ 8, с. 12) и т. д.

Уже сам набор мотивировочных признаков, представленных в семантическом пространстве «Природа», проливает свет на «привычки сознания» и систему выбора представлений. Даже при беглом знакомстве с этими признаками бросается в глаза их прагматическая направленность. С помощью словообразовательных средств маркируется, как правило, то, что оказывается значимым в сложном процессе постижения и освоения человеком мира природы, что связано с ценностью его биологического выживания.

Дальнейшая инвентаризация этих признаков, выявление их в полном объеме при феноменологическом подходе к материалу прольет свет на особенности восприятия и репрезентации семантического облика модели мира. При этом следует, по-видимому, признать бесплодными поиски универсальных признаков, актуализируемых на всех участках одной семантической сферы: даже принимая во внимание типологическую значимость такого признака, как экспрессивно-оценочный, надо отметить, что он практически не актуализируется в названиях пресмыкающихся.

Что касается инвентаря аксиологических оценок, объективируемых в акте словообразования, то в семантической сфере русского макрокосма представлены практически все виды аффективных и когнитивных оценок, выделяемых Н. Д. Арутюновой, ср.:

І. Оценки-аффективы, покоящиеся на:

1) *зрени* в названиях: града (ср. *голуха* Влад.-Поволж., Кондратенко, 1994), иней (ср. *густега* 'плотный, густой иней на деревьях' Арх., СРНГ, 7, с. 246), молнии (ср. *блискавка* Смол., Новорос., СРНГ, 3, с. 26), оврага (ср. *кругляк* Ворон., Дьякова, 1992, с. 56), поляны (ср. *голутва* Влад., СРНГ, 6, с. 344), болота (ср. *ржавец* 'ржавое болото', Даль без указ. места, IV, с. 95), возвышенностей (ср. *кривун* 'косогор' Амур., СРНГ, 15, с. 251), гор (ср. *крутица* 'крутая гора' Яросл., СРНГ, 15, с. 328), воды в реке (ср. *мутница* 'мутная вода в реке, обычно во время половодья' Сев.-Двин., Арх., Белозер., СРНГ, 19, с. 28), берега (ср. *крутец* 'крутой берег реки' Моск., Новг., Калин., Яросл., СРНГ, 15, с. 325), острова (ср. *зеленец* 'остров, покрытый зеленью' Арх., СРНГ, 11, с. 296), почвы (ср. *желтиха* 'неплодородная песчаная земля' Арх., СРНГ, 9, с. 112), участ-

ка земли (ср. *кругляк* 'участок земли квадратной формы' Калуж., СРНГ, 15, с. 302), леса (ср. *густель* 'густой, непроходимый лес' Пенз., Урал., СРНГ, 7, с. 246), дерева (ср. *белолистка* 'тополь серебристый' Том., СРНГ, 2, с. 221), травы или цветка (ср. *желтушка* 'одуванчик' Киров., СРНГ, 9, с. 115), ягод (ср. *голубица* 'голубика' Новг., Ленингр., СРНГ, 6, с. 24), грибов (ср. *рыженя* 'рыжик' Даль без указ. места, IV, с. 117), овощей и фруктов (ср. *белогубка* 'сорт круглых огурцов с плоскими белыми ребрышками у верхушки' Моск., СРНГ, 2, с. 219; *пеструха* 'сорт яблок в красную крапинку' Нижегород., СРНГ, 26, с. 318), зерновых (ср. *белоколоска* 'сорт пшеницы' Нижегород., Перм., Тюмен., Свердл., Том., СРНГ, 2, с. 220), животных (ср. *беляйка* 'заяц-беляк' Олон., СРНГ, 2, с. 239), в том числе домашних (ср. *красноха* 'корова бурой масти' Новг., Олон., СРНГ, 15, с. 186), птиц (ср. *зеленушка* 'синица *Parus major*' Свердл., Tobol., СРНГ, 11, с. 249; *рябуша* 'пестрая курица' Даль без указ. места, IV, с. 124), насекомых (ср. *желтопузка* 'кузнечик' Дон., СРНГ, 9, с. 112), пресмыкающихся (ср. *огневка* 'красная змея' Краснояр., Новосибир., Том., Кемер., СРНГ, 22, с. 324), земноводных (ср. *зеленяк* 'лягушка' Пск., СРНГ, 11, с. 251), рыб (ср. *белушка* 'сиг' Вят., СРНГ, 2, с. 229) и т. д.

2) *слухе* в названиях: мороза (ср. *трескун* Тамб., Опыт, 1852, с. 232), животных (ср. *пискун* 'суслик' Урал., СРНГ, 27, с. 49), птиц (ср. *крякаш* 'утка-кряква' Том., СРНГ, 15, с. 366; *кукарей* 'петух' Тамб., СРНГ, 16, с. 32), насекомых (ср. *журжалка* 'муха' Ворон., СРНГ, 9, с. 230), пресмыкающихся (ср. *жупелица* 'черная змея, водящаяся во мху' Арх., СРНГ, 9, с. 227), земноводных (ср. *вакушка* 'лягушка' Арх., СРНГ, 4, с. 19), рыб (ср. *пискуля* 'сырть' Волхов, Ильмень, СРНГ, 27, с. 49) и т. д.

3) *обонянии* в названиях: трав (ср. *пахучка* 'душистый вереск' СРНГ без указ. места, 25, с. 298), грибов (ср. *вонючка* 'мелкий летний гриб' Тамб., СРНГ, 5, с. 94), животных (ср. *вонючка* 'хорь' ЛАРНГ), насекомых (ср. *вонючка* 'жужелица' Дон., СРНГ, 5, с. 94) и т. д.

4) *осязании* в названиях: погоды (ср. *мокрень* 'сырая погода' Брян., Тул., СРНГ, 18, с. 208), снега (ср. *мокринец* 'снег, падающий с дождем' Ряз., СРНГ, 18, с. 209), низменностей (ср. *мокрина* 'сырое низкое место' Новг., СРНГ, 18, с. 209), оврагов (ср. *суходол* 'сухой овраг' Даль, IV, с. 367), болот (ср. *вязель* 'вязкое,

топкое болото' Пск., Твер., Смол., Ленингр., Новг., Олон., Волог., СРНГ, 6, с. 73), почвы (ср. *мякота* 'чернозем' ЛАРНГ), травы или цветов (ср. *ладыш* 'ландыш' Калуж., СРНГ, 6, с. 181; *мякушка* 'сочная трава' Новг., СРНГ, 19, с. 82), грибов (ср. *масляй* 'масленок' Новг., Олон., СРНГ, 18, с. 14), пресмыкающихся (ср. *ладыш* 'змея' Калуж., Брян., Смол., Курск., СРНГ, 6, с. 181) и т. д.

5) *вкусе* в названиях: воды в реке (ср. *солоница* 'река с соленой, горькой водой' Даль без указ. места, IV, с. 268), травы (ср. *горькуша* 'полынь' Новг., Ряз., СРНГ, 8, с. 82), ягод (ср. *кисляница* 'клюква' Костром., Вят., СРНГ, 13, с. 236), грибов (ср. *горчан* 'несъедобный горький гриб, похожий на груздь' Брян., СРНГ, 7, с. 73), рыб (ср. *горчанка* 'рыба горчак *Rhodeus amarus* Bl.' Юго-Зап., СРНГ, 7, с. 74) и т. д.

6) *температурных* ощущениях в названиях: погоды (ср. *исхолодь* 'холодная погода' Твер., СРНГ, 12, с. 269; *жарынь* 'засуха' Ворон., Тул., СРНГ, 9, с. 85; *теплота* 'теплая погода' Орл., СМЛОГ, 23), ветра (ср. *теплек* 'теплый южный ветер' Пск., Даль, IV, с. 399) и т. д.

II. *Оценки-когнитивы*, отражающие второй этап восприятия предметов и явлений внешнего мира:

1) *рационалистические* оценки, включающие широкий спектр оценок, связанных с практической и познавательной деятельностью человека. С помощью этих оценок устанавливается логическая связь познаваемых объектов, определяется то, что имеет ценность в духовно-практической деятельности человека, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в сложном и многоликом мире природы, ср., например, *пространственные* оценки, в которых актуализируется сема 'место' в названиях ландшафта (*заберег* 'прибрежная низина' Арх., Вост.-Сиб., Иркут., СРНГ, 9, с. 251; *закосок* 'песчаная отмель, коса, протянувшаяся от берега к середине реки' Перм., Волж., СРНГ, 10, с. 158; *облесье* 'опушка леса' Пск., Твер., СРНГ, 22, с. 95; *пабережье* 'прибрежный луг' Арх., Беломор., СРНГ, 25, с. 107; *паозерок* 'дорога по льду озера' Пск., Твер., СРНГ, 25, с. 203; *подводница* 'мелкое место в реке' Арх., Беломор., Север., СРНГ, 27, с. 360; *подгорок* 'холм перед горой' Олон., СРНГ, 27, с. 379; *уречье* 'полоса земли у реки' Пск., Твер., Даль, IV, с. 510); *функциональные* в названиях, относящихся к

растительному миру (ср. *жердник* 'молодой, тонкий лес, идущий на жерди' Костром., Вят., Краснояр., СРНГ, 9, с. 132; *мочальник* 'мелколистная липа, кора которой идет на изготовление мочал' Вят., Симб., Свердл., СРНГ, 18, с. 316; *кровоцист* 'смирния *Smurcium dodonaei* Spr.' СРНГ без указ. места 15, с. 270), *утилитарные* в названиях домашних животных и птиц (ср. *доёна* 'дойная коро-ва' Костром., Калин., СРНГ, 8, с. 95; *поддоек* 'корова, которая перед отелом дает мало молока' Калин., СРНГ, 27, с. 391; *кладуша* 'кураца, несущая много яиц' Твер. СРНГ, 13, с. 260) и т. д.;

2) *психологические* оценки, передающие субъективно-ориентированное восприятие реалии (ср. *весельник* 'лес из молодых березок' Пск., СРНГ, 4, с. 182);

III. *Оценки-сублиматы* или абсолютные оценки, удовлетворяющие чувство прекрасного. Эти оценки, главной из которых в русском макрокосме является *эстетическая*, встречаются сравнительно редко и представлены в основном в названиях растительного мира (ср. *красовик* 'подосиновик': «Красивый гриб, потому и зовут красовик», Яросл., Калин., Моск., СРНГ, 15, с. 198; *красавица* 'сорт яблок' Сарат., СРНГ, 15, с. 172; *красавка* 'незабудка' КАССР, СРНГ, 15, с. 172).

Как свидетельствует материал, ведущими среди этих оценок являются оценки-когнитивы, а именно рационалистические оценки, позволяющие человеку передать свои знания и опыт в освоении мира. Не случайно они представлены в каждой из рассмотренных семантических сфер русского макрокосма. Это преобладание когнитивных оценок является яркой иллюстрацией творческого восприятия реальности, наблюдательности русского народа, чей опыт и знания нашли свое выражение в производном слове.

Несмотря на разнообразие мотивационных критериев и оценок, используемых в словообразовательной детерминации аксиологически значимых объектов реальности, бросается в глаза повышенное внимание, с одной стороны, к ценностям прагматического характера (словообразовательно маркируется прежде всего оценка «важно», поскольку мир ценностей для человека это в основном мир его практической деятельности), а с другой — к антиценностям, т. е. к явлениям аномальным, воспринимаемым человеком как отрицательным (ср., например, словообразовательное маркирование плохой, а не хорошей погоды, больного, а

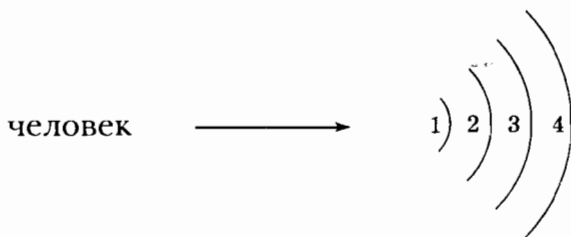
не здорового леса, болот и оврагов как мест непригодных для сельскохозяйственного использования).

Системно-функциональный подход к словообразованию выявил полюсную организацию словообразовательно-семантических полей. Семантические сферы, открытые для актов словообразования, структурируются по принципу ядерной поляризации: деривационные средства группируются чаще всего вокруг одного центра, причем, как правило, имеющего знак минус. Оригинальное объяснение явлению актуализации негативной модальности предложила Н. Д. Арутюнова: «Оценка общей ситуации как хорошей или плохой делается на несколько разных основаниях: для общехорошего достаточно отсутствие частноплохого, между тем как общеплохое всегда предполагает наличие частноплохого... Норма, в принципе, одна, отклонений же от нормы может быть сколько угодно. Именно это позволило Паскалю считать, что зло многолико, тогда как добро, можно сказать, всегда одинаково» (Арутюнова, 1984, с. 17).

Аксиологический подход к словообразованию позволил рассмотреть изнутри систему номинаций (как систему представлений человека об окружающей его действительности), в которой отражены результаты его познавательной и классифицирующей деятельности. При таком подходе к словообразованию оно предстает как логически оправданный акт словотворчества, позволяющий проникнуть в тайны народного духа, в сложный процесс постижения и освоения мира природы. В словообразовательно маркированных единицах языка прочитывается богатейшая информация о системе ценностей русского народа, раскрываются особенности его мировидения, мироощущения и мировосприятия. Эта информация является своеобразным ориентиром в сложном и многоликом мире природы. Поскольку любой язык стремится не только к объективации миропонимания народа, но и консервации его духовно-практической деятельности, то словообразовательно детерминированная лексика дает возможность проникнуть в механизм сложного процесса познания и интерпретации мира человеком и осознать язык в его глубинной сути. А если учесть, что лексический уровень языка более всего подвержен «давлению действительности», то нельзя не признать, что он ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира, позволяя увидеть реальную классификацию

человеческого опыта, так сказать, «субъективную реальность» того или иного народа.

Если попытаться представить структурную организацию русского макрокосма, в формировании которого участвуют словообразовательные средства, то схематически это можно выразить следующим образом:

- 1 — растительный мир; 2 — животный мир; 3 — ландшафт;
4 — небо и небесные тела.

Такая картина иерархии словообразовательно структурированных семантических сфер языка дает представление об элементарных формах жизни и хозяйствования и, думается, свидетельствует прежде всего о земледельческих приоритетах русского человека, его психологических связях в первую очередь с растительным миром. Образ жизни (*modus vivendi*) не мог не сказаться на образе мышления (*modus cogitandi*). Существование тесных эмоционально-когнитивных и аксиологических, потребностно-мотивационных связей русского народа с окружающим его миром вело к актуализации в каждой семантической сфере макрокосма своих характерных мотивировочных признаков и оценок.

Так, в частности, в семантической сфере «Растительный мир», наиболее открытой для словообразования, ведущими являются три мотивировочных признака — **качественно-характеризующий**, (ср. *лественник* 'лиственный лес' Урал., Киров., Том., СРНГ, 17, с. 64; *глушняк* 'береза бородавчатая *Betula verrucosa* Ehrh' Арх., СРНГ, 6, с. 220; *мелкота* 'плохая низкорослая трава' Арх., СРНГ, 18, с. 101), **локативный** (ср. *поречник* 'лес, растущий по берегам рек, озер' Забайкал., СРНГ, 30, с. 58; *придорожник* 'спорыш *Polygonum aviculare*' Даль без указ. места, III, с. 411; *попутяй* 'груздь'

Моск., СРНГ, 30, с. 21) и акциональный (ср. *дрожница* 'осина' Дон., СРНГ, 8, с. 197; *подростель* 'мелкий, малорослый лес' Перм., Свердл., СРНГ, 28, с. 161; *телорез* 'резун *Statioles L.*' Даль без указ. места, IV, с. 449), а среди аффективных оценок — оценки, покоящиеся на зрении (ср. *белоцветка* 'ромашка' Перм., Свердл., СРНГ, 2, с. 226), вкусе (ср. *кисляница* 'клюква' Костром., Вят., СРНГ, 13, с. 236), осязании (ср. *мокруха* 'гриб со слизью, встречающийся в еловых лесах' Урал., СРНГ, 18, с. 212) и обонянии (ср. *пахучка* 'душистый вереск' СРНГ без указ. места, 25, с. 298), что отличает когнитивную модель этой сферы от других семантических сфер русского макрокосма.

В семантической сфере «Животный мир» среди множества актуализируемых признаков ведущими являются два — **качественно-характеризующий** (ср. *краснушка* 'рыжая лиса' Ср. Урал., СРНГ, 15, с. 188; *поганка* 'мышь' Пск., СРНГ, 27, с. 287; *гладуха* 'упитанная корова' Сев.-Двин., СРНГ, 6, с. 181; *молочница* 'молочная корова' Пск., Твер., СРНГ, 18, с. 246; *кожанка* 'худая заморенная лошадь' Пск., СРНГ, 14, с. 50) и **акциональный** (ср. *бродень* 'медведь, который не спит в берлоге' Иркут., Якут., СРНГ, 3, с. 185; *бодун* 'бодливый бык' Иван., Барнаул., Влад., Свердл., Тюмен., Ленингр. СРНГ, 3, с. 58; *каркун* 'ворон' Беломор., Влад., Калинин., СРНГ, 13, с. 92; *клевец* 'дятел' Олон., Онеж., СРНГ, 13, с. 271; *переходница* 'яловая корова' Вост., Том., Кемер., Амур., Вят., Перм., Влад., Волог., Арх., СРНГ, 26, с. 264), а среди аффективных оценок — акустические (ср. *кокуша* 'кукушка' Смол., Новг., Волог., Арх., Онеж., СРНГ, 14, с. 106; *пискун* 'суслик' Урал., СРНГ, 27, с. 49) и визуальные (ср. *желтушка* 'зорянка *Erythraecus rubecula L.*' Новг., СРНГ, 9, с. 114; *зеленяк* 'лягушка' Пск., СРНГ, 11, с. 251) оценки¹.

¹ Попутно отметим, что вопрос о соотношении звуковых и цветовых оценок при характеристике разных типов культур заслуживает особого изучения. Об этом писал еще П. А. Флоренский, указывая на различие культур Древней Эллады и Востока (Флоренский, 1990, с. 341). Что касается нашего материала, то здесь прослеживается следующая интересная закономерность: в названиях диких птиц наблюдается явный перевес в сторону визуальных оценок (ср. *белшейка* 'ржанка *Arenaria interpres L.*' Перм., СРНГ, 2, с. 227; *зеленушка* 'синица *Parus major*' Свердл., Тобол., СРНГ, 11, с. 249; *красногрудик* 'снегирь' Заурал., СРНГ, 15, с. 182), а в названиях домашних — акустических (ср. *гаган*

В семантической сфере «Земля» ведущими являются три мотивировочных признака — **качественно-характеризующий** (ср. *жидня* 'болотистое место' Ряз., СРНГ, 9, с. 170; *кривун* 'косогор' Амур., СРНГ, 15, с. 251; *ровень* 'равнина' Новг., Даль, IV, с. 98), **локативный** (ср. *забока* 'залив' Алт., Краснояр., СРНГ, 9, с. 263; *подболотица* 'небольшой луг, переходящий в болото' Яросл., Моск., СРНГ, 27, с. 341; *уречье* 'полоса земли у реки' Пск., Твер., Даль, IV, с. 510) и **акторный** (ср. *водорой* 'рытвина, прорытая дождевой водой' Свердл., СРНГ, 4, с. 346; *намой* 'овраг' СРНГ без указ. места, 20, с. 39; *затоп* 'заливной луг' Смол., Тул., СРНГ, 11, с. 99), что касается сенсорных оценок, то они лишь изредка встречаются в названиях воды, дна реки или почвы, ср. оценки, покоящиеся на зрении (*белик* 'малоплодородная почва' Свердл., СРНГ, 2, с. 213; *красник* 'глинистая почва' Свердл., СРНГ, 15, с. 175; *мутница* 'мутная вода в реке, обычно во время половодья' Сев.-Двин., Арх., Белозер., СРНГ, 19, с. 28), осязании (*вязель* 'вязкое дно озера' Калинин., СРНГ, 6, с. 73; *мякота* 'чернозем' ЛАРНГ) и вкусе (*солоница* 'река с соленой, горькой водой' Даль без указ. места, IV, с. 268).

В семантической сфере «Небо и небесные тела» ведущим мотивировочным признаком является **акциональный** (ср. *кипун* 'мороз' Смол., СРНГ, 13, с. 217; *поливень* 'проливной дождь' Яросл., Смол., СРНГ, 29, с. 70; *сечка* 'снежная крупа' Орл., СМЛОГ, 1997, с. 95; *тащуха* 'метель' Даль без указ. места, IV, с. 393), а среди аффективных оценок — оценки, покоящиеся на температурных ощущениях человека (ср. *холодель* 'холодная погода' Даль без указ. места, IV, с. 558).

Изложенный материал является красноречивым свидетельством яркой ценностно-целевой ориентации русского словообразования: все, на чем останавливается взор человека, что привлекает его внимание, получает в языке меткое и четкое выражение. Благодаря компрессии языковых средств, целые предложения «свиваются» в одно слово (ср. *вывод* 'дорога, по которой можно выйти из леса' Свердл., СРНГ, 5, с. 255; *груздище* 'лес, в котором растут грузди' Орл., СРНГ, 7, с. 165).

'гусак' Самар., Новг., СРНГ, 6, с. 87; *гурлак* 'индюк' Калуж. СРНГ, 7, с. 299; *квокша* 'курица' Южн., Яросл., Тамб., Ср.Урал., 13, с. 169; *кукарей* 'петух' Тамб., СРНГ, 16, с. 32).

В пределах ограниченного объема книги невозможно представить весь материал. Однако даже этот эскизный фрагмент семантической сферы «Вселенная» свидетельствует о том, что при репрезентации языковой картины мира словообразовательные средства используются весьма избирательно. Включение их в акт номинации определяется, несомненно, таким обстоятельством, как тип ономаσιологической категории и ее утилитарный статус. При этом отчетливо прослеживается момент своеобразного «давления» действительности на язык, которая стремится запечатлеть в нем свои черты. С этим давлением и связана, по-видимому, таксономическая глубина, степень детализации номинативных участков той или иной семантической сферы, а также степень открытости их для актов словообразования. Утилитарный статус естественных классов рождает и новый вид таксономии, как бы навязываемой природе человеком, учитывающей интересы человека и его реакцию на внешние раздражители (Арутюнова, 1988, с. 55), ср., например, диалектные названия лугов, классификация которых отличается от соответствующей литературной своей дробностью и детализированностью: 'прибрежный луг': *пабережье* Арх., Беломор., СРНГ, 25, с. 107; 'сенокосный луг': *лужавина* Костром., СРНГ, 17, с. 181; 'заливной луг': *поливо* Яросл., СРНГ, 29, с. 70; 'низменный луг': *понижье* Костром., СРНГ, 29, с. 260; 'заболоченный луг': *луговина* Пск., Калинин., СРНГ, 17, с. 175; 'небольшой луг около усадьбы': *одворица* Киров., СРНГ, 23, с. 7; 'небольшой луг, переходящий в болото': *подболотица* Яросл., Моск., СРНГ, 27, с. 341; 'скошенный луг': *косьба* Яросл., СРНГ, 15, с. 95 и т. д.).

Это положение прекрасно иллюстрирует и факт избирательно-го использования в номинативном означивании различных сфер русского макрокосма таких фундаментальных определителей бытия, как время и пространство. Анализ диалектного материала выявил их расчлененное восприятие в семантических сферах, связанных с миром «дикой» и «освоенной» природы:

— пространственное восприятие связано в основном с миром «дикой» природы, когда более существенным является пространственная локализация реалии, например, место произрастания леса (ср. *гривняк* 'лес, растущий на высоком месте' Север, СРНГ, 7, с. 145; *поречник* 'лес, растущий по берегам рек' Забайкал., СРНГ,

30, с. 58), дерева (ср. *борина* СРНГ без указ. места, 3, с. 99; *боровуша* Смол., СРНГ, 3, с. 108 'сосна, растущая в бору'), травы (ср. *попутник* 'подорожник' Волог., Арх., Ср. Урал., Приобье, СРНГ, 30, с. 20; *поречь* 'трава (осока, резуха, очерет) по болотистым или песчаным берегам реки' Арх., СРНГ, 30, с. 58), ягоды (ср. *боровика* 'брусника' Ряз., Арх., СРНГ, 3, с. 104; *поземка* 'земляника' Юго-Зап., Пск., СРНГ, 28, с. 332), гриба (ср. *поддубенник* 'боровик' Калуж., СРНГ, 27, с. 396; *попутяй* 'груздь' Моск., СРНГ, 30, с. 21) и т. д.;

— временное восприятие связано с миром «второй» природы, освоенной или созданной человеком, когда чаще требуется обозначить не 'где', а 'когда', т. е. более существенным является темпоральный признак, например, время вспашки или засева поля (ср. *осенина* 'поле, вспаханное осенью' Амур., СРНГ, 23, с. 366), время посева растений промышленного значения (ср. *весновка* 'яровой хлеб' Том., Кемер., СРНГ, 4, с. 185; *зимка* 'озимый хлеб' Латв., СРНГ, 11, с. 272), время (и срок) созревания сельскохозяйственных культур (ср. *озимовка* 'поздний сорт овощей, плодов' Курск., Ворон., СРНГ, 23, с. 94; *сорокодневка* 'сорт картофеля' ЛАРНГ) и т. д.

Мы попытались представить инвариантную модель структурной организации русского макрокосма, которая, несомненно, в дальнейшем может быть дополнена и уточнена вариантными моделями, поскольку своеобразие природного ландшафта России, жизненного уклада крестьян дает возможность «прочитать» их с самых разных точек зрения. В этом отношении было бы чрезвычайно интересно провести сопоставительный анализ севернорусской и южнорусской моделей или же разных региональных моделей русскдого макрокосма.

Если расширить рамки исследования и обратиться к общеславянскому контексту, то дальнейшее исследование словарного состава славянских языков с позиций его открытости/закрытости для словообразования позволит выявить своеобразие языкового сознания восточных, южных и западных славян. Не случайно, говоря о типологическом изучении словарного состава славянских языков, Ф. Копечны призывал к исследованию прежде всего структуры наименования, средств и способов называния элементов действительности (Кореšný, 1958, с. 9). Более детальная разработка этой про-

блемы на общеславянском материале позволит сделать любопытные наблюдения, связанные с отражением в языке через актуализацию в словообразовании познавательной и классифицирующей деятельности человека, особенностей славянского менталитета. Инвентаризация мотивировочных признаков и аксиологических оценок, релевантных для той или иной семантической сферы и актуализируемых в акте словообразования, поможет в дальнейшем создать базу для реконструкции языковой картины мира современных (а при расширении границ исследования, привлечении данных истории языков) и древних славян.

Изучение словообразования в его погруженности в жизнь позволяет, таким образом, осуществить квантирование восприятия окружающего мира, поскольку производное слово является, по сути дела, маленькой моделью представления знаний о мире как сложном процессе чувственно-мыслительного осознания его человеком.

Аксиологический подход к изучению словообразования открывает широкие перспективы в разработке проблемы реконструкции языковой картины мира того или иного этноса. Он позволяет ответить на вопрос, какие ценности и почему удерживаются сознанием и словообразовательно маркируются, какие мотивировочные признаки кладутся в основу наименования, играет ли в этом роль этнический фактор, и если играет, то как это выражается в языке.

Цитируемая литература

- Азарх, 1993 — Диалектные различия русского языка. Словообразование (отв. ред. Азарх Ю. С.). Кемерово, 1993.
- Апресян, 1986 — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986, вып. 28.
- Арзуманова, 1995 — *Арзуманова Н. Г.* Названия ветров в русских говорах Карелии и сопредельных областей // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1995. СПб., 1998.
- Арутюнова, 1982 — *Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции. // Новое в зарубежной лингвистике. XIII Логика и лингвистика. М., 1982.
- Арутюнова, 1983 — *Арутюнова Н. Д.* Сравнительная оценка ситуаций // Известия АН СССР ОЛЯ, 1983, № 4.
- Арутюнова, 1984 — *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. М., 1984.
- Арутюнова, 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

- Арутюнова, 1990 — *Арутюнова Н. Д.* Тождество и подобие // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.
- Бодуэн де Куртенэ, 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Борухов, 1991 — *Борухов Б. А.* «Зеркальная» метафора в истории культуры // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Бурко, 1995 — *Бурко Н. В.* Названия глубоких оврагов в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1995. СПб., 1998.
- Васильченко, 1996 — *Васильченко С. М.* Формально-семантические связи русского имени существительного в семиологическом и ономазиологическом аспектах. Орел, 1996.
- Вендина, 1990 — *Вендина Т. И.* Дифференциация славянских языков по данным словообразования. М., 1990.
- Вендина, 1996 — *Вендина Т. И.* Лексический атлас русских народных говоров и лингвистическая гносеология // ВЯ, 1996, № 1.
- Вольф, 1985 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Гак, 1993 — *Гак В. Г.* Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Гумбольдт, 1984 — *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гумилев, 1992 — *Гумилев Л. Н.* От Руси к России. М., 1992.

- Гынгазова, 1992 — *Гынгазова Л. Г.* К проблеме построения типологии говоров малого ареала // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980, т. I–IV.
- Дейк, 1989 — *Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация (пер. с англ.). М., 1989.
- Денисенко, 1994 — *Денисенко Ю. Ф.* Наименования фаз луны и темпоральных понятий на их основе в восточнославянских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1994. СПб., 1996.
- Дмитровская, 1988 — *Дмитровская М. А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Духовная культура и этническое самосознание. М., 1990–1991, вып. 1–2.
- Дьякова, 1992 — *Дьякова В. И., Хитрова В. И.* Воронежская географическая лексика в ареальном аспекте // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992.
- Журавлев, 1997 — *Журавлев А. Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. М., 1997.
- Ивин, 1971 — *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М., 1971.
- Кацнельсон, 1972 — *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кислов, 1986 — *Кислов Б. А.* Проблема оценки в марксистско-ленинской философии: вопросы теории и методологии. АДД. Свердловск, 1986.

- Клепикова, 1981 — *Клепикова Г. П., Морозова Т. М., Пыхов В. А.* К вопросу об интерпретативных возможностях много-темных карт ОЛА // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1981.
- Климкова, 1992 — *Климкова Л. А., Ламохина С. И., Пестрикова Н. Е.* Лексика природы в говорах юга Нижегородской области // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1992. СПб., 1994.
- Ковалев, 1996 — *Ковалев Г. Ф.* Астронимы в говорах воронежской области // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров. Материалы межвузовской научной конференции. Арзамас, 1996.
- Кондратенко, 1994 — *Кондратенко М. М.* Лексика народной метеорологии в славянских языках. Канд. дисс. М., 1994.
- Коновалова, 1993 — *Коновалова Н. И.* Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте. М., 1993.
- Коршунов, 1977 — *Коршунов А. М.* Социальное познание, ценность, оценка // *Философские науки.* 1977, № 6.
- Кравченко, 1997 — *Кравченко А. В.* Восприятие и категоризация // *Языковая категоризация.* М., 1997.
- Крейдлиן 1993 — *Крейдлиן Г. Е.* Таксономия и аксиология в языке и тексте // *Логический анализ языка. Ментальные действия.* М., 1993.
- Кубрякова, 1993 — *Кубрякова Е. С.* Возвращаясь к определению знака. Памяти Р. Якобсона // *ВЯ,* 1993, № 4.
- Куликовский, 1898 — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

- ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. Программа. СПб., 1994, ч. 1–2.
- Лебедева, 1990 — *Лебедева Н. М.* Эмпирические исследования психологической адаптации этнической группы к иной природной среде // *Духовная культура и этническое самосознание*. М., 1990, вып. 1.
- Лекарева, 1994 — *Лекарева Л. А.* Родник, ключ, источник // *Лексический атлас русских народных говоров 1994*. СПб., 1996.
- Лосский, 1957 — *Лосский Н. О.* Характер русского народа. М., 1957, кн. 2.
- Маковский, 1980 — *Маковский М. М.* Системность и асистемность в языке. М., 1980.
- Маркарян, 1969 — *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
- Маркелова, 1996 — *Маркелова Т. В.* Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. Докторская диссертация. М., 1996.
- Монина, 1995 — *Монина Т. С.* Проблема тождества предложения. М., 1995.
- Николаева, 1983 — *Николаева Т. М.* Качественные прилагательные и отражение картины мира // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии*. М., 1983.
- Новоцихин, 1995 — *Новоцихин В. И.* Лексическая деривация в говорах Костромской области // *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1995*. СПб., 1998.
- Петренко, 1988 — *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.

- Розина, 1991 — *Розина Р. И.* Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Руденко, 1990 — *Руденко Д. И.* Имя в парадигмах философии языка. Харьков, 1990.
- Серебренников, 1983 — *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Скляревская, 1993 — *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- СМЛОГ — Словарь метеорологической лексики орловских говоров. Орел, 1996.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1997, т. 1–31.
- Толстой, 1996 — *Толстой Н. И.* Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Топоров, 1993 — *Топоров В. Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов, Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993.
- Топорова, 1994 — *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.
- Трубачев, 1988 — *Трубачев О. Н.* Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков // Этимология 1985. М., 1988.
- Фабело, 1984 — *Фабело Х.* Оценка и познание // Вестник МГУ, 1984, сер. 7, № 1.
- Флоренский, 1989 — *Флоренский П. А.* «Термины» // ВЯ, 1989, № 1.

- Флоренский, 1990 — *Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Сочинения. М., 1990, т. 2.*
- Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.
- Цивьян, 1990 — *Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.*
- Черенкова, 1995 — *Черенкова А.Д. Мировосприятие сельских жителей и отражение его в лексике природы (на материале говоров Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1995. СПб., 1998.*
- Щербак, 1995 — *Щербак А.С. Антонимические оппозиции в лексике природы Тамбовских говоров // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1995. СПб., 1998.*
- Alexander, 1969 — *Alexander N. Meaning in Language. Illinois, 1969.*
- Hallig, Wartburg, 1963 — *Hallig R., Wartburg W. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. Berlin, 1963.*
- Кореšný, 1958 — *Кореšný F. Ответ на вопрос: Каковы основные задачи и проблемы типологии славянских языков // Сборник ответов на вопросы по языкознанию к IV Международному съезду славистов. М., 1958.*
- Lowenthal, 1961 — *Lowenthal D. Geography experience and imagination: toward a geographical epistemology // Annals, association of American Geographers. New York, 1961.*
- Nazwy wartości, 1993 — *Nazwy wartości. Lublin, 1993.*

- Puzynina, 1982 — Puzynina J. Językoznawstwo a aksjologia. Warszawa, 1982.
- Puzynina, 1992 — Puzynina J. Język wartości. Warszawa, 1992.
- Rokeach, 1973 — *Rokeach H.* The Nature of Human Values. New York; London, 1973.
- Wartościowanie w języku, 1992 — Wartościowanie w języku, i tekście. Warszawa, 1992.

Вендина Т. И.

Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). — М.: Издательство «Индрик», 1998. — 240 с. (Библиотека Института славяноведения РАН, 10).

ISBN 5-85759-081-7

Книга посвящена исследованию ономаσιологической и деривационной структуры русской языковой модели мира. Анализируя богатый материал русских диалектов, автор попытался выявить логику словотворческих актов и представить структурную организацию русского макрокосма.

Для лингвистов широкого профиля, историков языка и культуры.

Научное издание

Татьяна Ивановна Вендина

**Русская языковая картина мира
сквозь призму словообразования
(макрокосм)**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения РАН

Редактор *Н. Павлова*
Корректор *Е. Пономарева*

Верстка *Л. Коритынской*

Оригинал-макет выполнен в издательстве «Индрик»

Издательство «Индрик»
Директор *С. Григоренко*
Главный редактор *Н. Волочаева*
Выпускающий редактор *О. Климанов*

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
15,0 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 4085
Отпечатано с оригинал-макета
в Типографии «Наука» РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

